

Дерек Смит

ПРИХОДИ НА
ПАДДИНГТОНСКУЮ
ЯРМАРКУ

1953.

Whistle Up the Devil

1997.

Come to Paddington Fair

2014.

Model for Murder

2014.

The Imperfect Crime
(расказ)

ДЕРЕК СМИТ

ПРИХОДИ НА
ПАДДИНГТОНСКУЮ
ЯРМАРКУ

перевод с английского

2021

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)
С50

Derek Smith

Come to Paddington Fair

*Перевод с английского
Николая Баженова*

*Во время спектакля кульминацией является сцена убийства.
Неожиданно актриса, играющая жертву, падает мертвой. Что это?
Убийство, несчастный случай? И почему кто-то пригласил именно на
этот спектакль старшего инспектора Касла? Вместе со своим
молодым другом Олджи Лоуренсом Касл приступает к
расследованию...*

Смит, Дерек Хау

С50 Приходи на Паддингтонскую ярмарку : [детективный
роман] / Дерек Смит; пер. с англ. – 2021. – 240 с.

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)

© Перевод. Н.Баженов, 2021

Посвящаю памяти
Джона Диксона Карра,
Бога волшебников

ЧАСТЬ I

ЗАНАВЕС ПОДНИМАЕТСЯ

ГЛАВА I

Пройдя через широкие двери банка, Ричард Мервен оказался на улице. Это был аккуратно одетый мужчина лет тридцати с тонким, умным лицом и глазами, в которых видна была смутная тревога.

Такси ожидало. Мервен взглянул на него и крепче сжал ручку кожаного портфеля. Ему никогда не нравились эти поездки в главный офис. Хотя в том, чтобы уехать из местного отделения, и могли иметься свои преимущества, если работа становилась особо скучной, но возвращение с деньгами неизменно нарушало его душевное спокойствие.

– Всего лишь несколько сотен фунтов, – успокоил его бухгалтер. – Эскорт вам не понадобится.

Мервен с ним не согласился... но промолчал. Он вошел в главный офис с нехорошим предчувствием. Что-то говорило о катастрофе. Мервен нервно сглотнул. Он направился к ожидавшему такси. Водитель наблюдал за ним. Мервен увидел, как испуг стер румянец с его лица, и инстинктивно обернулся. Расширившимися от страха глазами увидел искаженное лицо. В поднятой руке блеснуло что-то металлическое.

Дубинка неумолимо пошла вниз.

Рот Мервена исказился в ужасной усмешке. Он уронил портфель и поднял руку, чтобы отразить удар. Его предплечье ударило в поднятую руку противника. Жуткое оружие, сжатое в кулаке нападавшего, прошило воздух. Быстро, повернувшись, Мервен бросил свое тело под руку незнакомца и тут же схватил его обеими руками. Одной рукой он намертво вцепился в запястье человека, а другой – выше

локтя. Он услышал тревожный всхлип и истерично рассмеялся. Мервен наклонился вперед. Беспомощный во власти молодого клерка, потенциальный грабитель почувствовал, что мир завертелся перед глазами. Сила инерции бросила его на плечо молодого человека. Он потерял равновесие и упал на тротуар с криком боли.

Почти изумленный успехом своего маневра, Ричард Мервен совершил первую ошибку. Он должен был наступить ногой на руку и потянуть запястье противника. Это был безжалостный захват, который мог сломать тому руку. Но, возможно, Мервен был слишком брезглив. А возможно, он слишком переживал за сохранность денег. Он освободил захват и отодвинулся в поисках портфеля.

Страдающий от боли бандит отчаянно попытался вырваться на свободу. Шипя как кошка, он швырнул дубинку в голову клерка. Мервен инстинктивно отпрянул. Он услышал, как кто-то кричит, а затем с удивлением понял, что звуки вырываются из его собственного горла. Что-то ударило его в шею, и он упал, накрывая портфель, который только что подхватил. Все вокруг словно умолкло. Он лишь смутно различал чьи-то крики и глухой топот ног на тротуаре. Глаза устало закрылись...

Кто-то поддерживал его за плечи.

– С вами все хорошо, шеф?

Мервен открыл глаза. Очень близко на него смотрело чье-то покрасневшее лицо.

– А? О, да, я в порядке. – Он поморщился. – Моя шея...

– Там кровь, шеф. – Таксист явно нервничал. – Я должен доставить вас к доктору.

Мервен покачал головой. Шею тут же пронзила боль, и он с трудом смог сделать вдох. Он провел рукой по разодранной коже, а затем уставился на пальцы. Они были липкими и красными.

– Тот человек... – прошептал он. – Где он?

– Убежал, шеф. Туда за угол.

Мервен поглядел в выжидающие, немного глуповатые лица прохожих, вставших полукругом на тротуаре вокруг него.

– Разве никто его не преследует?

Водитель пожал плечами.

– Все произошло слишком быстро, шеф. И меня больше волновали вы, чем он.

Кто-то прокладывал путь через толпу. Это был посыльный банка, одетый в форму и очень важный. Мервен ответил на немой вопрос посыльного чуть горькой улыбкой.

– Все в порядке. Деньги целы.

Таксист повторил:

– Я должен отвести вас к доктору.

Мервен упрямо отказался и добавил:

– Везите меня в отделение банка.

Водитель и посыльный заговорили одновременно:

– Полиция...

– Им понадобится заявление...

Мервен упрямо повторил:

– Они могут приехать за мной в отделение. Я должен доставить это. Он сжимал в руке кожаный портфель.

Посыльный кивнул:

– Я объясню. – Он поднял дубинку и стал с интересом ее рассматривать.

– Отпечатки пальцев... – предупредил таксист, но Мервен одновременно возразил: – Он был в перчатках.

Тогда оба потеряли интерес к куску трубы в руке посыльного, и водитель помог молодому клерку встать с тротуара.

Пошатываясь от головокружения и тяжело дыша Мервен сел в такси и откинулся на сидении. Пока машина отъезжала, он вытирал шею носовым платком. Пальцы дрожали, а сердце бешено колотилось. С внезапным отвращением он отодвинул портфель подальше.

Поездка к филиалу показалась слишком короткой. Стараясь держаться, Мервен внес портфель в банк и вручил деньги главному кассиру. Его прибытие произвело что-то вроде сенсации.

Ему навстречу вышел бухгалтер и с некоторым отвращением изрек:

– Мервен, вы выглядите ужасно.

Клерк подавил безумное желание расхохотаться. Слабым голосом он ответил:

– Наверное, – и устало прикрыл глаза. – Я совсем без сил. Вы не возражаете, если я сяду?

Начальник смягчился.

– Идите со мной. – Он привел молодого человека в свой собственный закуток за прилавком. Поспешно подбежал подчиненный со стулом. Бухгалтер взгромоздился за стол. Это был невысокий мужчина нездорового вида с жесткими волосами. За грубые манеры сотрудники его недолюбливали, но работал он усердно и эффективно. С необычной для себя сердечностью он бросил:

– Ну, Мервен, похоже, вы – настоящий герой.

Клерк слабо улыбнулся. Он чувствовал, как кровь продолжает течь по шее, впитываясь в воротник.

Бухгалтер продолжал:

– Звонили из главного офиса – предупредили о вас. Как я понял, вы не стали ждать полицию. – Он нахмурился. – Не думаю, что это разумно: они последуют за вами сюда... Однако это неважно. Вреда не нанесено. Деньги в безопасности. Это главное!

– Да, мистер Сперлинг. Это главное.

Сперлинг откашлялся. После неловкого молчания он продолжал:

– Надеюсь, вы не слишком пострадали. Ваше поведение похвально. Очень похвально. Вы были храбры и сообразительны. Управ-ля-ю-щий – он выговорил по слогам, – хочет поблагодарить вас лично.

Мервен кивнул. Во рту сделалось кисло.

Сперлинг посмотрел на него более внимательно. Мервен выглядел очень помятым. Не в силах скрыть оттенок неодобрения в голосе, бухгалтер строго сказал:

– Вам лучше не встречаться с ним в таком виде. Сначала приведите себя в порядок. – Он замолчал и резко добавил: – Эта рана на вашей шее – очень неприятная.

– Все не так плохо, как выглядит, – ответил Мервен. – Он почувствовал странное безразличие. Его вдруг заинтересовало, отпустят ли его на вторую половину дня.

Сперлинг грубо пролаял:

– Ну, хорошо. Мы послали за доктором. А пока вымойте шею внизу.

Мервен вновь кивнул. Устало поднявшись, он неуверенными шагами направился к лестнице, ведущей в подвальный этаж.

Когда он шел мимо уголка с девушками, треск пишущих машинок резко стих. Младшая из двух машинисток внезапно взглянула на него и дружелюбно улыбнулась. Мервен замедлил шаг и улыбнулся в ответ. Она с милым смущением опустила голову. Мервен упругой походкой пошел дальше.

Когда тем вечером она вышла из банка, Ричард Мервен ждал ее. Он уже полчаса слонялся по магазинам напротив, ожидая ее. Когда он, наконец, увидел, как она сбегает по ступенькам, то с невинным видом направился в ее сторону.

– Добрый вечер, мисс Барр, – он приподнял шляпу.

Ее голубые глаза расширились от удивления.

– Мистер Мервен! Я думала, вы пошли домой.

– Управляющий отпустил меня на вторую половину дня, – признал он. – Но едва ли это можно назвать отдыхом. Пришлось сделать заявление для полиции. А затем нужно было ехать в Ярл смотреть портреты преступников.

– В Скотланд-Ярд? – Брови девушки удивленно изогнулись.

– Да. Они надеялись, что я смогу идентифицировать человека, который на меня напал. – Голос Мервена звучал механически. Он восхищенно смотрел на девушку. Она была очень красивой.

– О! – Остро чувствуя его пристальный взгляд, она улыбнулась, от чего на щеках образовались восхитительные ямочки. – И как?

Всматриваясь в тонкие черты ее лица, он почти прослушал вопрос.

– Нет. Нет, я не мог найти его в их галерее, – торопливо ответил он. – В любом случае, сомневаюсь, что смог бы узнать его, – неуверенно добавил он: – Небритый подбородок и седеющие волосы... Это все, что я запомнил. – Он выглядел мрачным.

Девушка сочувственно рассмеялась.

– Вы были слишком заняты, защищаясь, чтобы заметить его лицо.

– Да, – согласился Мервен, но как-то неуверенно; повисло неловкое молчание.

Девушка поправила на плече длинный ремешок, на котором висела сумочка.

– Ну, мне пора.

– Не уходите! – отчаянно воскликнул Мервен и замолчал. Он чувствовал себя глупо и ужасно смущался. Сегодня он заговорил с ней в первый раз.

– Да? – на лице мисс Барр читался скромный вопрос.

Мервен собрал всю свою храбрость:

– Вы согласитесь попить чаю со мной?

В голубых глазах девушки что-то слабо вспыхнуло.

– Почему? – спросила она напрямик.

Мервен сглотнул слюну и выпалил:

– Вы мне нравитесь.

Ее губы задрожали, а затем изогнулись в плутовской улыбке.

– Вы мне тоже нравитесь, – нежно ответила она. – Давайте выпьем чаю.

Почти потеряв голову от восторга, Ричард Мервен признался:

– Прежде я слишком нервничал, чтобы заговорить с вами.

Они сидели за столиком в переполненном кафе. На щеках девушки вновь появились ямочки.

– В самом деле?

– Да. Я очень застенчив.

Девушка с серьезным видом кивнула:

– Я знаю, – и добавила сочувственно: – Это необычное качество. Но оно в вашу пользу.

Лицо Мервена осветилось:

– Спасибо, мисс Барр.

– Лесли, – поправила она.

– Лес-ли, – с удовольствием повторил он. – Какое прекрасное имя.

– Я тоже так считаю, – согласилась девушка с неким оттенком гордости и рассмеялась: – Наверное, это тщеславие, но я очень люблю свое имя. – Она сделала красивый жест рукой. – Ну же, сэр. Назовите *ваше* имя!

– Ричард.

– Я буду звать вас Диком, – решительно заявила она.

Счастливый Мервен пожирал ее глазами. Внезапно он выпалил:

– Вы очень красивы.

Лесли была из тех девушек, которые никогда не краснеют. Она скромно поблагодарила его.

– Так, раз *это* мы выяснили, – продолжала она со смехом, – что дальше?

Клерк нетерпеливо ответил:

– Я хочу пригласить вас в кино.

Она улыбнулась:

– Звучит так, словно вы клянетесь в вечной преданности.

– Пожалуйста, не смейтесь надо мной, – тихо попросил Мервен.

Она накрыла его ладонь своею.

– Не буду, Дик. Обещаю.

Он пришел в восторг и поинтересовался:

– Куда мы пойдем?

– Выбор за вами.

– В «Лондон павильон» идет «Жизнь дается один раз»...

– Фильм Фрица Ланга? Да, я бы с удовольствием.

Мервен улыбнулся. Он предложил этот фильм, сомневаясь, воспримет ли Лесли его тонкости. Но упоминание ею имени режиссера обрадовало и ободрило его.

Пока он покупал билеты, Лесли ждала у входа. Когда он вернулся к ней, она взяла его под руку.

Позже они шли по городским улицам, и она спросила:

– Дик, вы не говорили мне... – она замялась.

– Да? – подбодрил он ее.

Лесли начала снова:

– Мы вместе работаем в банке с тех пор, как вы демобилизовались...

Мервен кивнул. Он демобилизовался в начале 1946 года и сразу вернулся на старую работу.

Голос Лесли был тихим, почти дрожащим:

– Это было несколько месяцев назад. Но вы никогда не приближались ко мне... по-дружески. Что заставило вас заговорить со мной сегодня?

– Что дало мне храбрость, вы имеете в виду? – Он сухо усмехнулся. – Ответ прост, Лесли. Вы мне дружески улыбнулись.

Ответ ей, казалось, понравился. Она на секунду задержала взгляд на широкой повязке у него на шее. Затем проворчала:

– Вы были настоящим героем. Я подумала, что вы заслужили... улыбку...

Они гуляли по темным улицам, держась за руки, как дети, и молчали. Словно чувствовали, что эта новая близость, которая их связала, была драгоценной, хрупкой вещью, которую слова могут разрушить.

Наконец, девушка вздохнула:

– Уже поздно.

– Да.

Их шаги звенели на тротуаре.

– Это был прекрасный вечер, – пробормотала Лесли.

Он не ответил. Вместо этого он повернул голову и коснулся губами ее мягких волос.

Она смеясь, вырвалась. Они пошли молча. Когда они приблизились к ее дому, она повернулась к нему. Она была высокой девушкой – пять футов и семь дюймов – и их глаза оказались на одном уровне. Мервен почувствовал, что жилка на горле сильно запульсировала. Девушка была так близко.

– Доброй ночи, Дик, – прошептала Лесли.

Ее губы нежно коснулись его мимолетным поцелуем. Затем она ушла.

Все началось с поцелуя... а закончилось убийством.

ГЛАВА 2

Двое мужчин прошли через хорошо охраняемую дверь в большой зал тюрьмы. Их шаги звенели по металлической лестнице, когда мужчины поднимались до первой галереи, которая шла вдоль всей стороны зала. Они разговаривали тихо.

Старший надзиратель сказал:

– О, да. Он – хороший заключенный. Не жалуется, послушен и не создает проблем. И все же... – Он сделал паузу.

Его спутник проницательно закончил:

– И все же он беспокоит вас.

– Да, – кивнул старший надзиратель. – И это не связано с тем, что он делает или говорит. Скорее с тем, чего он не делает и не говорит... – Он замолчал и выпалил: – Мне не нравятся осужденные в первый раз! Дайте мне старого рецидивиста. От них знаешь, чего ждать!

Детектив-инспектор Касл усмехнулся. Это был крупный мужчина с хорошими манерами и проницательным взглядом. На нем был выдавший виды старый плащ и шляпакотелок.

– Это предубеждение, – заметил он.

– Возможно – да, а возможно – нет, – проворчал старший надзиратель. – Смейтесь, если хотите, но вот что я вам скажу. Этот молодой Мервен меня пугает.

Касл изобразил вежливое, но недоверчивое ворчание. Старший надзиратель мрачно продолжил:

– У него навязчивая идея. Вежлив и замкнут. И в нем нет жалости.

Касл внимательно посмотрел на него:

– Вы описываете другого человека.

Его спутник сухо возразил:

– Он здесь уже несколько месяцев.

Касл кивнул:

– Понимаю, что вы имеете в виду.

Они продолжили путь.

Старший надзиратель коротко кивнул приблизившемуся коридорному и остановился около одной из камер. Он повернул ключ в замке и открыл дверь. Ширина помещения равнялась высоте, а глубина составляла четыре шага. Бесцветные стены были немного влажными, а через крошечные непрозрачные стекла зарешеченного окна неуверенно проникало немного света. Воздух в камере, холодный и несвежий, был пропитан животными запахами тюрьмы. Касл непроизвольно поежился.

Мужчина, который поднялся с раскладной койки в углу, был одет в серое, а лицо по цвету почти совпадало с одеждой. Он молчал.

Касл похлопал сопровождающего по плечу и что-то прошептал ему на ухо. Старший надзиратель замялся, а затем развернулся и вышел на площадку, тщательно закрыв за собой тяжелую дверь.

– Садитесь, Мервен, – проворчал Касл. – Я хочу поговорить с вами один на один.

Ричард Мервен заговорил, и за покорным равнодушием в голосе слышалась насмешка:

– Вы забыли инструкции. Полицейский, разговаривающий с заключенным...

– ...должен находиться под наблюдением представителя штата тюрьмы. Знаю. – Касл выглядел усталым. Он снял шляпу-котелок и рассеянно стукнул по ней. – Это неофициальный визит.

Вспышка любопытства осветила тонкое умное лицо. Бывший клерк сел на койку, положив руки на грубое одеяло, покрывающее жесткий матрац.

– Вы должны были разговаривать со мной в комнате для посетителей. Эта «хата» не очень удобна. – Он мрачно оглядел камеру.

Инспектор сочувственно посмотрел на него.

– Осваиваете тюремный сленг... – заметил он.

– Постепенно, – с горечью признал Мервен. – У меня много времени для учебы.

– О, да. Ваш срок...

– Довольно большой. – Губы Мервена сжались. – Я должен ждать свободы много лет.

– Вы не можете жаловаться. Вы ограбили банк.

Мервен закусил губу:

– Я никогда этого и не отрицал.

– Да, – согласился Касл. – Не отрицали. Но вы не сказали нам ничего полезного. И мы должны вернуть деньги, которые вы взяли из сейфа.

Мервен пожал плечами и промолчал.

Касл потер подбородок. Он размышлял:

– Вас поймали и признали виновным. Но я все-таки за вас переживаю.

Пальцы Мервена сжались:

– Забудьте меня.

– Не могу. – Касл отодвинул в сторону эмалевую кружку и кувшин и присел на край стола, встроенного в стену. Он начал говорить тихим доверительным тоном. – Это дело заинтересовало меня с самого начала. Как вы, вероятно, знаете, я вел почти все предварительное расследование.

Он сделал паузу, словно ожидая комментария. Мервен кивнул, но ничего не ответил.

Касл продолжал:

– Первый рапорт был простым. Однажды поздно днем в субботу вас нашли на улице. Вы, казалось, стали жерт-

вой нападения. Вас отвезли в больницу и выяснили, что у вас сотрясение мозга. На голове глубокая рана. – Он мрачно улыбнулся, увидев, как Мервен вздрогнул и потер затылок. – Очевидно, вас ударили дубинкой. – Он произнес это слово с отвращением. – Все это достаточно ясно. Но мотив нападения был неясен. Вас, казалось, не ограбили.

Мервен криво усмехнулся. Касл внимательно наблюдал за ним.

– При вас было удостоверение личности, поэтому мы знали, кто вы такой, и скоро обнаружили, где вы работали. При вас была также связка ключей, которые очевидно принадлежали банку. Вы были все еще без сознания, поэтому мы не могли расспросить вас. Но мы связались с вашими работодателями. Они не сильно встревожились, даже когда мы упомянули ключи. Они объяснили свою систему.

К сейфу всегда давалось два набора ключей. У бухгалтера или другого высшего должностного лица имелась первая связка, в то время как у одного из клерков – вторая. Эта обязанность переходила от одного к другому по списку. В те выходные была ваша очередь держать при себе ключи. Но ваша связка была бесполезной без другой. Однако... – Касл сделал неопределенный жест, – мы убедили ваших работодателей проверить сейфы в хранилище. Нам пришлось ждать бухгалтера, человека по имени... – Касл щелкнул пальцами.

– Сперлинг, – механически произнес Мервен.

– Правильно. Сперлинг. Нам нужны были его ключи помимо ваших, чтобы открыть сейф. И когда мы это сделали...

– Весь ад вырвался на свободу.

– Да. Сейф был пуст. Банкноты, казначейские билеты, ценные бумаги – вы взяли все. Ревизоры оценили потерю в тысячи фунтов.

– Вы когда-нибудь сомневались относительно моего соучастия? – любопытствовал Мервин.

Касл усмехнулся.

– Ни разу. Это явно была внутренняя работа. Ничего не взломано, за исключением нескольких запаянных оловянных ящиков на тележках кассиров. Все остальное было открыто ключами. И очевидно, вы были ответственны за грабеж. Мы нашли ваши отпечатки повсюду. Вы даже оставили нам молоток и долото, которым вскрывали ящики. Настоящая работа дилетанта.

Мервен закусил губу.

– Что ж, я облегчил вам задачу.

Касл нахмурился.

– Все было не так просто. Имелось несколько вопросов, на которые я не смог ответить. У вас никогда не было доступа к ключам бухгалтера, но все же вы должны были воспользоваться ими во время грабежа. Сначала я подумал, что Сперлинг мог быть вашим сообщником...

Мервен искренне рассмеялся.

Касл спокойно продолжал:

– Но у него было железное алиби, поэтому я вскоре выбросил его из головы. Его ключами не воспользовались, поэтому у вас должны были иметься дубликаты.

Молчание Мервена выглядело согласием.

– Где вы их достали? И как? – спросил Касл.

Лицо Мервена превратилось в маску:

– Мне нечего вам сказать.

Касл забарабанил короткими пальцами по шляпе.

– Вам нечего сказать, – он передразнил заключенного, но без издевки. – Так вы и заявили нам при аресте.

– Вы зачитали мне обычное предупреждение.

– Да. Иногда мне жаль, – вздохнул Касл, – что я не могу нарушить судебную рутину. Если бы у меня была возмож-

ность поговорить с вами конфиденциально... Ладно. – Он потер подбородок и продолжил:

– Моя теория такова. У вас, должно быть, был сообщник, и этот человек вероятно достал дубликат ключей. Имея их и те, которые были в вашем распоряжении официально, вы смогли прийти в пустой банк днем, открыть сейф и ограбить его. Была суббота, банк закрылся в двенадцать, у вас была куча времени. Вы наполнили чемодан деньгами и уехали. Все так просто.

Касл нахмурился.

– Что же произошло потом? Я могу только предполагать... Вы воссоединились с сообщником. Вы рассчитывали уехать вместе, возможно, бежать из страны. Но... – Он сделал неопределенный жест и мрачно закончил: – Вас надули. Вас оглушили и бросили. Ваш сообщник сбежал с награбленным. И вы остались ни с чем.

Мервен зло усмехнулся и сжал кулаки.

Касл продолжал:

– Это не такая уж необычная история. Но необычна ваша реакция. Вы знали, что не можете избежать осуждения, но могли бы получить более мягкий приговор. Могли сотрудничать с полицией. Я ожидал, что вы назовете сообщника и полностью во всем признаетесь. Но вы не сделали никакого заявления. Вы признали себя виновным и оставили все остальное нам.

Мускулы на лице Мервена застыли в дикой улыбке. Он закрыл рот рукой.

Касл проворчал:

– Но теперь вы уже ничего не теряете. Вы могли бы рассказать мне все.

– Мне ничего сказать вам, – упрямо повторил Мервен.

– Нет? – Касл на секунду замолчал, а затем резко спросил: – Вы могли бы рассказать мне о... Лесли.

Имя произвело в камере эффект разорвавшейся бомбы. Потом наступила тишина, в которой инспектор постепенно стал слышать тиканье часов на запястье.

Щеки Мервена запали, но глаза лихорадочно блестели.

Касл вздохнул.

– Вижу, что должен продолжить монолог. Хорошо! – Он потер подбородок. – Давайте вернемся к началу. Некоторое время вы были без сознания. И вы были безумны. Вы говорили...

Глаза Мервена уставились на инспектора в болезненной концентрации. Касл продолжил:

– Вы все время бормотали имя. Имя человека, который обманул вас...

Мервен внезапно и непроизвольно дернулся.

Касл мрачно улыбнулся.

– Не волнуйтесь. Вы не сказали ничего конкретного. Мы поместили в больницу детектива, чтобы наблюдать за вами. Он сообщил лишь немного больше, чем имя – «Лесли» – и мы решили, что это и есть человек, который вас предал.

Мервен заговорил еле слышно.

– Это все?

– Это все, – признал инспектор. – Очень слабая улика. Вы говорили в бреду, и это могло вообще ничего не значить. Но я проверил, конечно.

– И? – пробормотал Мервин.

– Что ж! – Касл вздохнул. – Я обнаружил, что девушка по имени Лесли Барр некоторое время работала в банке машинисткой.

– Я знал ее немного. Она уволилась за некоторое время до грабежа, – равнодушно сказал заключенный.

– За несколько месяцев до него, – согласился инспектор. Он сделал паузу, а затем тихо сказал: – Я обнаружил место-

положение ее квартиры. – Он по-совиному взглянул на Мервена. – Довольно странно, – и в голосе прорезалась ирония, – она расположена недалеко от улицы, где вас подобрали с сотрясением.

Мервен сжал челюсти.

Касл сухо продолжал:

– Я осмотрел квартиру. Ее бросили. Мисс Барр, как выяснилось, уехала, не оставив адреса для пересылки. Я не смог вступить с ней в контакт.

– И что? – Казалось, заключенный просто выдохнул этот вопрос.

– Боюсь, это все, – проворчал инспектор. – Мисс Барр исчезла. Такое может произойти, как вы знаете, даже в наши дни всеобщей регистрации.

– Вы не... – Мервен с трудом подбирал слова, – вы не смогли проследить ее?

– Нет. Едва ли я мог просить, чтобы мои начальники объявили общенациональный розыск. В конце концов, я лишь проверял догадку. У нас не было никакой настоящей причины, чтобы искать мисс Барр... Или была? – В вопросе слышался вызов.

Мервен отреагировал довольно резко:

– Думаю, вам следует уйти.

– Не так быстро, молодой человек, – проворчал Касл. – Выслушайте меня.

– Вы лишь тратите свое время впустую.

– Возможно. Но мне не нравятся незаконченные дела. Когда я расследую дело, то мне хочется аккуратно связать все свободные концы.

Он ударил шляпой о колено.

– Именно поэтому я здесь. Официально дело закрыто, если вы не дадите мне основания открыть его снова. Понимаете? Мне нужны новые доказательства.

– Мне нечего сказать вам.

Касл спокойно произнес:

– Я думаю, что вы – дурак. И все-таки мне вас жаль. И поверьте, я редко сочувствую преступникам.

Мервен пожал плечами. Он казался бесстрастным.

Касл тихо продолжал:

– Хотел бы я знать, что превратило вас из приличного молодого человека, который дрался на улице с грабителем, в глупого преступника, совершившего набег на сейф своих работодателей. Изменение кажется слишком сильным, слишком внезапным, слишком странным...

Мервен пробормотал:

– Влюбленный мужчина... – и замолчал.

Касл бросился в атаку.

– Значит это была та женщина... Лесли?..

– Я ничего не говорил вам, – упрямо произнес Мервен.

Касл смотрел на него озадаченно:

– Я не могу понять вас, Мервен. Вы ничего не выиграете, защищая эту девушку. Вы же не можете хотеть, чтобы она осталась безнаказанной. Если только...

Он перевел дух и уставился на человека в тюремной серой одежде. В слабом свете, который проникал через толстое стекло позади него, лицо Мервена казалось искаженным ненавистью.

Касл бормотал:

– Вы были честным, надежным и уважаемым. Но теперь все кончено. Вы никогда не вернетесь к той жизни, которую вели... Вы – конченный человек. И благодарите за это Лесли.

Гнев запылал в глазах заключенного. Он стал задыхаться:

– Сейчас вы можете смеяться надо мной. Но однажды...

– Вы станете свободным. – Инспектор напрягся. – И тогда? Зрочки Мервена сузились. Он вновь овладел собой.

– Вам не о чем волноваться. Я ничего не имею против вас.

– Нет, – громко произнес Касл. – Но вы пугаете меня... Люди в тюрьме закипают. Возможно, становятся безумными... не знаю. Но я знаю одно... – Он замялся, а затем выпалил:

– У вас навязчивая идея. И вы опасны!

Мервен рассмеялся:

– Вы ошибаетесь.

Касл покачал головой:

– Нет. Теперь я понимаю. Вы не предадите эту девушку...

– Нечего предавать.

– Не лгите. – Касл отбросил церемонии. – Вы не станете вовлекать эту девушку. Почему? Потому что не доверяете нам. Вы хотите отомстить лично... – Инспектор сделал паузу. Он барабанил пальцами по шляпе, ожидая ответа Мервена.

Слабая улыбка искривила губы заключенного.

– До свидания, инспектор.

Касл нахмурился. Он нахлобучил шляпу на голову и сердито прихлопнул. Затем подошел к тяжелой двери и громко постучал.

Когда слышались шаги вдоль галереи, большой человек обратился к заключенному в последний раз.

– Забудьте месть. Предоставьте девушку нам.

Вспышка в глазах Мервена выглядела как невысказанный вопрос.

Касл спокойно ответил:

– Вы – приличный молодой человек. Я не хочу, чтобы вы погубили себя.

На мгновение Каслу показалось, что он преуспел. Лицо Мервена изменилось: он стал похож на обиженного ребенка. Затем вновь завернулся в гордость отчаяния.

– До свидания, – повторил он.

Касл поднял руку и уронил ее, признавая поражение. Дверь открылась. Он вышел из камеры.

Ричард Мервен слушал, как шаги затихают вдали. Затем громко сказал, словно повторяя клятву:

– Лесли, любовь моя, мы встретимся снова. Я буду искать тебя и найду. – И закончил шепотом: – И тогда я убью тебя...

ЧАСТЬ II

(ЦЕНА ПОДГОТОВЛЕНА

ГЛАВА 3

Олджи Лоуренс с горечью воскликнул:

– Боже, прокляни и испепели все телефоны!

Он только что приступил к приему утренней ванны, когда в спальне раздался трезвон. Послав еще одно проклятье, он поднял стройное, спортивное молодое тело из нежной теплой воды и выбрался из ванны. Засунув влажные ноги в потрепанные, но удобные шлепанцы, он обернул полотенцем бедра, по которым потоками стекала вода, и с несчастным видом потопал через соседнюю дверь в спальню.

Схватив мокрой рукой телефонную трубку, он недовольно буркнул:

– Алло!

– Привет, Олджи.

– Стив! – Почти все раздражение исчезло. – Ах вы, старый негодник. Как поживают преступления?

– Не стоят усилий. Или, по крайней мере, так мне говорят. – Старший инспектор Касл откашлялся. – Я не предлагаю вам расследования, Олджи. Это – светский звонок.

– Ага.

Совершенно небрежным тоном Касл продолжал:

– Давайте сходим сегодня в театр.

– Гм, однако! – Лоуренс мягко качнулся на пятках. – Что за шоу? Если это водевиль в театре «Мельница», то можете на меня рассчитывать. Там есть прелестная крошка по имени Кэрол Logan...

– Нет, нет, нет! – Касл начал сердиться. – У меня есть билеты на дневной спектакль в «Янусе».

– «Янус»? О, да. Это какая-то мистерия, да? Ну, не знаю, Стив...

– Мне бы очень хотелось пойти с вами, – спокойно сказал Касл.

Легкий нажим в приятном баритоне старшего собеседника не остался незамеченным. Лоуренс сразу решил.

– Тогда хорошо. Принимаю ваше приглашение.

– Отлично. – Инспектор казался довольным. – Встретимся за ланчем?

– Да, конечно. Как насчет ...? – Он назвал паб в Кенсингтоне.

Касл одобрительно заворчал.

– Прекрасно. Теперь посмотрим, – Лоуренс слышал слабый шелест бумаг, когда его старый друг быстро просматривал их. – У меня порядочно обычной рутины, но... Ладно, на этот раз Ярд может обойтись без меня.

– Да.

– Черт возьми, – засмеялся Стив, – вам не следовало так легко соглашаться... Я могу быть в том пабе к часу. Устроит?

– Конечно. Я закажу что-нибудь приличное.

– Это внесет разнообразие. Обычно приходится обходиться сэндвичами. Но тут вы разбираетесь лучше меня, молодой бездельник.

Они обменяли еще несколькими шутками и положили трубки. Лоуренс позволил руке задержать на мгновение трубку и сонно пробормотал:

– Стив, ах ты старый мошенник, у тебя явно что-то на уме. Интересно что?

Он вернулся в ванную, и в его ленивых голубых глазах заиграли яркие искорки.

Старший инспектор Касл (прошло уже шесть лет после его последнего разговора с Ричардом Мервеном, но он все еще носил тот же потертый плащ и шляпу-котелок) прокладывал себе путь через скопление столов.

Олджи Лоуренс встал, приветствуя его.

– Привет, Стив! Сюда!

Касл что-то пробурчал в ответ. Его молодой друг занял столик на двоих в углу. В пронизательных серых глазах полицейского вспыхнуло одобрение.

– Привет, Олджи. – Они обменялись рукопожатием.

– Я уже сделал заказ, – улыбнулся Лоуренс и подал знак официантке. – Ростбиф и печеный картофель. Правильно?

Большой человек был консервативен в своих вкусах. Он довольно заворчал.

Лоуренс вновь сел и вытянул под столом длинные ноги. Он насмешливо посмотрел на инспектора.

Касл содрал шляпу с седой головы и шлепнул ею по полке над стойкой для одежды в углу. словно запоздало спохватившись, он снял плащ и повесил его на колышек под котелком.

Олджи улыбнулся. Он знал, что привязанность инспектора к старому неприглядному плащу была неистощимым объектом для шуток в Скотланд-Ярде:

– Готов держать пари, что вы без ума от радости, что идете на дневной спектакль. Если бы у нас были билеты в партер на вечернее представление, пришлось бы надевать вечерний костюм.

– Вечерний костюм, черт бы его подрал, – проворчал Касл. – Я... погодите минутку! Как вы узнали, что у меня билеты в первых рядах?

– Я и не знал, – сознался Олджи. – Но подумал, что этот небольшой наш поход мог быть наградой за... гм, помощь, которую я время от времени оказываю Скотланд-Ярду. И зная ваше доброе сердце и щедрость...

– Понятно, – грубо перебил Касл. – Не стоит разрабатывать тему... Я разочарован в вас, Олджи. На мгновение я решил, что вы сделали что-то умное.

– Интуиция, – парировал Лоуренс, – лучше дедукции. И легче. Спросите мистера Форчуна.¹

– Так или иначе, – продолжал Стив, – вы правы. Мы будем сидеть в первом ряду. Самые дорогие места в зале. И, – резко закончил он, – они не стоили мне ни пенса.

Лоуренс приподнял бровь.

– Пригласительные билеты?

– Да, – кивнул инспектор. – И нет.

Олджи лениво усмехнулся:

– Давайте бросим эти игры, Стив. Отрывайте фальшивые бакенбарды. Раскройте мне настоящую причину нашего похода в «Янус».

Касл отодвинул стул и тяжело опустился на него.

– Что заставляет вас думать, что у меня имеется скрытый мотив?

– Дневной спектакль на двоих, – улыбнулся Олджи, – это очень по-женски. Это не ваш способ идеально провести субботу. Кроме того, – смешливые морщинки собрались в уголках его голубых глаз, – вы делаете намеки со всей деликатностью человека, швыряющего кирпичи в окно.

Два друга рассмеялись, глядя друг на друга. Затем Касл поднял руки, шутливо признавая поражение:

– Хорошо, тогда взгляните.

Он достал из кармана конверт и перебросил его через стол.

Лоуренс поглядел на машинописный адрес.

– «Нью-Скотленд-Ярд, Лондон, S.W.1» О! Вас понизили в должности, детектив-инспектор Стивен Касл.

– Мой корреспондент, – проворчал Стив, – немного отстал от жизни. В 1948 году я стал старшим инспектором. В то время, пока вы, – добавил он не совсем к месту, – валяли дурака в своей разведке.

---

1 Реджи Форчун – детектив в серии романов Генри Бейли.

Лоуренс потер щеку.

– Письмо доставлено этим утром?

– Да. Кажется попало в последнюю выемку вчера...
Взгляните еще раз на штемпель.

– Лондон, S.E. 1.

– Это вам что-нибудь говорит?

Палец Лоуренса праздно двигался вдоль узора на ска-
терти.

– Это большая площадь, Стив. Туда входят две больни-
цы, два больших вокзала, собор, Имперский военный му-
зей и Каунти-Холл... Но только один театр: «Олд-Вик».

– Точно. «Янус» по другую сторону реки в сердце теат-
рального района.

– Ага. – Лоуренс открыл конверт и вынул сложенный
листок бумаги. Молодой человек тщательно рассмотрел его.
Бланк был напечатан для известного агентства по прода-
же билетов и представлял собой пропуск для двух человек
на дневной спектакль в «Янусе». Соответствующие дета-
ли были небрежно вписаны химическим карандашом.

– Это кое-что объясняет, – пробормотал Лоуренс. – Эти
места не подарок от дирекции.

– Нет. Пригласительные билеты, посылаемые от теат-
ра, всегда выдаются в театральной кассе и имеют штамп
БЕСПЛАТНО.

Лоуренс вернул листок в конверт.

– Вывод очевиден, – весело заметил он: – У вас есть бла-
годетель, предпочитающий остаться неизвестным.

Касл нахмурился. Неожиданно он выпалил:

– *Timeo Danaos et dona ferentes.*²

---

2 «Бойся данайцев и дары приносящих». Латинская крылатая фра-
за, впервые встречающаяся в поэме Вергилия «Энеида». употребле-
няется в случае, когда некий подарок или благодеяние представ-
ляют потенциальную опасность для принимающего эту мни-
мую помощь.

– Не цитируйте Вергилия, Стив, – улыбнулся Олджи. – Это меня смущает... Таким образом, вы боитесь греков и подарков, которые они приносят. Его пальцы потянулись к конверту. – Что заставляет вас думать, что это троянский конь?

– Будь я проклят, если знаю, – пожал плечами Касл. – Возможно, я всего лишь прокисший старый полицейский. Но весь мой опыт говорит, – он замялся, – что ты редко получаешь что-то просто так. Кроме того... было еще кое-что.

– В конверте?

– Да. – Касл достал из бумажника тонкую полоску картона и передал через стол.

Лоуренс взял ее, изящно держа за торцы.

– Не нужно волноваться из-за отпечатков, – сухо сказал Касл. – Их нет.

Подразумеваемое признание заставило его молодого друга улыбнуться:

– Значит, вы уже проверили? А вы дотошный, Стив!

– Когда пробуждается мое любопытство.

– Ммм. Это интригует. – Олджи казался озадаченным. – Что, черт возьми, это означает?

Он положил карточку на скатерть. На ней черными чернилами были оттиснуты четыре слова, текст был прост:

ПРИХОДИТЕ НА ПАДДИНГТОНСКУЮ ЯРМАКУ

Сидней Шорт, швейцар при служебном входе театра «Янус», высунулся из своей стеклянной будки и пронзительно позвал:

– Мисс Кристофер!

Лесли Кристофер вопросительно обратила на него свои прекрасные голубые глаза.

– Да, Сидней?

– Для вас письмо, мисс. Одну секунду. – Швейцар соскочил с табурета, как неловкая старая птица с ветки.

Лесли терпеливо ждала у двери служебного входа, через которую только что вошла, в то время как страж этой двери неуклюже шарил в захламленной будке.

– Вот оно, мисс. Прибыло с полуденной почтой. – Шорт замялся было, но желание поговорить пересилило. – Там пометка «Лично и срочно».

В голосе звучало неприкрытое любопытство. Лесли это поняла и постаралась не выказать естественного раздражения.

– Спасибо, Сидней. – Она взяла конверт из его костлявой ладони и подавила искушение осадить швейцара. Нет смысла портить отношения со старым дурнем именно сейчас. Она никогда не отталкивала человека, если не была уверена, что он больше не сможет пригодиться.

– Не за что, мисс. – Шорт продолжал задумчиво пожирать письмо глазами.

Лесли засунула его в сумочку и отвернулась. Затем остановилась и вновь обернулась – ее длинные шелковистые волосы упали, как занавес на воротник пальто.

– И еще, Сидней!

– Да, мисс? – Швейцар вновь высунул голову из будки.

– Мистер Трент уже пришел?

– Нет, мисс. – Швейцар бросил взгляд на часы над дверью. – Он может опоздать!

– Как обычно. – За профессионально теплой улыбкой Лесли внимательный наблюдатель мог бы обнаружить лед беспокойства. – Пожалуйста, попросите его зайти ко мне в уборную, когда придет.

Она направилась вдоль коридора красивой, изящной и уверенной походкой.

Шорт с восхищением проводил взглядом ее удаляющуюся фигуру, а затем закрыл окошко будки. Покачив лысеющей головой, он сентиментально вздохнул и сказал, ни к кому не обращаясь:

– Настоящая леди!

– Она –...! – голос произнес одно из самых грубых уличных ругательств.

Слово это частично потонуло в возмущенном возгласе швейцара:

– Что, черт возьми, ты имеешь в виду, Альберт Викс?

– То, что сказал, – парировал его товарищ в будке. Реквизитор Викс выглядел усталым человеком за пятьдесят. Его отличало морщинистое беспокойное лицо и слишком угрюмый взгляд.

– Послушай... – Шорт впился взглядом в равнодушную спину собеседника. Викс скрючился около зловонной масляной лампы, стараясь с ее помощью довести до кипения воду в чайнике.

– Не горячись, Сид, – бросил Викс через плечо. – У тебя одно мнение о нашей драгоценной ведущей леди. Ну, а у меня – другое.

– Не могу понять, почему...

Викс перебил его:

– Тебе не приходилось испытывать на себе ее грубость. А мне пришлось.

Шорт упрямо заворчал.

– Давай не будем ссориться из-за нее, – предложил Викс. – Она того не стоит.

Шорт, казалось, готов был продолжить спор, но придержал гневные слова, готовые сорваться с языка. Вместо этого он раздраженно бросил:

– Этот чертов чай еще не заварился?

– Не беспокойся. Времени еще много.

Это замечание тут же отвлекло Шорта. Он уставился на часы и пробормотал.

– Не для Майкла Трента, нет. На этой неделе он опоздал на все спектакли. Если бы он не играл главную роль... – Он не договорил и покачал головой: – Да что с ним такое, в конце концов?

Морщины реквизитора разгладились в одной из редких улыбок. Он красноречиво щелкнул пальцем по шее.

– Пьет, ты имеешь в виду? – с сомнением сказал швейцар. – Возможно, возможно. Но держится хорошо. Это влияет на его игру?

Викс пожал плечами.

– Из кулис выглядит нормально. – Он занялся чайником и заваркой. – Но звезда ты или нет, шеф ему устроит, если он сегодня снова опоздает.

Под шефом имелся в виду помощник режиссера.

– Он и тебе задаст, – заметил Шорт, – если не отнесешь ему сейчас же патроны.

Викс нахмурился:

– Иногда он ведет себя как старая баба. Не доверяет револьвер никому. Я приношу ему патроны каждый день, не так ли? Так какого черта он не дает мне самому заряжать эту проклятую пушку?

Шорт равнодушно заметил:

– Я слышал, им стреляют в очень важной сцене. Полагаю, ему хочется убедиться, что все пройдет так, как надо.

Когда Викс на что-то обижался, ему нравилось об этом поговорить. Заваривая чай, он продолжал ворчать.

– Суета, суета, суета. Вот что такое мистер Джек Радди Остин. Как поганый кот, от которого в доме только шерсть и...

Шорт поспешно зашипел, чтобы тот замолчал, а затем произнес противоестественно елейным голосом:

– Здравствуйте, мистер Остин. Что я могу для вас сделать?

Реквизитор чертыхнулся сквозь зубы, увидев, как длинная тень закрыла будку. Он отставил чайник и повернулся с неискренней улыбкой.

– Уже иду, мистер Остин. Патроны со мной, – и для наглядности Викс похлопал по карману.

Джек Остин коротко кивнул. Помощник режиссера был коренастым мужчиной приблизительно тридцати пяти лет.

На нем был свободный пиджак, свитер с высоким горлом, серые фланелевые брюки и теннисные туфли.

– Не берите в голову, чел. – Обыденное уменьшительное казалось странным и недружелюбным в чеканной точной речи Остина. – У меня есть и другие проблемы, о которых следует беспокоиться. – Он повернулся к швейцару: – Вы видели сегодня мистера Трента?

– Нет, мистер Остин, – ответил Шорт чуть виновато: – Еще нет.

Лицо Остина потемнело:

– Вы подразумеваете, что он не в театре?

Шорт со страхом поглядел на часы, но промолчал.

– Что вас беспокоит, Джек?

Остин повернул голову. Лицо его немного разгладилось:

– Привет, Виктор... Это... Майкл Трент. Вчера он обещал мне, что придет на дневной спектакль пораньше, но похоже, что опоздает снова. – Он впился взглядом в наручные часы, а затем сердито поправился: – Уже опоздал.

Виктор Фрайерн, генеральный директор театра «Янус», в вечернем костюме выглядел впечатляюще. Это был высокий, стройный, широкоплечий мужчина. Волосы начали седесть, а лицо имело аристократические черты. Он спокойно произнес:

– Не волнуйтесь, Джек. Дайте ему еще немного времени. Он еще ни разу не подвел нас.

– Всегда бывает первый раз, – мрачно ответил Остин.

Фрайерн пожал плечами:

– Поговорите с Дензилом. Попросите его быть наготове. Он сыграет за Майкла.

Дуглас Дензил специализировался на ролях юношей. Кроме того, он был дублером Трента.

– Но что с дублером самого Дензила? – спросил Остин. – Он едва ли потянет.

Фрайерн улыбнулся:

– Это не важная роль. Как вам первым заявил бы сам Дуглас. Но... – Он вновь пожал плечами. – Нет никаких причин волноваться. Трент скоро будет здесь.

Помощник режиссера несколько раз щелкнул суставами пальцев.

– Хотелось бы верить.

Фрайерн дружески взял его под руку и осторожно повел в сторону. Остин покинул директора на входе в коридор с артистическими уборными. Фрайерн направился вдоль коридора. Сделав паузу перед дверью, отмеченной золотой звездой, он поднял руку и слегка постучал.

Изнутри донесся приглушенный звук. Расценив его как приглашение, Фрайерн открыл дверь и заглянул внутрь.

Лесли Кристофер сидела на стуле перед туалетным столиком, уставившись на собственное отражение в зеркале с экраном от света. Она быстро повернулась:

– Майкл, я... – и замолчала. – О! Это вы, Виктор. – Она изобразила улыбку. – Входите, прошу вас.

Фрайерн с любопытством рассматривал ее. Даже под косметикой было видно, как она побледнела. Он прикрыл дверь и тихо сказал:

– Вы что-то уронили.

В результате ее резкого поворота при его появлении на пол упала карточка и конверт.

Фрайерн наклонился, чтобы поднять их. Его пристальный взгляд упал на карточку, которая лежала на ковре лицевой стороной вверх.

Оттиснутый текст он прочел мгновенно:

ВСТРЕТИМСЯ НА ПАДДИНГТОНСКОЙ ЯРМАРКЕ.

ГЛАВА 4

– Любопытное сообщение, – заметил Фрайерн. В его голосе слышался вопрос.

Лесли нервно улыбнулась:

– От какого-то сумасшедшего, конечно. Пришло с полуденной почтой.

Фрайерн изучил вскрытый конверт:

– Анонимные письма достаточно распространены. Но это не похоже на обычное. Например, что означает «Лично и срочно»?

– О, в самом деле, Виктор! Я не могу этого объяснить. Я же говорю: от какого-то сумасшедшего.

Она казалась усталой и раздраженной. Фрайерн насмешливо посмотрел на нее и пробормотал:

– Простите, дорогая. Не хотел вас расстраивать.

Лесли вновь уставилась в зеркало:

– Вы не расстроили меня, Виктор. Но... ладно. Выбросьте эту гадость.

Фрайерн бросил карточку и конверт в корзину за туалетным столиком.

– Такие вещи раздражают, потому что бессмысленны, – заметил он. – Но вам не стоит волноваться, если только... Он замаялся. – Еще раз простите, дорогая. Но, возможно, у вас неприятности?

Лесли все еще глядела в зеркало, крася губы в темно-красный цвет. На секунду она замерла, а затем ответила вопросом на вопрос:

– Что заставило вас это спросить?

– Я хорошо вас знаю, – тихо сказал Фрайерн. – В течение последних нескольких недель вы были нервной, напряженной, чем-то обеспокоенной. Не хотите сказать мне, почему?

– Виктор, я...

Фрайерн вежливо перебил ее:

– Посмотрите на меня, дорогая. Пожалуйста.

Лесли красиво вздохнула и повиновалась. Несмотря на толстую маску косметики и белую ткань, прикрепленную к волосам, чтобы защитить их при нанесении грима, она была очень привлекательной молодой женщиной.

Фрайерн пристально глядел на нее, и его глубоко посаженные глаза приобрели голодное выражение. Он продолжил:

– Груз проблем можно разделить. Позвольте мне вам помочь!

Лесли сжала тонкие руки:

– Нет у меня никакого горя. В самом деле, Виктор, вы преувеличиваете... Признаю, я немного сама не своя. Но моя игра в первом действии... – Она замялась. – Она отнимает много сил. Опустошает меня. – Она засмеялась: – И нелегко ежедневно «умирать»!

– А Майклу нелегко совершать убийство восемь раз в неделю, – заметил Фрайерн. – «Выстрел», которым он «покончил» вчера с вами, был совершенно неубедительным. – Он добавил более серьезно: – Но согласен: роль эмоционально опустошает. Возможно, вам нужен отдых.

Губы Лесли решительно сошлись в жесткую линию:

– У меня контракт на все спектакли.

Фрайерн сделал великодушный жест:

– Отпуск можно организовать. Две или три недели...

– Нет, спасибо, Виктор. – Лесли хмуро посмотрела на собеседника. – Я не собираюсь терять эту роль.

– Вы вся на нервах.

– Это мой способ играть лучше. – Лесли повернулась к зеркалу. – Эта роль – мой первый большой успех, Виктор. Я не собираюсь от нее отказываться.

– Вам решать, дорогая. Но будьте осторожны.

– Не волнуйтесь. – В ее смехе не было веселья. Он прозвучал пронзительно и хрупко. – Я не сломаюсь и не пропущу ни одного спектакля. Скажите это Пенни Валентайн, – закончила она со злобой.

Фрайерн улыбнулся:

– Вы ошибаетесь в ней, дорогая. Она не хочет отнять у вас Мэрилин.

– Ох уж эти мужчины! – презрительно парировала Лесли. – Вы меня удивляете, Виктор. Разве не видно, что она готова на все ради шанса сыграть Мэрилин?

– У нее уже и так хорошая роль.

– Но она – моя дублерша! Почему, как вы думаете, она так стремилась ею стать?

Фрайерн старался быть тактичным:

– Она играет одну роль и дублирует другую. Это вполне обычно в любой труппе. Дензил в таком же положении.

– Вы никогда не поймете! – с горечью вздохнула Лесли.

Напротив, Фрайерн прекрасно ее понял. Но, как опытный человек в этой профессии, он привык видеть крайние проявления как великодушия, так и мелочности. Он спокойно произнес:

– Мэрилин ваша, дорогая. Столько, сколько захотите.

Лесли смягчилась.

– Виктор, дорогой. Вы очень милый, – пробормотала она.

Фрайерн осторожно положил руки ей на плечи и нежно повернул ее, пока она вновь не оказалась к нему лицом:

– Я не умею говорить красивых речей. Но запомните, прошу вас. Вы – особенный человек, Лесли. И нет ничего, что я не сделал бы для вас. – Он взял ее руку, а затем, нагнув сидящую голову, нежно поцеловал во внутреннюю часть ладони.

Губы Лесли задрожали. В глазах вспыхнула смесь веселья и триумфа.

– Спасибо, Виктор, – прошептала она и пробежала пальцами по его щеке.

Фрайерн выпрямился. С кривой улыбкой, он сказал:

– Я не должен забывать, что у меня имеется соперник. – Он пристально посмотрел на фотографию, висящую на стене.

Лесли перехватила его взгляд и поспешно сказала:

– Майкл – старый друг. Ничего больше.

– Как старый друг, – спокойно ответил Фрайерн, – предупредите его.

– Предупредить? – В ее голосе послышалась тревога.

– Да. На этой неделе Трент опоздал на все спектакли. Помреж сердится, а если Остин потребует чрезвычайных мер, то, как генеральный директор, я вынужден буду подержать его.

Лесли вздохнула с облегчением:

– О! И это всё? – Она подчеркнула последнее слово.

– Всё? – переспросил Фрайерн. – Разве этого не достаточно?

– Конечно, Виктор. Я ляпнула не подумав. – Она чуть нахмурилась. – Вы подразумеваете, что Майкл сегодня снова опаздывает?

– Его не было за полчаса. – Фрайерн поглядел на часы. Челюсти сжались. – Он может опоздать и на сигнал без четверти.

– Но вы придержите занавес? – с тревогой спросила Лесли.

– В случае необходимости. Трент еще ни разу не подвел нас. Но подобное не может продолжаться.

Их прервало появление костюмера Лесли, пухлой и мускулистой женщины с яркими глазами-бусинками. Она положила на туалетный столик пакет.

– Ваши сигареты, мисс.

– Спасибо, Мэгги. Теперь помощи мне одеться!

Фрайерн вышел, так как Лесли собиралась сбросить халат. Снаружи в коридоре, он увидел маленького высохшего мужчину с мрачным лицом, явно в сильном волнении.

Причина его беспокойства Виктору Фрайерну была очевидна.

– Привет, Бен. Ищете мистера Трента?

Бен Котол, костюмер Майкла Трента, нервно кивнул.

– Да, сэр. Он... он заболел?

– Нет, – мрачно ответил Фрайерн. – Но у него, конечно, проблемы.

Бен начал было оживленно жестикулировать, потом, с удивлением посмотрев на собственные руки, засунул их в карманы потертого черного пиджака.

Фрайерн пошел к служебному входу. Бен печально следовал за ним. Сидней Шорт вышел из своей будки и, открыв дверь, всматривался в мрачную аллею снаружи. Услышав их шаги, он быстро обернулся к ним.

– Идет, сэр! – крикнул он, обращаясь к директору.

– Трент? Слава Богу, – пробормотал Фрайерн.

Мрачное лицо Котола прояснилось. Он бросился вперед, чтобы встретить своего босса, когда тот войдет в театр.

Майкл Трент был высоким и красивым мужчиной с правильными чертами лица и прекрасными темными волосами. Детское очарование его улыбки немного компенсировалось каким-то оттенком порочности в умных серых глазах. Здороваясь, он чуть качнулся:

– Всем привет. Я опоздал?

– Вы пьяны, – холодно ответил Фрайерн.

– Это, – с достоинством возразил Майкл, – лажа. Клевета. Я даже скажу: грязная клевета. Я не пьян. – Казалось, он искал нужное слово: – Я счастлив! – Его речь звучала почти правильно, язык лишь чуть-чуть заплетался. Фрайерн с облегчением решил, что Трент в нормальном состоянии для выступления.

У самого Майкла в этом не было никаких сомнений.

– Давай, Бен, старый ты негодяй. Помоги мне одеться. Нет, разрази тебя гром, – засмеялся он. – Не пытайся нести меня. Я могу идти сам. Делал это в течение многих лет.

Котол увел его.

Фрайерн пожал плечами. На лице его появилось загадочное выражение. Голос рядом заставил его вздрогнуть:

– Трент, наконец, появился?

– О, это вы, Джек... Да, он здесь. Бен о нем позаботится.

Помощник режиссера мрачно произнес:

– Я поговорю с мистером Трентом.

Фрайерн похлопал его по плечу.

– Подождите до конца спектакля. Майкл не пьян, но и не трезв. Может начать спорить. Вы же знаете, какие дети эти актеры. – Помня, что Остин когда-то и сам вышагивал по сцене, он улыбнулся, чтобы не обидеть собеседника.

Помреж хмуро кивнул.

– Возможно, вы правы. Зайду к нему после спектакля. А пока...

– А пока, – спокойно перебил его Фрайерн, – мы могли бы обсудить другой вопрос. Его действия с револьвером в последнем акте...

– Черт, да! – Остин похрустел суставами пальцев. – Даже теперь нужны еще репетиции. То, как он обращается с оружием... Он остановился. – Это напомнило мне... Он снова замолчал, затем покачал головой и пробормотал: – Сначала главное. Поговорю с Трентом прямо сейчас.

– Будьте тактичны, – улыбнулся Фрайерн. – Выговор можно сделать позже.

Остин кивнул. Он поспешил в уборную Трента.

Коридорный только что энергично постучал в дверь, напевно выкрикивая:

– Пятнадцать минут! – Поймав взгляд помощника режиссера, парень виновато добавил: – На одну минуту задерживаемся.

Остин криво усмехнулся, выбил дробь на двери и открыл ее. Майкл Трент обернулся через плечо. Он стоял у раковины и крутил кран.

– Привет, Джек. Пришли читать мне лекцию?

– Нет, – без улыбки ответил Остин.

– Это хорошо, – кивнул Трент. За исключением неспособности сфокусировать взгляд он выглядел совершенно трезвым. Наклонившись над раковиной, он стал брызгать водой на лицо. Со вздохом выпрямился. – Бен! – Пожалуйста, полотенце... Спасибо. – Котол с тревогой смотрел, как его босс вытирается насухо. Остин с каменным лицом прислонился к стене.

– Так-то лучше. – Трент накинул халат, который костюмер ему подал, и повернулся к зеркалу над раковиной. – Я снова похож на человека.

– Трент, я... – начал Остин.

– Пожалуйста, Джек. – В голосе Майкла слышался веселый упрек. – Не отрывайте меня от красок и пудры. Шоу должно продолжаться. – И шепотом добавил в сторону: – Какой глупый штамп.

– Прекратите дурачиться, Майкл, – потребовал Остин. – Я не уверен, что должен позволить вам сегодня играть.

– Вспомните, – пробормотал Трент, – мою публику. – Он начал наносить грим. Помреж смотрел на него сзади. Встретившись с ним глазами в зеркале, Майкл дерзко подмигнул.

Остин собрал все терпение, какое мог:

– Послушайте, Майкл. Это важно. Вы должны уделить больше внимания действиям с револьвером в последнем акте.

Трент поднял бровь.

– Каким образом?

Довольный тем, что наконец-то завладел вниманием актера, Остин продолжал:

– Прицельтесь, прежде чем выстрелите. Вы же, как считается, стреляете Мэрилин в сердце.

– Да?

– Вчера вечером вы вообще не смотрели на револьвер. Если бы там был настоящий патрон, пуля попала бы в ложу на противоположной стороне.³

Трент засмеялся:

– Не волнуйтесь, Джек. Я буду осторожен. Направлю оружие прямо в сердце Лесли. – И добавил: – Обещаю, сегодня зрители увидят убедительное убийство!

Джек Остин чуть задержался у двери соседней уборной. Стоит ли входить, спрашивал он себя? Наконец решившись, он постучал в дверь с золотой звездой.

– Войдите! – Лесли Кристофер, полностью загримированная и готовая к выходу, восседала за туалетным столиком. Увидев Остина, она чуть заметно нахмурилась и повернулась к костюмерше. – Ты пока мне больше не нужна, Мэгги. Посмотри, не нужно ли помочь мисс Валентайн. – Мэгги вышла, блестя полными любопытства глазами-бусинками и пообещав:

– Я вернусь по первому вашему зову, мисс.

Остин заметил:

– Чертовски великодушно.

Лесли пожала плечами:

---

3 В театрах левая сторона от зрителя является правой для артиста, выходящего на сцену. Чтобы не было путаницы, в театрах обычно стороны сцены имеют свое постоянное название. Например, в одном из известных российских театров их называют «мужской» и «женской» сторонами, поскольку артистические уборные для артистов и артисток расположены ближе к соответствующей стороне. В английских театрах общепринято называть одну сторону буквально «пультовой», поскольку там расположен пульт помощника режиссера, откуда он управляет ходом спектакля. Противоположная сторона в этом случае будет «противопультовой». В театре «Янус» «пультовая» сторона соответствует правой, если смотреть из зрительного зала.

– Вы же знаете, я не люблю Пенни. Это лишь предлог избавиться от Мэгги.

– Чтобы мы смогли остаться наедине?

– Чтобы вы, – сухо ответила Лесли, – не выставляли себя дураком на людях.

– Лесли, я...

Она резко оборвала его:

– Майкл все-таки прибыл?

– Да.

– Мне показалось, что я слышала его голос. – Лесли снова нахмурилась. – Черт! Я оставила ему сообщение, но он не зашел ко мне.

– У него не было времени на пустяки, – нетерпеливо пояснил Остин. – И он не в лучшей форме.

– Вы подразумеваете, он снова пил?

– Да. Но сможет играть. Сейчас им занимается Бен Котол.

Лесли медленно покачала головой и тихо сказала:

– Бедный Майкл...

– Не берите его в голову, – довольно грубо остановил ее Остин. – Что относительно нас?

Повисла долгая тишина. Затем Лесли холодно попросила:

– Дайте закурить. – На туалетном столике лежала пачка. Остин достал одну сигарету и поместил между губами девушки.

– Теперь зажгите.

Дрожащими пальцами Остин зажег спичку. Лесли неторопливо и долго затягивалась, а затем выдохнула облако дыма.

Остин бросил сгоревшую спичку в корзину на полу.

– Лесли...

– Надеюсь, вы не станете меня утомлять, Джек? – нагло спросила девушка.

Помреж сжал зубы, и мышцы на лице у него напряглись.

– Я задал вопрос, Лесли.

– Да, задали. – Она неприятно улыбнулась. – И вот вам ответ. Между нами ничего нет, Джек. Никогда не было и никогда не будет!

Остин почувствовал, что его горло сжалось. С усилием он выдавил.

– Так не пойдет, Лесли. Вы заставили меня поверить...

Лесли не дала ему закончить:

– Никогда не нужно принимать улыбку за обещание.

Ненавидя себя за слабость, Остин начал умолять:

– Но, Лесли, я люблю вас!

– А я вас нет! – холодно ответила она. Его глупое лицо раздражало ее. От беспокойства и страха все у нее в голове смешалось. Бессильная игнорировать или устранить опасность, которая ей угрожала, она напала на единственного человека, которому могла безнаказанно причинить боль. Она наслаждалась словами, слетавшими с ее губ. – Вы мне даже не просто не нравитесь!

– Лесли!

Она послала ему улыбку, исполненную ядом:

– Вы вызываете у меня отвращение...

Остин вспыхнул. Его ноздри раздувались, а лицо пошло пятнами. Он качнулся на ногах и схватил ее запястье, ранив нежную кожу.

– Хитрая лисица, я...

Лесли засмеялась. Держа тлеющую сигарету между пальцами, она прижала горящий конец к тыльной стороне руки Остина. Он с проклятием отдернул руку. Внезапная боль вызвала слезы. Но больше всего ранило презрение в ее голосе:

– Уйдите, глупый, жадный юнец!

Слова застряли в его горле. Но прежде, чем он смог пошевелиться, раздался стук в дверь. Молодой голос прокричал:

– Пять минут!

– Спасибо, Билли.

Лесли глянула на себя в зеркало. Дверь, приоткрывшись на несколько дюймов, вновь закрылась. Голос коридорного затихал вдали. Этой паузы оказалось достаточно, чтобы напомнить помрежу о его обязанностях. Через несколько минут он должен дать команду на подъем занавеса. Не глядя на девушку, которую он любил и ненавидел, Остин повернулся, открыл дверь и поспешил из комнаты.

Жестокая улыбка тут же исчезла с губ Лесли. Уставившись на фотографию на стене, она громко сказала:

– Помоги мне, Майкл. Помоги мне! – И прошептала: – Я боюсь...

Через Вестминстер-бридж медленно шел мужчина. Холодный ветер с реки проникал через потрепанную одежду и добавлял немного розовой краски его бледным щекам. Фигура его выглядела худощавой и странно безжизненной. Он пристально смотрел прямо перед собой, и взгляд его был столь же уныл, как сам тротуар. Когда он проходил в тени Биг-Бена, большие часы начали отбивать полчаса.

Мужчина поднял голову и улыбнулся:

– Я иду к тебе, Лесли, сказал он. – На руках у него были дешевые хлопчатобумажные перчатки, в кармане – автоматический пистолет, а в сердце – убийство.

ГЛАВА 5

Первый акт «Последнего трофея» закончился полным затемнением. Взрыв восторженных аплодисментов заглушил шуршание опускаемого невидимого занавеса. Затем освещение зрительного зала внезапно зажглось, показав аудиторию, отдельные представители которой начали волноваться и застенчиво улыбаться, словно стыдясь, что их видели довольными.

Сидя в первом ряду партера, старший инспектор Касл мрачно уставился на занавес.

– Идем в бар! – предложил он.

Олджи Лоуренс поглядел на наручные часы:

– Если бы мы находились в гадком, нецивилизованном иностранном государстве, – заметил он, – мы смогли бы купить выпивку в любое время, когда хотим. Но британцы никогда, никогда не будут рабами – разве только рабами своих цензоров и бюрократов. Мне напомнить вам о нашем законе о лицензировании?

Касл проклял их горячо, но не совсем профессионально.

– Все равно идем. Куплю вам лимонад.

– Вы просто дьявол. – Лоуренс последовал за своим другом к ближайшему выходу, преследуемый звоном чайных подносов. В почти пустом баре они купили два стакана лимонада и отнесли их к угловому столику.

С негодованием уставившись на лимонад, Касл внезапно спросил:

– Ну, и что вы об этом думаете?

– Игра? Не очень. Мне все еще жаль, что мы не пошли в «Мельницу».

Касл не мог сдерживать нетерпения:

– Не болтайте, Олджи. Я имею в виду, кто послал нам эти билеты? И почему?

Лоуренс глубокомысленно рассматривал свой стакан:

– Не знаю, Стив. Похоже, театр не гонится за рекламой. Пьеса, кажется, дает хорошие сборы.

– Мы уже согласились, – проворчал старший инспектор, – что не являемся гостями дирекции. Но почему кто-то еще мог захотеть увидеть нас здесь сегодня?

– Понятия не имею. Ни намека, – добавил Олджи с гримасой, – где найти Паддингтонскую ярмарку.

– Неудивительно. Такого места не существует.

Лоуренс резко откинулся на стуле.

– Когда-то существовало. Название явно знакомое. Жаль, что не могу вспомнить... – Он устало замолчал.

– Просто тарабарщина какая-то! – фыркнул Касл и шумно выпил лимонад. Со стуком поставив стакан на стол, он раздраженно пробурчал: – Что-то здесь не так.

Его молодой друг кивнул.

– Ага. В воздухе висит какое-то напряжение. Не могу определить, где причина. Хотя, конечно, – он замялся, – исполнитель главной роли не совсем трезв.

– А? – Глаза инспектора широко раскрылись. – Откуда вы знаете?

– Небольшие признаки. – Олджи разжал ладонь и снова сжал ее в кулак. – Не могу сказать конкретней. Но уверен, он пил.

– Завидую ему, – вздохнул Касл. Он достал из кармана программку и стал просматривать исполнителей. – Как его зовут? Трент. Майкл Трент. Знаете что-нибудь о нем?

– Нет. – Лоуренс выглядел сонным. – Но у него талант к импровизации.

– Да? – Касл выглядел удивленным.

– Разве вы не заметили? Девушка, играющая Мэрилин...

– Лесли Кристофер.

– Да. Так вот, она пропустила свою реплику. Вообще.

– В самом деле? Я не заметил.

– Благодаря Майклу Тренту. Он симпровизировал мастерски. Пьяный или трезвый, голову он не теряет.

– Я пропустил все это. Как вам удалось все заметить?

– У меня такой ум, – с сожалением признался Олджи. – Если использовать клише, я отношусь к своим удовольствиям серьезно.

– Возможно и так. Но сегодня вы, кажется, особенно внимательны.

– Кто-то хотел, чтобы вы увидели этот спектакль, и я хочу знать почему. – Лоуренс нащупал в кармане портсигар, но затем позволил ему выскользнуть вновь. Он тихо спросил: – Интересно, почему она пропустила свою реплику.

Касл пожал плечами:

– С актрисами такое случается.

Лоуренс кивнул:

– Вероятно, я делаю тайну из ничего. Но так совпало...

– Что именно?

– Мужчина вошел в ложу справа от нас в тот же самый момент. Он опоздал и вошел тихо. Мне показалось... – он сделал паузу.

– Да? – нетерпеливо потребовал Касл.

– Думаю, Лесли Кристофер тоже его увидела. Она сразу как-то съежилась. Мне даже показалось, что она... – он вновь остановился.

– Да?

– Испугалась, – тихо закончил Лоуренс.

Над барной стойкой зазвенел звонок. Пора было возвращаться в зал. Они вернулись молча.

Джек Остин вышел из будки с режиссерским пультом и стоял на сцене спиной к занавесу, оглядывая обстановку. Где-то невидимый коридорный протяжно возглашал:

– Актеры, занятые в начале второго акта, приготовиться!

Пенни Валентайн уже была на сцене. Она дружелюбно бросила:

– Не смотрите так зло, Джек. Никто не спер реквизит.

Помреж бросил на нее удивленный взгляд, прежде чем вернуться к пульту. Ему пришлось вспомнить об этой фразе позже. Каким бы незначительным ни было это замечание, оно помогло выбросить из головы другую проблему.

Не обращая внимания на шум вокруг нее, Пенни Валентайн прошла в центр и встала напротив закрытых двойных дверей в задней части. Двери открывались в нарисованный вестибюль, который при ближайшем рассмотрении представлял собой несколько умело нарисованных «квартир». Пенни сконцентрировала внимание на мужчине, который открыл двери:

– Привет, Дуглас.

Дензил ответил на приветствие слишком горячо. Это был худой, красивый мужчина с лицом, сочетающим в себе признаки и молодости, и старости. В свете рамп он излучал очарование юности, забавную застенчивость с ребяческой дерзостью. Он играл «юношей», причем не один год. За сценой его манеры были не столь привлекательными.

– Я тебе нужен, моя дорогая? – поинтересовался Дензил.

В лазурных глазах Пенни зажглись веселые искорки:

– В каком-то смысле. Но не обольщайся! Хочу лишь попросить, чтобы ты был поосторожнее со своими репликами. Ты дал мне одну невольную, и я чуть было не запорол диалог.

– Прости, дорогая. – Дензил отвесил шуточный поклон. – Мой ум парил. – И добавил: – Я не Станиславский.

Пенни рассмеялась:

– Нет, мой котик. Ты не он.

Дензил натянуто улыбнулся:

– Моя роль не достойна таких усилий. Но не думай, что я не способен сконцентрироваться. В настоящей роли... – Он сделал паузу, ожидая реплики.

Пенни постаралась скрыть улыбку:

– Майкла?

Дензил с подозрением поглядел на нее.

– Ну, да. В конце концов, я – его дублер.

– А я – Лесли Кристофер.

– И что?

– Оба наших премьера в превосходном здравии. Не обманывайся, Дуглас. У тебя не больше шансов сыграть Регана, чем у меня Мэрилин. То есть, никаких!

Дензил надулся и обиженно пробормотал:

– Наш дорогой Майкл может скоро вновь отправиться на отдых. Так не может продолжаться вечно.

В глазах девушки вспыхнул гнев. Очень отчетливо она изрекла:

– Пьяный или трезвый, он тебя переиграет как миленького.

– О, прости, – со злобой воскликнул Дензил. – Я и забыл, что вы с Майклом... гм... дружите.

– Дорогой Дуглас. Ты – настоящий мерзавец, согласен?

– Но у меня есть отличие, – весело согласился Дензил. Одна из его наиболее невыносимых черт состояла в том, что он совершенно не обижался, если не считал, что оскорбленная поза подойдет ему в данный момент. – Дело в том, что я – чертовски хороший актер!

К Пенни быстро вернулось хладнокровие. Она улыбнулась:

– Я это знаю, котик. Но будь осторожен, не торопись на финальный поклон.

Загримированное лицо Дензила смялось в удивленной улыбке.

– Вряд ли есть опасность, дорогая.

– В конце концов, – едко заметила Пенни, – средство под рукой!

Она указала на револьвер, закрепленный колышками на нарисованной «стене» вестибюля позади него. Это был револьвер «Уэбли & Скотт» с длинной зубчатой царапиной на стволе и с инициалами «Г. В.», выгравированными на рукоятке.

Дензил с некоторым интересом уставился на оружие.

– Возможно, я не очень популярен, – заметил он, – но даже в руке врага оружие, заряженное холостыми, не сможет причинить мне много вреда.

Внезапно раздался голос Остина:

– Очистить сцену!

Дензил кивнул и удалился в «вестибюль». Оставшись на сцене одна, Пенни заняла свою позицию «внизу слева».

– Внимание! – Пальцы помрежа дотронулись до выключателя на пульте. Замигал зеленый предупреждающий сигнал. Высоко на лестницах сигнал был принят ожидающими рабочими сцены. Свет погас. Остин глубоко вздохнул и щелкнул красным выключателем.

Занавес пошел вверх.

– Ваш выход, мисс. – Мэгги Бойд с любопытством уставилась на свою патронессу. Ей не нравилась Лесли – мало кому она нравилась, – но их тесная совместная работа заставила сердце пожилой женщины почувствовать смутное беспокойство о девушке, которую она одевала. Она повторила:

– Ваш выход, дорогая.

– Что? О... О, да. – Лесли, казалось, с трудом оправляется от какого-то потрясения. В ровной монотонности ее ответа слышался страх.

– Я провожу вас до сцены, – предложила Мэгги. Она говорила ласково, словно ребенку.

Лесли встала. Выйдя в дверь она пробормотала:

– Я видела его. И словно окаменела.

Мэгги вышла за ней из уборной с зеркальцем и подушечкой для пудры:

– Что вы говорите, дорогая?

Лесли продолжала, как в трансе:

– В ложе... – Затем до самой сцены она молчала.

Майкл Трент ждал в кулисах на пультовой стороне. Бен Котол стоял позади него и смахивал пылинки с плеч патрона маленькой щеткой.

– Достаточно, Бен, – пробормотал Трент, когда женщины приблизились. – Не суетись. – Он улыбнулся Лесли: – Привет, ангел.

– Майкл, я... Ее голос прозвучал противоестественно громко.

Из угла вблизи пульта долетело поспешное «Шшш!».

Лесли продолжала, понизив голос:

– Майкл, я должна поговорить с тобой. – Казалось, она на грани истерики. Лицо Трента окаменело. Двое костюмеров обменялись вопросительными взглядами.

– *Pas devant les enfants*,⁴ – произнес Майкл на школьном французском.

Бен сделал непроницаемое лицо, но Мэгги недовольно скривила губы.

Не обращая на них внимания, Лесли выпалила:

– Майкл, ты не понимаешь! Он там... смотрит... – и закончила со страхом: – ждет...

---

4 Не при детях (фр.)

Старший инспектор Касл сидел, откинувшись на спинку кресла, и хмуро смотрел на сцену. Никакого удовольствия от спектакля он не испытывал. Что-то проворчав, он уголком глаз взглянул на компаньона. Белокурая голова Лоуренса немного наклонилась вперед, а сонные голубые глаза наполовину закрылись. Но Касла эта ленивая поза молодого друга не обманула. Голова у Лоуренса всегда продолжала работать. Вспомнив их разговор в антракте, инспектор бросил взгляд в ложу справа от них. Раздраженно прищелкнул языком. Мужчина в ложе сидел ближе к задней части, прячась от яркого света, отраженного со сцены. Инспектор видел лишь бесформенное пятно.

Касл вновь обратил внимание на сцену. Он приближался к Паддингтонской ярмарке.

Занавес после второго акта вновь опустился в полной темноте. Лесли Кристофер и Пенни Валентайн, играющие заключительную сцену, оставались неподвижными и невидимыми, пока свет не загорелся вновь. Тогда Лесли быстро вышла через кулису с пультровой стороны, как животное, сбегаящее из клетки. Пенни медленно последовала за ней, о чем-то размышляя.

В кулисе стоял реквизитор Викс. Он приветливо кивнул.

– Хэлло, мисс Валентайн.

– Хэлло, Викс. – Голос Пенни звучал весело, но ее эта встреча немного раздражала. Она знала, что реквизитор рассматривает ее как союзника в своей войне с Лесли Кристофер.

Викс показал пальцем в направлении ушедшей девушки и мрачно констатировал:

– Ее светлость сегодня не похожа на себя.

Пенни чуть улыбнулась.

– Возможно. Забыла поиздеваться надо мной.

– О! – Викс глубокомысленно кивнул. – Похоже, что-то расстроило ее. Хорошенько напугало. – Его морщинистое

лицо выглядело необычайно веселым. Странно улыбаясь, он стал что-то перебирать в кармане.

Пенни усмехнулась. Осторожно обойдя реквизитора, она направилась в коридор к артистическим уборным. На мгновение задержавшись около одной из дверей, она слегка постучала. Дверь открылась и выглянул Бен Котол.

– Как там мистер Трент? – спросила Пенни.

Прежде, чем Котол успел ответить, изнутри раздался веселый голос:

– Пенни, дорогая! Заходите! – Майкл Трент развалился на плетеном стуле у дальней стены. На нем был халат, а лицо блестело от мельчайших капелек пота. Он игриво улыбнулся. Не отводя пристального взгляда от девушки, он тихо попросил:

– Оставь нас, Бен, на пару минут. Но не уходи далеко.

Когда они остались одни, Майкл широко улыбнулся девушке:

– Пенни, любовь моя. Подари мне поцелуй!

– Сейчас на это нет времени, – по-деловому ответила она. Взяв какую-то салфетку с туалетного столика, она стала вытирать пот с его лица. Майкл охотно подчинился. Пенни отступила на шаг и критически посмотрела на него. – Тебе нужно наложить еще пудры. В остальном, считай, годен!

– Да, мадам. – Он шутливо вытянулся по стойке смирно.

Пенни уперлась ладонями ему в грудь. Майкл нежно гладил ее пальцы. Ее губы дрожали.

– Ты говорил с Лесли? – резко спросила она.

Трент казался смущенным:

– Черт побери, Пенни. Для таких вещей нужно время. Я не могу так просто взять и заявить...

– Что любишь меня и не любишь ее?

– Я люблю тебя, – прошептал Майкл. – Это истинная правда. – Его рука нежно гладила ее по спине. Губы Пенни молча шевелились и Майкл накрыл их поцелуем.

Дверь позади них открылась, и в комнату вошла Лесли Кристофер.

– Майкл, я... – она резко остановилась.

Повисла длинная пауза.

Затем Лесли, задышавшись, прошептала:

– Ты об этом пожалеешь. Обещаю! – И вышла.

Пенни дрожала. Майкл попытался успокоить ее, но она оттолкнула его руки и выскользнула из объятий. Подбегая к двери, она громко позвала:

– Бен! Бен, пожалуйста, идите сюда! – Затем выскользнула из комнаты.

Майкл закусил губу. Он вернулся к зеркалу и почти машинально стал приводить в порядок грим. В умных глазах застыло беспокойство. Резко сжав кулаки, он начал вполголоса изрыгать проклятья, монотонно и невыразительно. Привлеченный криком Полли, прибежал Котол. Словно второе зеркало, лицо старого Бена отражало беспокойство его патрона.

Худой человек с бледными щеками сидел в самой задней части ложи, отгороженный занавесками от первых рядов партера. Программка лежала нераскрытой на барьере. На виске худого человека под кожей билась синяя жилка. Руки в перчатках дрожали. Когда свет погас, он наклонился вперед.

Достав из потертого кармана пистолет, он тщательно осмотрел его. Затем положил на пустой стул рядом с собой, чтобы был под рукой. Его голова склонилась вперед. Драма на сцене его не интересовала. Он не будет обращать на нее внимания, пока вновь не появится Лесли. Голова его опустилась.

Казалось, он молится.

ГЛАВА 6

Когда в начале третьего акта занавес пошел вверх, Олджи Лоуренс откинулся в кресле и вытянул ноги.

Голубые глаза его излучали недовольство. Они рассеянно пробежались по декорациям, на мгновение остановившись на чучеле медведя, который стоял в задней части сцены на небольшом возвышении с левой стороны, если смотреть из зала. Огромное животное стояло на задних лапах и, казалось, высокомерно взирало на зрителей в ложах справа. Его лапы очень реалистично растопырились, а пасть открылась в угрожающем оскале.

Лоуренс поежился. Хотя пьеса, казалось, приближалась к кульминации, ему стало скучно. Он слишком остро ощущал сильную напряженность, стоящую за искусственными эмоциями диалогов и сюжета. Во время следующего выхода Лесли Кристофер, он внимательно следил за ней. Ему показалось, что он увидел в ее глазах страх, когда она посмотрела, возможно случайно, в ложу справа от него. Лоуренс чуть напрягся. Казалось, этим мимолетным взглядом оказалась разрушена невидимая «четвертая стена», которая отделяет зрителей от сцены. Затем эпизод прошел, и он задался вопросом, не привиделось ли ему все это.

Он слегка повернул голову и стал напряженно всматриваться. Совершенно бесполезно. Он не мог заглянуть за занавески, которые закрывали часть ложи. Вновь Олджи устался на сцену. Через некоторое время он прекратил слушать диалог. «Паддингтонская ярмарка», – постоянно стучало у него в голове. Я должен знать, что это означает,

раздраженно сказал он себе. Я ведь уже слышал это название. Внезапно он замер. Отдельная фраза из диалога пробила в его сознание и застряла там.

Тень Тайбернского дерева... Дерево... и Паддингтонская Ярмарка. Есть ли связь? Лоуренс закрыл глаза и стал рыться в памяти. Что-то возникло, но тут же исчезло, словно след дыхания на зеркале. Проклятье! Лоуренс открыл глаза и взглянул на сцену. Пенни Валентайн ушла через левую кулису, оставив Майкла Трента на сцене одного. Воспользовавшись шумом аплодисментов, которые последовали за уходом девушки в нарисованную дверь, Лоуренс наклонился и прошептал в ухо друга:

– Стив, я...

Из ряда позади послышалось возмущенное «Шшш!». Лоуренс замолчал, несмотря на вопросительный взгляд Касла. Внезапно двойные двери с задней стороны декораций открылись. Появилась Лесли Кристофер, сжимая что-то в руке. Лоуренс инстинктивно подался вперед. Он увидел, что это – револьвер «Уэбли & Скотт» – оружие, которое висело на выступающих колышках в «стене» вестибюля позади нее.

Майкл и Лесли начали главную сцену. Это был диалог такого напряжения, что даже приковал ослабшее внимание Лоуренса. Мэрилин угрожала Регану револьвером. Он стал бороться, извернулся и перехватил ее запястье. Аудитория, затаив дыхание, следила за этой борьбой. Они видели, как Реган выхватил револьвер из руки Мэрилин, а затем медленно отступил назад, держа ее под прицелом.

– А теперь моя очередь, крошка!

Она захныкала и отступила. Чучело медведя позади нее, казалось, гостеприимно развело лапы. Глаза Лоуренса были сосредоточены на Майкле Тренте. Под толстым слоем косметики блестел пот. Лоуренса пробила дрожь. Он словно

загипнотизированный смотрел, как Трент взвел курок и тщательно прицелился.

Пятки Лесли уперлись в возвышение, и она, казалось, застыла почти в объятьях жуткого животного. Оружие в руке Трента чуть качнулось, ствол, как осуждающий палец, указывал на сердце девушки. Она прошептала:

– Нет...

Трент стоял внизу и слева относительно сцены, то есть очень близко от границы между сценой и ложами с правой стороны, если смотреть из партера. Испуганный взгляд Лесли был прикован к револьверу... Или к чему-то или кому-то в ложе позади него? И как только этот вопрос сформировался в голове Лоуренса, память словно открылась. И, холодея от ужаса, он понял, что означает «Паддингтонская ярмарка».

Он попытался крикнуть, предупредить, но звук замер в горле.

Трент натянуто улыбался. Его согнутый палец нажал на спусковой крючок и револьвер выстрелил. Тело Лесли дернулось. В глазах появились боль и удивление, и она качнулась назад к животному позади нее. В горле что-то захрипело. На груди стало быстро расплываться красное пятно, и девушка упала.

Касл смотрел в замешательстве. В его ушах звучал голос Лоуренса:

– Было два выстрела, две вспышки пламени... – Касл вскинул голову. Он мельком увидел белое лицо друга, прежде чем свет полностью погас. Ошеломленный и изумленный, он беспомощно ждал в темноте. Ничего не было видно.

А затем он услышал смех. Совершенно безумный звук. И злой. Лоуренс вскочил на ноги и бросился в темноту. В полной тьме видны были лишь таблички над дверями с надписями «Выход». Да и то, они освещали только сами буквы, не отбрасывая свет в зал. Борясь с растущей пани-

кой, Лоуренс стремился к ложе с правой стороны от себя. Он жался к низкому барьеру, отделяющему оркестр от партера, и продвигался вперед, игнорируя возмущенные выкрики, раздающиеся ему вослед. Затем зажглись огни рампы, освещая опустившийся занавес.

Лоуренс вздохнул с облегчением. Он перебросил ноги через барьер и бросился к ложе. На страх времени не было. Он оперся руками о барьер и прыгнул в темноту. Наткнувшись на стул и быстро восстановил равновесие. Около двери в задней части ложи стоял мужчина. Он обернулся, когда Лоуренс пошел на него и нанес неумелый удар в лицо молодого человека. Удар пришелся в челюсть, и Лоуренс отпрянул назад, на мгновение ошеломленный.

Он встряхнул головой. Картина перед глазами прояснилась. Его противник был худым мужчиной с бледным лицом. На нем была потертая одежда и дешевые хлопчатобумажные перчатки. В правой руке он держал пистолет. Лоуренс мрачно сказал:

– Я знал, что видел вспышку выстрела.

– Заткнись! – Голос человека звучал истерично: – Встань к стене. Быстрее, чем б тебя! Один раз я уже стрелял. Могу снова.

Лоуренс повиновался. Как можно спокойнее он сказал:

– Не будьте дураком. Вам не уйти.

– Я сказал: заткнись! И руки вверх!

Лоуренс поднял руки над головой. Он повторил:

– Вам не уйти.

– Будьте вы прокляты! – Потрепанного мужчину всего трясло. – Почему вам взбрело вмешаться? Он приблизился, направляя пистолет в грудь Лоуренса. В глазах его виден был страх, но горел и безжалостный огонь. У него был вид человека, который один раз убил и не дрогнет убить вновь... Ствол пистолета дрожал.

«Он безумен... – думал Лоуренс. Он выстрелит!» Лоуренс быстро опустил левую ладонь и отбросил руку с пистолетом в сторону. Одновременно он двинул правое плечо вперед. Оружие выстрелило, но пуля прошла под его левой подмышкой и впилась в стену позади него. Лоуренс левой рукой захватил правое запястье мужчины, а правую ногу поставил позади правой пятки соперника. Затем выбросил вперед правую руку. Кончики его пальцев вонзились в горло мужчины.

Тот с криком упал. Лоуренс выдернул оружие из его руки и устало отодвинулся. Его подташнивало. Он всегда ненавидел насилие. Внезапно зажегся полный свет. Лоуренс перегнулся через барьер, не обращая внимания на повернутые к нему лица:

– Стив! Быстрее сюда!

Касл был уже на ногах:

– С вами все хорошо?

– Да. – Лоуренс вытер пот с лица. – Но поспешите.

Старший инспектор повернулся к толпе лицом. Подняв руки он крикнул:

– Тихо, пожалуйста! – Его властные манеры тут же утихомирили толпу. Он отчеканил: – Я – офицер полиции. Будьте любезны оставаться на местах. – Подозвав служителя в униформе, он пробормотал какие-то инструкции. Затем направился в ложу.

Лоуренс отпихнул стулья к одной стороне и склонился над упавшим мужчиной, который был наполовину без сознания. Олджи уставился на худое, бледное лицо и почувствовал, что в нем шевельнулась жалость. Тогда он вспомнил девушку, и глаза вновь стали жесткими. Дверь позади него открылась и появился Касл, сопровождаемый испуганным продавцом программ. Старший инспектор проворчал:

– Что за чертовщина здесь происходит?

Лоуренс выпрямился:

– Вы видели то пятно около сердца мисс Кристофер. Это не сценическая кровь. Настоящая!

Касл медленно кивнул:

– Этого я и боялся. И что?

– Стреляло два пистолета, хотя мы слышали только один. Я видел вспышку из этой ложи.

– Вспышку выстрела?

Вместо ответа Лоуренс протянул ему пистолет. Касл нахмурился.

– Вот значит как. Когда на сцене выстрелили холостым, наш друг отсюда...

– Сделал боевой выстрел по той же самой цели, – мрачно закончил Олджи. – Используя шум одного выстрела, чтобы замаскировать другой.

– Смелый план, – проворчал старший инспектор. – Но умный. Он мог бы убежать, если бы у вас не было на плечах такой умной головы.

Лоуренс пожал плечами:

– Он выдал себя, когда так безумно засмеялся.

Касла передернуло.

– Он, должно быть, безумен.

– Возможно. – Лоуренс уставился на пистолет в своей руке. Это был маленький, но смертельно опасный «Кольт» калибра 25. – Но не в юридическом смысле.

– Нет, – согласился Касл. – Преступление заранее обдумано. И если та девушка умрет, этот человек будет висеть.

Лоуренс застонал.

– Пусть вас это не беспокоит, – посоветовал старший инспектор. – Ладно! Давайте за работу.

Потрепанный мужчина застонал.

– Приходит в себя, – сказал Лоуренс и грустно улыбнулся. – На секунду мне показалось, что я его убил.

– Вы просто ушибли его шею, – мрачно возразил Касл. – А веревка ломает ее.

Майкл Трент стоял в темноте, борясь с возрастающей паникой. В ушах все еще звучало эхо жуткого смеха из зала, и он с дрожью вспомнил страшное пятно, которое появилась на груди Лесли в те ужасные секунды, прежде чем погас свет. С усилием он взял себя в руки. Сжимая рукоятку револьвера «Уэбли & Скотт» он крикнул:

– Остин! Ради Бога, включите свет!

Когда лампы зажглись, свет ослепил его. Он закрыл глаза, затем вновь открыл.

– Лесли! – Он побежал через сцену к распростертому телу у возвышения, не обращая внимания на странные звуки по другую сторону упавшего занавеса.

– Что случилось? – Из кулисы появился помощник режиссера. Остановившись у выхода с пультовой стороны он повторил: – Что случилось?

Майкл повернул к нему невидящее лицо и прошептал:

– Лесли... она ранена.

– Не понимаю, – равнодушно повторил Остин.

Трент поднял плечи девушки и уставился на рану на груди. К него перехватило дыхание.

– Ее застрелили, – прохрипел он.

– Н-но... – Рот Остина глупо искривился. Прежде, чем он смог сказать что-то еще, послышался выстрел с другой стороны занавеса. Трент опустил девушку на пол и поднял руки, словно протестуя. Помощник режиссера воскликнул:

– Господи, да что же это?

Трент беспомощно покачал головой. Остин заламывал руки, нервно бормоча:

– Там что-то происходит. Понадобится свет в зале. Я должен дать сигнал. – Все еще бормоча, он направился к пульту.

Трент нежно погладил волосы мертвой девушки.

– Прощай, Лесли, – громко сказал он.

Кто-то подошел сзади. Испуганный голос прошептал:

– Она умерла?

Трент встал и тупо посмотрел на подошедшего человека:

– Да, Джун. Она мертва.

Джун Мерритт была ассистенткой режиссера. Ее простое, довольно полное личико напоминало плохую карикатуру, изображающую удивление.

– Что произошло?

Помощник режиссера вернулся как раз вовремя, чтобы услышать вопрос. Он повторил его.

Трент свободной рукой провел по лбу, размазывая грим.

– Я... я не знаю точно. – Он посмотрел на револьвер в правой руке с каким-то ужасом. Затем покачал головой, словно отклоняя невозможное подозрение: – Кто-то... кто-то выстрелил из ложи позади меня. Я... – он сглотнул, – я почувствовал ветер от пролетевшей рядом пули. Лесли упала, на груди показалась кровь. Свет погас. – И закончил: – А затем раздался смех!

Остин и его ассистентка недоверчиво смотрели на него. Затем Джун Мерритт вспыхнула:

– Но в Англии такие вещи не происходят!

Остин резко рассмеялся:

– Не будьте столь категоричной, Джун. Это не первое у нас убийство на публике.

– Ради Бога! – Голос Трента дрожал. – Вы кажетесь такими черствыми. Разве не собираетесь послать за доктором?

– Зачем? – холодно спросил Остин. – Вы же сами сказали, что она мертва.

Майкл уставился на него. К помрежу, казалось, быстро вернулось самообладание. Слышалось ли в ответе и плохо скрываемое удовлетворение? Нет, конечно. И все же... Трент отбросил эту мысль.

– Разве не понимаете? Что-то нужно сделать! – воскликнул он.

– Успокойтесь, – отрезал Остин. Он добавил сухо: – И опустите оружие.

Трент поднял руку и вновь уставился на револьвер. Затем с внезапной ненавистью воскликнул:

– Возьмите его тогда сами! – И сунул оружие в руки помощника режиссера.

Остин выглядел удивленным. Он сунул револьвер в один из объемистых карманов и пожал плечами.

– Как хотите. – Грубый материал пиджака причинил боль руке. Выдернув руку из кармана, он осторожно погладил обожженное место...

Виктор Фрайерн отодвинул растерявшихся служителей и со страдальческим лицом вошел в ложу. От бравой выправки не осталось и следа, но разговаривал он с обычной официальнойностью:

– Добрый день, джентльмены. Я – директор.

Касл кратко кивнул.

– Я – старший инспектор Касл из C.I.D. Рад, что вы здесь, сэр. Знаете, что произошло?

Фрайерн мучительно кивнул седой головой.

– Я слышал... – он не договорил.

Касл проворчал:

– Я произвел арест. Но есть определенные формальности, которые необходимо выполнить. – Он указал на зрительный зал. – Этих людей нужно опросить. У некоторых, возможно, придется взять свидетельские показания. И в настоящий момент никому нельзя покидать театр. Вы сможете это организовать?

– Сделаю все, что в моих силах.

– Хорошо. Проводите, пожалуйста, мистера Лоуренса к телефону. Олджи!

– Да?

– Вы знаете, что делать. Позвоните в Ярд и доложите все как есть. Скажите, что я возглавил расследование. Они пришлют нужных людей.

Лоуренс кивнул:

– Хорошо, Стив, – и последовал за Фрайерном.

Потрепанный мужчина все еще оставался на полу. Он сидел и морщась тер горло. Касл стоял над ним, внимательно изучая. Всмотрелся в бледное лицо и резко спросил:

– Как вас зовут?

Худой мужчина угрюмо буркнул:

– Вы должны знать.

– Как так? – Касл удивленно нахмурился. – Подождите-ка. Ваше лицо действительно кажется знакомым, но...

– Мы встречались давно.

– Не помню вас.

– Не удивительно. – Потрепанный мужчина явно насмеялся. – Тюремная жизнь изменила меня к худшему.

– Вы не говорите как преступник, – резко заявил Касл, – или сумасшедший. Кто вы?

Худой мужчина с горечью произнес:

– Приличный молодой человек, который погубил себя.

Касл узнал эти слова... вернее, пародию на собственную фразу. Он глубоко вздохнул:

– Пламя ада! Так вы...

– Я – убийца, – зло заявил заключенный. – Я дал клятву и сдержал ее.

– А девушка?

– Ее звали Лесли Барр. А я – Ричард Мервен.

ГЛАВА 7

Олджи Лоуренс положил трубку и с серьезным видом отвернулся от телефона.

– Вот и все. Полиция скоро подъедет.

Виктор Фрайерн сжал кулаки и с усилием произнес:

– Это невероятно!

– Но это произошло, – ответил Лоуренс.

– Но Лесли... – у Фрайерна перехватило дыхание.

Лоуренс задумчиво поглядел на него:

– Вы видели саму стрельбу, сэр?

Фрайерн покачал седой головой:

– Нет. Я был здесь, в кабинете. Прибежал служитель после... после... – Его голос задрожал.

Лоуренс попытался придать голосу бодрость:

– Давайте глянем за кулисы, сэр. Может быть, что-то сможем сделать.

– Вы тоже из полиции? – спросил Фрайерн.

Лоуренс криво усмехнулся:

– Я не полицейский. Но в Ярде меня знают. Против моего вмешательства возражать... ммм... не будут.

Фрайерн взял со стола ключ и, следуя впереди, вышел из кабинета и поднялся на лестничный пролет слева. Лоуренс последовал за ним через дверь, открывающую доступ в бельэтаж.

– Сюда, пожалуйста, – сказал директор.

Они спустились по широкой лестнице около левой стены, не обращая внимания на испуганных, рассерженных людей, беспокойно суесящихся на обитых плюшем креслах. Фрайерн тревожно пробормотал:

– Мы не сможем удерживать зрителей долго.

Лоуренс пожал плечами:

– Не волнуйтесь. Стив знает, что делает.

– Надеюсь, – с сомнением произнес Фрайерн.

К этому времени они достигли рядов бельэтажа. Фрайерн отодвинул занавеску, открывающую короткий, узкий проход:

– Он ведет к ложе на этом уровне.

Он вежливо постучал в дверь и вошел внутрь. Обитатели ложи – мужчина и женщина – нервно оглянулись. Директор пробормотал несколько вежливых слов, а затем отпер дверь в стене, ближайшей к сцене. Бормоча извинения, он повел Олджи вниз по узкой лестнице.

Лоуренс с интересом озибался вокруг, его ленивый взгляд оживился. Впервые он оказался по ту сторону сцены. Первые впечатления оказались довольно сумбурными. Он просто потерялся в мире бурной деятельности, хриплых голосов и размытых огней. И было настоящим шоком обнаружить, что прочная «комната», которую он видел из кресла, составлена, главным образом, из прямоугольных деревянных конструкций, обтянутых холстом.

– Сюда, – сказал директор.

Лоуренс последовал за Фрайерном, как он потом узнал, через выход на противоположной стороне и оказался среди декораций и реквизита. Он чувствовал себя неловко и явно лишним здесь.

– Виктор! Слава Богу, вы здесь. – Мужчина в свободно сидящем пиджаке и фланелевых брюках отошел от группы людей с другой стороны сцены и поспешил к ним.

Фрайерн представил их:

– Мистер Лоуренс, мистер Остин. – Он взял помощника режиссера за руку. – Как она, Джек?

Остин пожал плечами:

– Боюсь, никакой надежды. Но, – он указал на заднюю часть сцены. – Я вызвал доктора. Как раз сейчас он ее осматривает.

Фрайерн отпустил его руку:

– Она не должна умереть, – прошептал он.

Остин сжал зубы и молча отвернулся.

Деловой маленький мужчина с умелыми руками склонился над Лесли. Когда Лоуренс и Фрайерн приблизились к нему, он выпрямился.

– Доктор? – вопросительно обратился к нему директор. Поняв невысказанный вопрос, маленький мужчина печально покачал головой:

– Боюсь, ничего нельзя сделать. Молодая женщина мертва.

Фрайерн дернулся, как от удара. Затем с усилием овладел собой:

– Она... она страдала?

– Не думаю. Смерть, вероятно, была мгновенной. Пуля, кажется, пробила сердце. – И еще раз добавил: – Нет, она не страдала.

– Слава Богу за это. – Голос Фрайерна окреп. – И спасибо, доктор, за вашу помощь.

– Боюсь, от меня было мало толку. – Маленький мужчина замялся: – Мне можно вернуться в зал?

Вмешался Лоуренс:

– Еще одно, доктор. Здесь скоро будет полицейский хирург. Думаю, он захочет с вами поговорить.

– О да. Конечно.

Лоуренс с жалостью глядел на тело Лесли:

– Ненавижу утраты, – заявил он.

– Она была совсем... – начал Виктор Фрайерн и замялся, – совершенно особенным человеком. – Его глаза переполняла боль.

Лоуренс медленно кивнул. Кто-то дотронулся до его плеча.

– Вы схватили того дьявола, который это сделал? – спросил Майкл Трент. Блестящие темные волосы актера растрепались, солидность исказилась эмоциями. Он повторил вопрос:

– Вы нашли человека, который убил Лесли?

– Он задержан, – ответил Лоуренс.

– Признался? – хрипло спросил Трент.

– Едва ли он мог это отрицать, – сухо заметил Лоуренс. – Я вырвал оружие у него из рук.

– Майкл, вы выглядите измученным, – вмешался Фрайерн.

– Не берите в голову, – отмахнулся Трент. Его глаза горели лихорадочным блеском. – Этот человек... кто он?

– Не знаю. – Лоуренс старался говорить как можно мягче. – Он под арестом. Идентификация не займет много времени.

– Под арестом! – тупо повторил Трент. – Я этого совершенно не понимаю. Как полиция прибыла так быстро?

Лоуренс стал терпеливо объяснять. Казалось, от шока разум актера изменил ему.

– Итак, – закончил Олджи, – старший инспектор Касл был среди зрителей. Я тоже, – добавил он. – Меня зовут Олджи Лоуренс.

– Вы тоже были в зале? – спросил Трент.

– Что значит тоже? Почему вы так сказали?

Глаза Трента вспыхнули:

– Я... я... – он с трудом проглотил слюну. Затем, словно приняв решение, выпалил: – Мне нехорошо. – Он быстро двинулся к выходу на пультовой стороне. Высохший маленький мужчина в потертом черном пиджаке попытался ему помочь, его костлявые руки тщетно старались ухватиться за одежду актера. Трент с проклятием оттолкнул его. – Поди к чертям, Бен! Оставь меня в покое! – Он скрылся за кулисами, оставив позади несчастного Котола.

– Бедный старина Бен! – пробормотал Фрайерн. – Он – костюмер Трента и предан ему. Но его суетливость сводит Майкла с ума.

Лоуренс кивнул:

– Трент, кажется, на грани срыва. Интересно, почему?

Фрайерн замялся перед ответом:

– Майкл и Лесли были очень хорошими друзьями.

– Понятно. – Двое мужчин молча посмотрели на труп девушки.

Внезапно Фрайерн всхлипнул. Звук был настолько резким и неожиданным, что Лоуренс вздрогнул, а затем невольно отвел взгляд.

– Простите меня, – извинился Фрайерн. – Это не истерика. Просто вспомнилось.

– Да?

Директор снова взял себя в руки:

– Перед спектаклем я разговаривал с Лесли в ее уборной. Она сказала... – он запнулся. Лоуренс вопросительно посмотрел на него. – Она сказала, что нелегко умирать каждый спектакль, – мрачно закончил Фрайерн.

– Жуткие слова, – согласился Лоуренс.

Фрайерн развел руками:

– Она была нервной, возбужденной и обеспокоенной.

Лоуренса это явное заинтересовало:

– Почему?

– Не знаю. Я задавался вопросом, не расстроило ли ее то странное сообщение, которое она получила.

– Что за сообщение? – поинтересовался Лоуренс.

– На карточке в письме, которое пришло ей в театр этим днем. Странное сообщение. Там было что-то о ярмарке.

Казалось, вежливый интерес в глазах Лоуренса почти полностью исчез:

– Где эта карточка сейчас?

– Наверное, в ее уборной. Я бросил карточку и конверт в корзину. Так велела Лесли.

Лоуренс кивнул. С явной непоследовательностью он произнес:

– Старшему инспектору Каслу прислали два места в партере. Как я понимаю, это не презент от театра?

– О, Небо, нет. – Фрайерн выглядел удивленным. – По крайней мере... в общем, я должен спросить у заместителя, прежде, чем дать определенный ответ. Но, насколько я знаю, рассылка бесплатных билетов полностью остановлена. Дела, знаете, идут хорошо. Мы не играем перед Деревянным семейством.

Олджи заморгал:

– Что это значит?

На губах Фрайерна промелькнула мимолетная улыбка.

– Простите. Театральный жаргон. Я имел в виду незакрытые места, так сказать, пустые скамьи, «Деревянное семейство». И, как я сказал, дела идут хорошо и в рекламе нужды нет.

– Теперь я понял, – кивнул Олджи. – Вы не раздаете бесплатные билеты. – Затем неожиданно спросил: – Где артистические уборные?

Ответить Фрайерну помешало прибытие множества мужчин в форме и в штатском. Лоуренс узнал в одном детектива-инспектора Вимисса, способного следователя, который часто работал со Стивеном Каслом. Предоставив Фрайерну встречать прибывших, Лоуренс выскользнул через двойные двери в задней части сцены. Мимоходом он заметил, что на колышках в «стене» нет револьвера «Уэбли & Скотт». Внутренняя «комната» или вестибюль резко обрывалась за зоной, видимой из зрительного зала. В противоположность видимой сцене остальная ее часть была освещена слабо. Сильно пахло столярным клеем.

Очарованный и одновременно разочарованный тем, что увидел, Лоуренс огляделся в поисках прохода к уборным. Он оказался рядом. Лоуренс вошел в коридор и мрачно оглядел стены. Зеленый цвет навевал уныние. Но тут он довольно улыбнулся: около одной из дверей стояла девушка, и Олджи, впечатлительный молодой человек, рассматривал ее с откровенным восхищением.

Она стучала ладонью по дверной панели:

– Майкл! Майкл! Пожалуйста,пусти меня!

Лоуренс осторожно кашлянул.

Глаза девушки встретились с его, и она тихо воскликнула: «О!» – и сделала шаг от двери. Она была очень привлекательной. Светлые волосы с золотым отливом уложены в каре. Она улыбнулась, и крошечные морщинки разбежались вокруг лазурных глаз. Рот выглядел теплым и вызывал желание поцеловать его. Олджи улыбнулся в ответ:

– Хелло! Позвольте представиться. Меня зовут...

– Олджи Лоуренс, – неожиданно сказала девушка. – Я знаю.

Он приподнял бровь.

– Вы меня знаете?

– По фотографиям. Все газеты поместили ваш портрет, когда вы разгадали тайну Кверрин-хауса.

– Понятно. – Лоуренс помрачнел. Ему было неприятно вспоминать то дело. Он постарался отогнать фантомы прошлого и сказал:

– А вы – Пенни Валентайн.

– Правильно.

– Я рад, что пересек барьер рампы. Хотя жаль, что мы с вами не встретились при более приятных обстоятельствах. – В его голосе слышалось неподдельное восхищение.

В глазах девушки вспыхнули озорные искорки. Затем она вспомнила о событиях и серьезно заявила:

– Не могу притворяться, что мне нравилась Лесли. Но жаль, что ее убили.

Лоуренс слегка наклонил голову.

– И еще жаль, – пробормотал он, – что Майклу пришлось наблюдать, как она умерла?

– Бедняжка. – В глазах Пенни зажглось беспокойство. – Он заперся в своей уборной. – Ее губы дрожали. – И не впускает меня.

– Бывают моменты, – мягко сказал Олджи, – когда мужчина предпочитает остаться один. Тренту, вероятно, сейчас паршиво аки псу.

– О! – Удивление, сочувствие и смятение показали на ее лице. Она направилась вдоль коридора.

Лоуренс пристально глядел вслед, восхищаясь плавными движениями ее тела и изящным покачиванием бедер. Затем он открыл дверь, отмеченную золотой звездой, и вошел в уборную. Там было пусто. Лоуренс нашел мусорную корзину за туалетным столиком и нетерпеливо исследовал содержимое. «Ага!» Он поднял карточку с загадочным сообщением и, осторожно придерживая ее за края, положил на стол. «ВСТРЕТИМСЯ НА ПАДДИНГТОНСКОЙ ЯРМАРКЕ».

Лоуренс прочитал сообщение вслух. «Интересно...» – пробормотал он.

Снаружи в коридоре слышались тяжелые шаги. Олджи повернулся и увидел в дверях Касла.

– Послушайте, юноша, – добродушно проворчал Касл, – снова манипулируете уликами?

Лоуренс виновато улыбнулся:

– Простите, Стив. Любопытство оказалось сильнее рассудка. – Он указал на карточку. – Это я нашел в корзине.

Касл скривил тяжелые губы и протопал через комнату. Затем яростно воскликнул:

– Паддингтонская ярмарка!

– Да. Фрайерн рассказал мне, что письмо прибыло с полуденной почтой. Оно было адресовано Лесли Кристофер, –

Лоуренс вновь склонился над корзиной, – и лежало в этом конверте. Почтовый штампель «Лондон, S.W.1», – добавил он.

Касл вновь заворчал, признавая замешательство.

– Я знаю, что это означает, Стив, – устало заявил Лоуренс. – Как и вы должны были бы.

– А?

Во рту молодого человека появилась горечь.

– Ключ к разгадке дала мне строка из пьесы. Но я понял правду слишком поздно.

Касл нахмурился.

– Объяснитесь.

Лоуренс вздохнул.

– Помните, упоминалось Тайбернское дерево?

– И что с того?

– Это дерево – виселица. А Тайберн находится в округе...

– Паддингтон! – заволновался Касл. – Пламя ада! Вы имеете в виду...

– Когда наши предки шли на Паддингтонскую ярмарку, – механически отчеканил Лоуренс, – они шли посмотреть на казнь. – Он устало закрыл глаза. – Мы приняли приглашение убийцы и сегодня пришли на эту ярмарку.

ГЛАВА 8

Касл шумно вздохнул:

– Так вот что это было! Банальный вызов. «Гляди, как я совершу убийство, и поймай меня, если сможешь!»

Лоуренса затрясло:

– Такой вызов – это безумие.

– Это продукт расстроенного ума, – согласился старший инспектор. – Мервен жаждал мести.

– Мервен?

– Мы идентифицировали человека. Он – мой старый... знакомый. – Касл усмехнулся. – Забавно, чуть было не сказал друг.

Лоуренс глубокомысленно посмотрел на него:

– Можете рассказать всю историю?

– Позже, – категорически заявил Касл. Он казался усталым. – Сначала нужно сделать работу. – Лоуренс вышел за ним из уборной. Пока они шли назад на сцену, Касл проворчал. – Я нашел две использованные гильзы на полу в ложе Мервена – гильзы от его пистолета. Двадцать пятый калибр. – Лоуренс рассеянно кивнул. Обычная работа. Совместно с пулями в стене и в теле Лесли, пустые гильзы докажут вину арестованного.

– Вы собираетесь предать его справедливому суду, – внезапно сказал Олджи, – а затем повесить.

Касл терпеливо возразил:

– Это не подтасовка. Не будет никакой судебной ошибки.

Лоуренс виновато улыбнулся:

– Знаю, Стив. Извините. Но мне не нравится высшая мера.

– А мне не нравится убийство! – мрачно парировал Касл.

Они молча прошли через выход на пультовой стороне. Лоуренс увидел, что за время их краткого отсутствия удалось сделать довольно много. Тело Лесли убрали, и теперь его везли в морг. Олджи поглядел на меловой контур и красное пятно, отмечающие место, где девушка упала, и отвел помертвевший взгляд. Чучело медведя, казалось, довольно скалилось.

Детектив-инспектор Вимисс приблизился к своему начальнику и тихо отрапортовал.

– Полицейский хирург только что уехал, сэр. Обещал сделать вскрытие незамедлительно. Пришлет пулю, как только извлечет ее из тела мертвой женщины.

– Хорошо, – одобрительно проворчал Касл. – Мне понадобится отчет баллистика.

– Да, сэр. Пистолет двадцать пятого калибра и две использованные гильзы уже на пути в лабораторию. И я собираюсь извлечь вторую пулю из стены той ложи.

– Я очень рад, – мрачно сказал Касл, – что нам не пришлось извлекать ее из груди мистера Лоуренса. – Он с нежностью посмотрел на своего друга. – Вы очень рисковали, юноша.

Лоуренс пожал плечами:

– Кто-то же должен был заняться Мервеном.

Касл повернулся к Вимиссу:

– Вы начали допрос зрителей?

Детектив-инспектор кивнул.

– Опросят каждого, прежде чем он покинет театр.

Лоуренс выглядел удивленным:

– Вы требуете заявления от всех?

– Нет. Только имена и адреса.

Касл вмешался:

– Сегодня каждый мужчина, женщина и ребенок в зале оказался свидетелем убийства. Мы должны знать, где их найти.

– Да, наверное.

Вимисс понизил голос:

– А что нам делать с этими людьми, сэр? – Он указал на мужчин и женщин, сгрудившихся в углу сцены.

Касл проворчал:

– Я поговорю с ними прямо сейчас. – Он вышел вперед и шумно откашлялся. – Леди и джентльмены! Прошу вашего внимания. – Тишина упала, как одеяло. Старший инспектор продолжал: – Позже мы возьмем заявление от каждого из вас. Те из вас, кто в костюмах, – Касл пристально посмотрел на Дензила и его компаньонку, привлекательную молодую девушку, – могут пройти в свои уборные и переодеться. Должен попросить вас, однако, не покидать театр. И вообще, никто не должен покидать здание без разрешения. – Повисло натянутое молчание. Касл еще раз откашлялся: – Спасибо. Пока это все.

К его удивлению, никто не двинулся с места.

Затем от группы отделился Виктор Фрайерн и подошел с видом парламентаря. Касл поглядел на запавшие щеки директора. Очевидно, трагедия глубоко затронула Фрайерна.

– Старший инспектор... – Но голос директора неожиданно поднялся почти до визга и сорвался.

Касл сочувственно проворчал:

– Да, мистер Фрайерн, в чем дело?

– Ваше... Ваша работа скоро завершится?

– Думаю, да. – Касл с любопытством посмотрел на директора. – А почему вы спрашиваете?

Фрайерн заявил прямо:

– У нас на этот вечер намечен еще один спектакль.

Касл уставился на него:

– Вы же не просите у меня разрешение дать сегодня вечером спектакль? После того, что произошло?

– Прошу.

– Но, Боже правый! Никто не ждет, что вы откроетесь сегодня вечером.

– Нам хотелось бы выполнить обязательства.

Лоуренс и Касл обменялись взглядами. Олджи пробормотал:

– Если кто-нибудь сейчас скажет, что «шоу должно продолжаться», я, наверное, закричу.

Фрайерн с достоинством произнес:

– Фраза может быть и банальная. Но уверяю вас, она отражает подлинные традиции театра.

Каслу показалось, что директор говорит искренне.

– Но... – он пожал плечами, – предположим, я соглашусь? Вы потеряли ведущую леди.

– У нее есть компетентная дублерша.

Касл глубокомысленно нахмурился:

– Что ж. Мы, вероятно, закончим нашу рутинную работу здесь до восьми часов.

Фрайерн достаточно спокойно кивнул:

– Это даст нам достаточно времени. – Он провел рукой вокруг. – Сцена готова... то есть, декорации постоянны.

Касл развел руками:

– Тогда ладно. Можете готовиться. Но помните, – предупредил он, – наша работа имеет приоритет. Рассчитываю, что все вы будете в нашем распоряжении.

Фрайерн кивнул. Его лицо чуть покраснелось.

Касл подозвал Вимисса:

– Оставляю вас за главного. Вы знаете, что делать.

– Куда мы пойдем, Стив? – спросил Лоуренс.

– Мы? – эхом отозвался старший инспектор. – Это дело не для вас, мой юный друг. Никаких запертых комнат. Никакой черной магии. Никаких фокусов-покусов. Очевидное убийство. – И саркастически добавил: – Простая рутина.

– Интересно, – промурлыкал Лоуренс.

Касл вздрогнул:

– Что, черт возьми, вы под этим подразумеваете?

Лоуренс лениво усмехнулся:

– Вероятно, ничего. Но мне хотелось бы проследить это дело до конца.

Касл проворчал:

– Ладно. Идите со мной. Я собираюсь расспросить Ричарда Мервена.

Двое друзей уехали.

Дуглас Дензил подождал, пока они пересекут сцену и исчезнут, а затем похлопал Виктора Фрайерна по спине:

– Хорошая работа, сэр. Вы взялись за Догберри,⁵ как он того заслуживает. – Он радостно осклабился.

Фрайерн посмотрел на него с отвращением и холодно произнес:

– Это едва ли тема для поздравлений. Я не думаю об этом как о победе. Просто хочу остаться верным публике.

– Конечно, – согласился Дензил, но с тонкой иронией в голосе.

Директор нахмурился. В порыве раздражения он вспылил:

– Прекратите улыбаться!

Лицо Дензила стало бесстрастным. Но в глазах остался блеск злорадства.

– Простите. – Он кашлянул. – Могу я отнести радостную... гм... новость Пенни?

– Да, наверное. – Фрайерн выглядел усталым. – Кто-то же должен ей об этом сказать. Почему не вы?

– Хорошо. – Дензил отошел. Войдя в коридор с уборными, он на мгновение остановился у двери с золотой звездой.

---

5 Глупый чванливый полицейский (по имени персонажа комедии Шекспира «Много шума из ничего»). В переводе Т.Л Щепкиной-Куперник он выведен как Кизил, что является переводом слова dogberry.

дой. Состроив трагическую мину, он поклонился эмблеме. Затем постучал в соседнюю дверь и заглянул в уборную Трента.

Майкл скрючился на стуле и выглядел изможденным. Бен Котол, наконец допущенный до патрона, тревожно суетился вокруг него.

– Хелло, Майкл! – приветствовал Дензил.

– Черт, жаль, что я не запер эту проклятую дверь, – произнес Трент без особых эмоций.

– Испорченный вы человек, – спокойно произнес Дензил. – Вы не можете оскорбить меня, Майкл.

– Могу попробовать.

Бен Котол с тревогой начал:

– Джентльмены, пожалуйста...

– Замолчите, Бен, – ласково посоветовал Дензил. – У меня новости для вас, Майкл. Сегодня вечером шоу продолжится.

– Что! Но я не могу... я имею в виду... о, ад! – Майкл закусил губу.

Дензил неприятно улыбнулся:

– Поздно возражать. Дружище Виктор решился. И Догберри не возражает.

Трент провел расческой с монограммой по густым волосам. Затем выругался и небрежно бросил расческу на стол.

Глаза Дензила сузились.

– Брезгуете, Майкл? – Его улыбка стала кошачьей. – Нет никакой необходимости вам играть сегодня. Буду рад подменить.

Ответ Трента был кратким и грубым.

Дензил изящно отступил.

– Не волнуйтесь, Майкл. Я не пытаюсь, как говорится, влезть в ваши сапоги. Или наступить на пальцы. Роль ваша.

Оказавшись за дверью, он тихо добавил:

– Пока...

Пенни Валентайн вздрогнула и подняла голову, когда дверь ее уборной открылась.

– Кто там? О, это ты, Дуглас. – Ее голос стал равнодушным. – Что, трудно постучать?

Дензил проигнорировал вопрос:

– Привет, дорогая. Я принес хорошие новости.

– Очень мило, – равнодушно сказала Пенни. Она стала наносить крем на лицо.

Дензил, как танцор, пошаркал носком туфли:

– Мэрилин первая умерла. Да здравствует Мэрилин вторая! – воскликнул он.

Пенни снимала грим. Ее пальцы на мгновение остановились, но затем продолжили работу.

Усталым тоном она произнесла:

– Возможно, это хорошая шутка, Дуглас. Но у меня нет желания смеяться.

Дензил надулся:

– Я не дурачусь, Пенни. «Последний трофей» пойдет сегодня вечером с тобой в главной роли.

Девушка уставилась на свое отражение в зеркале:

– Но полиция...

– Дала разрешение.

– Верится с трудом.

Дензил положил руки ей на плечи:

– Это – твой большой шанс. Используй его по максимуму.

Пенни прошептала:

– Но получить его вот так... потому что Лесли убита... – Ее глаза потемнели: – У меня такое чувство, что я граблю могилу.

ГЛАВА 9

Старший инспектор Касл мрачно заявил:

– Сейчас я говорю неофициально. Но думаю, должен сказать, – он кашлянул в кулак, – что для вас было бы умнее хранить молчание.

Ричард Мервен резко откинулся на спинку жесткого стула:

– Что толку? Так или иначе, со мной покончено.

– Очень хорошо. – Касл уселся на стол между ними. Ровным тоном он произнес: – Ричард Мервен, моя обязанность предупредить вас, что все вами сказанное будет зафиксировано и может использоваться в качестве доказательств.

Рот заключенного дернулся.

– Ради Бога дайте мне сигарету! – попросил он.

Касл кивнул. Лоуренс вышел вперед и протянул серебряный портсигар. Когда сигарета оказалась между губами заключенного, Лоуренс перевернул портсигар и высек пламя зажигалкой, расположенной в торце.

Мервен глубоко затянулся:

– Спасибо.

Он выдохнул струю дыма.

Касл терпеливо ждал. Лоуренс отошел назад в угол. Стенографист открыл блокнот.

Мервен убрал сигарету изо рта и заговорил с неловкой бравадой:

– Итак, инспектор. С чего начнем?

– С чего хотите. – Голос Касла звучал ласково, почти сочувствующе. – Я помогу составить формальное заявление позже.

Мервен резко спросил:

– Вы знаете, конечно, почему я убил ее?

Касл кивнул:

– Это Лесли, девушка, которая предала вас.

– Да. – Щеки Мервена, казалось, еще втянулись. Он попытался засмеяться. Звук был резким и неприятным.

Касл мягко попросил:

– Расскажите мне о ней.

Мервен с отчаянием воскликнул:

– Я любил ее!.. – Он продолжал: – Все началось в тот день, когда бандит попытался ограбить меня около главного офиса. Я сбил его с ног простым приемом дзюдо – один из тех уроков, которые дала мне армия. Так что моей заслуги тут мало. Но я действительно спас деньги банка. И надеялся на небольшую награду.

– Вы получили ее? – спросил Касл.

Мервен коротко рассмеялся:

– Я получил, – горько сказал он, – личное благодарственное письмо от директоров. Ценность которого равна нулю. – Он вновь помрачнел. – С этого все началось. Мое недовольство. И дружба с Лесли.

Он задумался, вспоминая. Затем лицо его потемнело:

– Сейчас-то я вижу, как она сыграла на моей обиде. Возможно, со временем разочарование прошло бы. Но она продолжала напоминать мне об этом. Она говорила, что директора обманули меня, что они мне что-то должны... Я думал, что она по-настоящему возмущена и говорит из сочувствия и дружбы. Но теперь вижу: она просто готовила меня к тому, что я должен был сделать.

Он закашлялся:

– Я думал, она любила меня. Я-то ее любил. Она казалась такой хорошей, такой доброй, такой красивой...

Он подавил рыдание.

Касл терпеливо ждал.

Мервен сильно прикусил губу. Голос его прерывался:

– Я попросил ее выйти за меня замуж. Она отказалась. Я сказал, что хочу создать для нее дом. Она сказала, что для этого нужно много денег.

Он ссутулился:

– Конечно, она была права. Перегруженный работой банковский служащий, которому недоплачивают, не мог надеяться обеспечить ее. Любовь в шалаше ее не устроила бы. Она хотела места под солнцем. Деньги стали для меня навязчивой идеей. С ними я мог бы купить счастье... Лесли могла быть со мной.

Взгляд его стал каким-то голодным:

– Я смотрел, как деньги проходят туда и обратно, смотрел, как их каждый вечер укладывают в хранилищах. Я продолжал думать о сейфе. О всех тех деньгах, собственности богатых, праздных, ничего не стоящих людей... У них было их так много, в то время как у меня так мало!

Я поговорил с Лесли. Я чувствовал, словно попал в ловушку. Она спросила, хватит ли у меня храбрости, чтобы вырваться на свободу. Я боялся, но вынужден был слушать. Она вкладывала в свои слова все тайные мечты и стремления, которые переполняли мой ум...

Мервен с трудом дышал:

– Она сказала, что мне мешает только страх. Я еще ничего не взял. Но здесь – внутри – я больше не был честным человеком. Никаких иллюзий не осталось. Я был готов сделать все, что она желает. А затем она дала мне ключи.

Мервен уставился на свои руки:

– Я едва поверил собственным глазам. Передо мной были дубликаты ключей, имевшихся только у высшего руководства. Лесли сказала, что их сделали по восковым слепкам, взятым с оригиналов. Я потребовал объяснений. Она

сказала лишь, что слепки с ключей были взяты в то время, когда они были в распоряжении Сперлинга, но без его ведома и в обстоятельствах, которые делали для него невозможным жаловаться... Вы понимаете? Я обезумел от ревности. Но она поклялась, что теперь между ними больше ничего нет. И я слишком хотел ее, чтобы позволять своему гневу взять верх. Она околдовала меня. Я был готов сделать для нее всё.

Мервен поднял глаза:

– Как только решение было принято, остальное оказалось легко. Мы должны были лишь дожждаться благоприятной возможности. Лесли уволилась из банка, и мы сохранили нашу связь в тайне. Так казалось безопаснее всего. – Мервен горько рассмеялся. – Так и оказалось... для нее.

Он задумался:

– Я терпеливо ждал. Наконец, момент наступил. Однажды в субботу мое имя появилось в списке ответственных за ключи. Это означало, что они будут в моем распоряжении на весь уикэнд и сейф не вскроют до утра понедельника. Так вышло, что была очередь Сперлинга хранить другой набор ключей. Но это просто ирония судьбы, ничего больше. Мы заперли сейфы, бухгалтер и я, и покинули банк. Но я вернулся в середине дня и вошел в здание. У меня были свои ключи и дубликаты Лесли. Я открыл сейф и наполнил чемодан деньгами. Проще простого.

На лбу Мервена выступили капельки пота. Он продолжал хриплым голосом:

– Я пошел, чтобы воссоединиться с Лесли. Мы собирались контрабандой вывезти награбленное за границу и начать новую жизнь в другой стране... Лесли ждала в своей квартире. Я позвонил ей с дороги, чтобы она знала, что все в порядке, и пошел к ней с деньгами.

Мервен стал спешить и говорил с трудом:

– Она позвала меня в спальню. Я вошел в дверь... Что-то обрушилось мне на голову. Казалось, мой мозг просто взорвался от боли.

В глазах его стояла мука:

– Кто-то ждал позади двери. Но я не видел никого, только Лесли. Она смотрела на меня. И смеялась...

Повисло долгое молчание.

– Затем я очнулся на дорожке позади квартиры. Я добрался до улицы и вновь отключился... Вы знаете, что произошло потом.

Сигарета догорела до пальцев Мервена. Он бросил обугленный окурочок в пепельницу и устало продолжал:

– Все годы в тюрьме... Только одно поддерживало меня. Ненависть в сердце.

Касл шумно вздохнул. Он заговорил с подлинным чувством:

– Вы должны были послушаться меня. Я советовал вам забыть о мести и выбрать правосудие.

Мервен горько рассмеялся:

– Я мог бы рассказать вам всю историю. Вы, возможно, поверили бы мне. Возможно, нашли бы Лесли. Смогли бы вы осудить ее?

– Возможно.

– А возможно нет. Мне нужна была настоящая месть. Нужна была ее жизнь.

Касл снова вздохнул:

– Продолжайте.

Мервен откинулся на стуле:

– Я вышел из тюрьмы только с одной мыслью в голове. Найти Лесли.

– И отомстить.

– Конечно. У меня была лишь одна подсказка – ее имя.

Касл выглядел озадаченным:

– Ее имя?

– Да. «Барр» – для нее ничего не значило. Но «Лесли» было прекрасным именем, и она гордилась им. Я знал, что она никогда не откажется от него.

– Понимаю, – согласился Касл. Мелкое тщеславие, подумал он. Которое, тем не менее, привело девушку к смерти.

Голос продолжал бормотать:

– Одна из благотворительных организаций помогла мне найти работу. В свободное время я продолжал поиски.

– А затем?

– Я нашел ее.

Касл проворчал:

– Вас удивило, что она актриса?

– Я мог бы догадаться. – Голос Мервена дрожал. – Она заставила меня поверить ей, когда... когда сказала, что любит меня.

Касл промолчал.

Мервен продолжал:

– Я увидел ее портрет в журнале. – Он замолчал, вспоминая свои чувства в тот момент. – Лицо на фотографии с годами изменилось, но это все еще была Лесли. И она все еще была прекрасна. Я пошел в театр. Сидел на галерке, смотря один спектакль за другим.

Он прижал ладони к поверхности стола и уставился на них:

– Я хотел наблюдать за ней, сам оставаясь незамеченным. Таким образом, я ходил в раёк. – Его восковое лицо ожило. – Там я действительно чувствовал себя подобно Богу. Богу, имеющему власть забрать человеческую жизнь.

Он вновь поднял взгляд и продолжал более спокойно:

– Я ждал. Мог позволить себе ждать. Я знал, что теперь ей от меня не уйти. Думаю, что время от времени она видела меня в театре или на улицах. Это не имело значения. Ничто не могло отнять у меня мести... Я составил план.

Само оружие найти оказалось нетрудно. Нет, инспектор, – он криво улыбнулся, – я не скажу вам, где его достал. Я ведь был в тюрьме, не забывайте. Там завел полезные контакты...

Касл знал о незаконной торговле огнестрельным оружием в преступном мире.

– Продолжайте, – пробурчал он.

– Я заказал на сегодня эту ложу. Там лучшее место для выстрела. Кроме того, поблизости был выход. Я специально опоздал. В кармане был пистолет двадцать пятого калибра. Я ждал завершения первой сцены третьего акта. Момент, когда умирает Лесли.

Его голос почти затих.

Он помнил боль наслаждения, испытанную в ожидании маскирующего холостого выстрела на сцене. Он помнил ощущение оружия в руке, выплевывающего пламя и гром, когда пуля устремилась к цели. Во рту появился горячий, соленый вкус крови.

– Я превратил игру в реальность. И когда пуля вонзилась в ее тело, думаю, она поняла, что ее убил именно я.

Его глаза внезапно засверкали, подчеркивая тюремную бледность щек.

– Это был момент, когда мы наконец соединились.

В комнате повисла тишина. Лоуренс дрожал и облизывал сухие губы.

Касл неловко сменил позу.

– Вы кое-что пропустили, – резко сказал он.

Мервен покачал головой:

– Не думаю... Я был опьянен триумфом. Помню, засмеялся. Я был Богом! – Огонь в глазах потух. – Я думал, мне удастся убежать прежде, чем обнаружат, что девушка мертва. Но ваш друг прыгнул в ложу. Остальное вы знаете.

Касл нахмурился:

– Я имел в виду карточки. Письма, посланные мисс Барр и мне. О Паддингтонской ярмарке.

Мервен выглядел озадаченным.

– Я не посылал никаких карточек, – устало сказал он. – И ничего не знаю о Паддингтонской ярмарке.

Инспектор Касл выглядел измученным:

– Ну, вот и все. Полное заявление Мервена, подписанное и засвидетельствованное.

Лоуренс мрачно кивнул:

– Его смертный приговор.

Касл искоса посмотрел на него:

– Мы не можем позволить себе брезгливость. Мервен – убийца. Он должен заплатить за преступление.

– Знаю. – Лоуренс пошаркал ногой по ковру.

Мервена увели в камеру, двое друзей остались одни.

Спокойное приятное лицо Олджи скривилось:

– Не могу понять, почему Мервен упорно отрицает, что послал те карточки.

– И я не могу. Но это не имеет значения.

– Нет? Интересно. Он может говорить правду. А тогда... – Он беспомощно пожал плечами.

Касл пристально посмотрел на него:

– Мервен должен был послать эти карточки. Все указывает на него.

Лоуренс медленно кивнул:

– Безумный вызов вам. Мелодраматичное предупреждение жертве. Гм, возможно. Но...

– Доказательства очевидны, – возразил Касл. – Возьмите письмо мне. Оно адресовано детективу-инспектору Стивену Каслу. Такова была моя должность в то время, когда Мервена осудили. Он не знал, что меня повысили. Кроме того, почтовые штампы на обоих конвертах одинаковы.

Лондон, S.E.1. Теперь возьмите адрес Мервена. Тот же район. Все прекрасно сходится! – закончил он.

– Слишком хорошо, – тихо сказал Лоуренс.

Касл вскинул голову:

– Эй?

Лоуренс лениво усмехнулся:

– Стив, дружище. Это похоже на подставу.

Касл заревел, как раненый бык:

– Что, черт возьми, вы под этим подразумеваете? Пламя ада! Я в жизни никогда не видел более ясного дела!

Он остановился, чтобы перевести дух, и проворчал:

– Мы установили мотив, возможность и средства. Мы произвели арест на месте и получили полное признание. Что еще вам нужно?

Лоуренс не ответил прямо. Вместо этого он мечтательно произнес:

– Рассмотрим ситуацию. Человек совершает – или ему кажется, что совершает, – убийство. В присутствии сотен свидетелей. Все они, отметьте пожалуйста, потенциальные свидетели на судебном процессе. К тому же, сам человек убежден в собственной вине и делает полное признание. И все же... – Он сделал паузу и закончил: – Он невиновен.

Касл долго смотрел на друга, а затем покачал головой:

– И блестящий молодой любитель ставит себе невозможную задачу доказать невиновность этого человека. Вы это имеете в виду?

Олджи засмеялся:

– Не волнуйтесь, Стив, я только помечтал. Но вы должны признать, что это была бы замечательная ситуация.

От гнева Касла его спас прибывший сержант отделения:

– Вас к телефону, сэр.

– Это, вероятно, Вимисс, – проворчал старший инспектор. – Он знает, что я здесь.

Он вышел из комнаты. Лоуренс стал смотреть в окно. У него появилось нехорошее чувство, что дело еще не совсем закончено. И все же...

Когда Касл вернулся, покрасневшее лицо выдавало недомогание. Он заговорил неестественно подавленно:

– Мы должны вернуться в театр, Олджи. Кое-что произошло.

ГЛАВА 10

Труди Энн была очень симпатичной девушкой. Но кроме того – очень целеустремленной. Она прямо заявила:

– Ты просто обязан мне помочь, Дуглас.

Дензил ответил кошачьей улыбкой:

– Ты слишком переживаешь, деточка. Роль ты знаешь. И у меня сейчас нет никакого желания репетировать.

Труди Энн надулась:

– Тебе-то хорошо. Но мне нелегко. Сегодня вечером Пенни играет Мэрилин. Это означает, что мне придется играть вторую героиню. Это – мой большой шанс. Не хочу его испортить!

Они стояли в глубине сцены. Игнорируя предупреждение, выведенное краской по трафарету на голой кирпичной стене, Дуглас Дензил зажег сигарету и глубоко затянулся:

– Что ж, девчонка, ты убедила меня. Я помогу тебе пробежать через реплики. Хотя слышать их теперь...

Он изобразил дрожь:

– Это несчастная пьеса.

– Неправда, – твердо возразила девушка. – Мистер Виндзор написал очень хорошую пьесу. И у тебя выигрышная роль.

Дензил отмахнулся:

– У Трента, ты имеешь в виду. Вот если бы у меня была его роль... – Его глаза загорелись. – Ладно. Куда мы движемся для этой импровизированной репетиции?

– В артистическое фойе, – предложила Труди Энн. – Или полиция все еще там? – засомневалась она.

Дензил пожал плечами:

– Они повсюду, дорогая. Положительно выползают из стен... Но попытаться можно...

– Дензил!

К ним спешил помощник режиссера. Он хмуро поглядел на сигарету между пальцев актера, а затем указал рукой на предупреждение:

– Уж вам-то следовало бы знать, Дуглас. Курение здесь запрещено.

Дензил напустил на себя скучающий вид:

– Вы утомляете, Джек. Но... – он передернул плечами, – не буду спорить. Идем, деточка. – Он взял девушку за руку. – Давай уйдем отсюда.

Он бросил сигарету. Она ударилась о стенку пожарного ведра и упала на пол, разбрызгивая искры от красного кончика.

Дензил ушел вместе с девушкой. Остин сердито смотрел ему вслед.

Детектив-инспектор Вимисс вышел из коридора, ведущего в уборные. Заметив помощника режиссера, он подошел к нему.

Остин наклонился, чтобы поднять выброшенную сигарету. Он придавил ее, а затем аккуратно опустил в пожарное ведро. Что-то привлекло его внимание. Он разгреб песок и достал из ведра какой-то предмет.

– Странно, – пробормотал он.

Вимисс кашлянул.

Остин поднял взгляд, и в нем читалось удивление:

– Взгляните на это, – тихо сказал он.

Вимисс уставился на предмет, лежащий на раскрытой ладони помощника режиссера.

Это был холостой патрон.

– Пять закопаны здесь в песке, – сказал детектив-инспектор. Он присел на корточки рядом с ведром. – Пять плюс один равно...

– Шести, – пробормотал Остин. – Шесть патронов. Это – максимальный заряд...

– Для обычного револьвера. Да. – Вимисс глубокомысленно посмотрел на помощника режиссера и встал. – Как раз такое оружие используется в пьесе, да? – добавил он.

– Да. Это револьвер «Уэбли & Скотт».

– Я не видел его.

– Нет. – Остин похлопал по карману. – Фактически, я забыл о нем. Ношу его с собой. Трент дал мне его сразу после того, как упал занавес...

– Вот как, – бросил Вимисс. – Могу я взглянуть на него?

– Да. Конечно. – Остин вытащил револьвер из кармана. Вимисс взял его и тщательно осмотрел.

Помощник режиссера пробормотал:

– Пожалуйста, не забирайте его. Он нам понадобится для вечернего спектакля. Я собирался перезарядить его.

– Холостыми, конечно.

– Да. Как я делаю перед каждым спектаклем.

Вимисс раскрыл револьвер и исследовал барабан. Лицо его странно изменилось:

– Майкл Трент стрелял на сцене из него?

– Да, – удивленно ответил Остин.

– В мисс Кристофер?

– Да. Я...

– И вы забрали его у него сразу после этого?

– Вы же знаете, что я так и сделал, – нетерпеливо ответил помреж. – Зачем эти бессмысленные вопросы?

– Потому что, – бесстрастно объявил детектив-инспектор, – В барабане этого револьвера находится пять боевых патронов. И стреляная гильза в гнезде под бойком.

Револьвер был привязан тонкой леской к небольшой деревяшке. Старший инспектор Касл задумчиво разглядывал его.

Детектив-инспектор Вимисс объяснял:

– Странная находка, сэр. Я подумал, что лучше всего уведомить вас сразу.

Касл кивнул.

– Я рад, что вы так поступили. – Он обратился к директору: – Мистер Фрайерн! Подойдите, пожалуйста!

Они сидели в кабинете директора. Виктор Фрайерн встал и неуверенными шагами приблизился.

Касл показал ему револьвер:

– Мне нужна официальная идентификация. Действительно ли это – оружие, используемое в вашем спектакле?

Фрайерн наклонил голову:

– Да. Это – револьвер «Уэбли & Скотт», калибр тридцать два.

– Спасибо. – Касл почесал подбородок. – Итак, сэр, вы слышали то, что сказал инспектор. Этот револьвер, как выяснилось, заряжен боевыми патронами. И недавно из него выпустили пулю.

– Я не могу этого объяснить, – сказал Виктор Фрайерн. Голос его звучал резко и обеспокоенно. – Мы пользуемся холостыми...

– Как те, которые спрятаны в пожарном ведре?

– Да, – руки Фрайерна дрожали. – Заряжать оружие – обязанность Остина. Викс, реквизитор, приносит ему холостые патроны за полчаса перед каждым спектаклем. Остин следит, чтобы револьвер был полностью заряжен...

Касл перебил его:

– Вы подразумеваете, что в барабане всегда шесть патронов? Разве не достаточно одного?

– Остин – осторожный человек, – пояснил Фрайерн. – Он проверяет и перепроверяет все. Его обязанность как помощника режиссера обеспечить, чтобы все шло, как надо. С одним патроном, как он считает, всегда есть небольшая опасность ошибиться. А если боек ударит в пустую камеру, то вся первая сцена третьего акта окажется испорченной.

– Понятно. – Касл потер тяжелый подбородок.

Он обратился к Вимиссу:

– Вы расспросили Остина?

– Не подробно.

Касл вздохнул.

– Хорошо. Давайте пойдем за кулисы.

Остин горячо защищался:

– Могу поклясться, инспектор. Сейчас оружие находится точно в том же состоянии, как когда я взял его у Майкла Трента.

Касл пристально смотрел на него. Помощник режиссера казался искренним. Старший инспектор почувствовал, что тот говорит правду. И все же...

Касл нахмурился. Остин нервно озирался вокруг. Двое мужчин стояли на сцене, словно актеры, ожидающие поднятия занавеса.

Старший инспектор устало произнес:

– Давайте вернемся к началу. Действительно ли именно этот револьвер стрелял на сцене?

– Да, конечно. Это – единственное оружие в театре.

– Опишите его, пожалуйста.

– Но зачем... о, хорошо. – Остин говорил быстро, нетерпеливо. – Это – револьвер «Уэбли & Скотт» тридцать второго калибра. Не могу сказать вам номер, потому что он спилен. Но его легко опознать. На стволе имеется длинная, зубчатая царапина и инициалы «Г. В.» на рукоятке.

Касл кивнул:

– Правильно. Ну, а теперь, – он почесал подбородок. – Вы проследили, что оружие было заряжено холостыми перед дневным спектаклем?

– Да.

Касл задумался:

– Гммм... Фрайерн сказал мне, что вы следуете определенной процедуре. За полчаса перед каждым спектаклем реквизитор приносит вам коробку холостых патронов. Вы заряжаете револьвер в его присутствие и следите, чтобы в барабане было шесть холостых патронов. Затем вешаете револьвер на «стену» в вестибюле и возвращаете коробку Виксу. Правильно?

– Да, это нормальная процедура. Но...

Из кулис донесся жаркий спор. Остин проглотил остальную часть фразы и нервно обернулся:

– Что там за дьявол?

Он поспешил через вход на пультовой стороне и добавил к шуму свой голос.

Касл последовал за ним и обнаружил Олджи Лоуренса, перекрикивающегося с рабочим сцены, который находился в середине длинной железной лестницы, уходящей ввысь.

Старший инспектор решительно потребовал:

– Олджи! Какого чёрта...

Лоуренс усмехнулся:

– У нас немного не совпали мнения, Стив. Я хочу поднять занавес. Наш друг наверху полагает, что он должен оставаться, как есть.

Рабочий сцены обратился к своему начальнику:

– Мистер Остин! Вы же приказали, чтобы он оставался опущенным.

Помреж вздохнул:

– Я тут больше не распоряжаюсь. Спросите у старшего инспектора.

Касл проворчал в сторону Лоуренса:

– Что за игру вы затеяли? Если это одна из ваших проклятых глупых шуточек...

Приятное лицо Олджи излучало спокойствие:

– Это не шутка, Стив. Даю слово.

Касл нахмурился. Повернувшись к помощнику режиссера, он тихо сказал:

– Поднимите занавес, пожалуйста.

Остин пожал плечами. Вытянув шею, он отдал краткий приказ. Рабочий сцены быстро полез вверх по лестнице.

Касл ссутулился:

– Что произойдет теперь?

– Теперь, – весело ответил Лоуренс, – мы восстановим преступление.

Когда они вернулись через вход на пультовой стороне, занавес начал подниматься. Касл смотрел на пустой зал и чувствовал, что нервничает.

Лоуренс бодро продолжал:

– Несколько призрачно, не так ли?

Вновь появился Остин. Олджи обратился к нему.

– Хочу попросить вас еще об одном одолжении.

Остин кивнул.

Касл начал раздражаться:

– Ради Бога, Олджи.

– Терпение, Стив. – Глаза Лоуренса были необычайно серьезные. – Мистер Остин, прошу вас заменить Майкла Трента. Стив, вы станете Ричардом Мервеном.

– А?

– В ложу, дружище. – Лоуренс говорил тихо, но твердо. – Оружие Мервена уехало в лабораторию, поэтому придется импровизировать. Воспользуйтесь своей трубкой, Стив. Я назвал бы ее смертельным оружием. Ее воздействие почти фатально.

Касл перешагнул через рампу. Все еще сжимая в руках дощечку, к которой привязан револьвер, он подошел к краю сцены и барьеру ложи, а затем перевалил свое тело в самую ложу.

– Хорошо. – Лоуренс глубокомысленно ущипнул себя за ухо. – Мистер Остин, подойдите, пожалуйста, сюда.

Помреж повиновался. Лоуренс спокойно продолжал:

– Давайте рассуждать прямо. Револьвер был у вас с момента, когда упал занавес. Поэтому вы могли – после этого – заменить патроны в барабане. Старший инспектор, должно быть, учитывает такую возможность.

Остину это явно не понравилось:

– Клянусь...

Лоуренс перебил его, но безо всякой грубости.

– Если у вас имеются подобные подозрения, Стив, отбросьте их. – Он сделал паузу, а затем медленно продолжал: – Я убежден в этом. Если бы Остин сразу раскрыл оружие, взяв его из рук Трента, то нашел бы его точно в таком же состоянии, как сейчас.

Подбородок Касла дернулся:

– Но... – Однако он не закончил фразу, а мрачно бросил: – Продолжайте!

Лоуренс продолжал:

– Сначала давайте сориентируемся. – Он поглядел на Остину. – Это – пультовая сторона?

– Да. – Остин откашлялся. – В случае, если вы не знаете, левая сторона для актеров является правой для зрителей. Другими словами, хотя человек в партере сказал бы, что мы стоим на краю с правой стороны сцены, мы теперь фактически «внизу слева».

Касл посмотрел на него с ненавистью.

Лоуренс же дружелюбно сказал:

– А другая сторона, – справа от артиста?

– Противопультовая.

– Ага. Теперь, когда я это запомнил, Майкл Трент, когда нажал на курок, стоял близко к рампе.

– Да. Его пятки почти касались игровой границы. Это – граница игровой области, или точка, по обе стороны от которой начинается стена сцены. Или, если сформулировать иначе, это – воображаемая линия, бегущая между краями авансцены.

– Давайте не будем слишком углубляться в терминологию, – улыбнулся Олджи. – На языке непрофессионалов Майкл Трент стоял приблизительно на восемнадцать дюймов позади от переднего занавеса. На самом краю сцены спиной к этой ложе.

– С убийцей позади него, – проворчал Касл.

Остин, казалось, замялся, а затем бросил:

– Он сказал нам, что почувствовал ветер от пули, которая прошла рядом.

Лоуренс кивнул:

– Пожалуйста, займите его позицию.

Остин повиновался.

– Стойте здесь, – сказал Лоуренс и направился через сцену, пока его пятки не оказались напротив возвышения.

– Теперь, как я понимаю, по-театральному, я... ммм... вверху справа. Так или иначе, я стою по диагонали напротив вас обоих.

Они молча смотрели на него.

– Прицельтесь, пожалуйста, – продолжал он. Держа авторучку на уровне талии, Остин направил ее в сердце Лоуренса. Выглядев столь же неловко, Касл похожим образом нацелил свою большую вонючую трубку.

Лоуренс не улыбался. В сонных глазах промелькнула искорка волнения:

– Как я и думал. Угол каждого оружия... да и расстояния для обоих выстрелов – фактически одинаковы.

Он отошел от возвышения. Остин словно окоченел. Он наклонил свое фиктивное «оружие», и рукав отошел от запястья.

Лоуренс пробормотал:

– Можно расслабиться. Ого! Вы сожгли руку!

Остин закусил губу.

– Ничего. Пустяки.

Позади него в ложе Касл нетерпеливо потребовал:

– И что все это значит?

Лоуренс лениво усмехнулся:

– Думаю, вы понимаете, Стив. Но если сформулировать точнее... – Он вытянул руки и объявил: – В револьвере «Скотт & Уэбли» не было никаких холостых патронов. Сегодня Майкл Трент выстрелил в Лесли Кристофер боевым.

Лицо Остина стало столь же мертвенно-бледным:

– Но это невозможно!

Лоуренс покачал головой.

– Увы. Кто-то вынул из револьвера холостые патроны, прежде чем Лесли вынесла его на сцену в третьем акте.

– Но я...

Голос Остина дрогнул и затих.

– Это – единственное объяснение, – сочувственно сказал Лоуренс. – Нужно его принять.

Помреж молча кивнул. Затем он хрипло воскликнул:

– Но на теле Лесли не было двух ран!

– Нет. Было сделано два выстрела. Но одна из пуль прошла мимо.

– Которая? – тихо спросил Касл.

Лоуренс бросил ему мимолетную улыбку:

– На этот вопрос может ответить только эксперт по баллистике.

– К черту баллистику, – проворчал старший инспектор. – Я могу воспользоваться здравым смыслом.

Лоуренс вопросительно посмотрел на него.

Касл пробурчал:

– Я помню, как тщательно выцеливал Трент. Ствол смотрел прямо на сердце девушки.

Остин хрипло спросил:

– Вы имеете в виду... он не мог промахнуться?

Молчание Касла было красноречивей ответа.

Внезапно Лоуренс сказал:

– Кто-то смеется над нами, Стив. Тот, кто действительно убил Лесли Кристофер. И все же он в полной безопасности, потому что другой человек уже признался в преступлении...

Он замолчал, а потом удивленно выпалил:

– Ричард Мервен невиновен и не знает этого!

ГЛАВА II

– Другими словами, – проворчал Стивен Касл, – Мервен – всего лишь убийца по намерению. Но не по факту. Что ж, это прекрасно вписывается в общую картину. Все в жизни сделал наперекосяк. Неудивительно, что напортачил и здесь.

– Я рад, что он так сделал, – тихо сказал Лоуренс.

Касл встряхнулся, как огромный пес:

– Я тоже. Но это означает, что наше расследование только начинается. Так что – за работу... Есть кое-что, что вы не объяснили.

– Что именно?

Касл забарабанил пальцами по барьеру ложи.

– Вы говорите, что и Мервен, и Трент стреляли в Лесли Кристофер. Одна пуля находится в сердце девушки. Вторая прошла мимо. Очень хорошо. Где она?

– О, – вздохнул Лоуренс. – Вот в чем вопрос! Но думаю, что могу ответить на него.

Жестом призывая друга отойти, молодой человек легко запрыгнул в ложу.

– Мистер Остин, – попросил он. – Встаньте, пожалуйста, вновь на ваше место. – Деловым тоном он продолжил: – Смотрите, Стив. Сдвинувшись в глубину ложи, Мервен мог нацелить свой пистолет мимо Трента на девушку. Теперь, где она стояла?

– По диагонали напротив, – ответил Касл. – Перед чучелом медведя.

– Точно, – кивнул Лоуренс с удовлетворенной улыбкой.

– Вы имеете в виду...

– Смотрите, – усмехнулся Олджи. Он вышел из ложи на сцену.

Похлопав Остину по плечу, он спросил:

– Это животное когда-нибудь передвигают?

Помреж покачал головой:

– Нет. Это постоянный реквизит. Мы не меняем задники и не двигаем бутафорию.

– Хорошо.

Медведь, казалось, с негодованием смотрел на приближающегося Лоуренса. Олджи остановился у основания круглого возвышения и взглянул прямо в морду животного.

– Не красавиц, не правда ли?

Касл выбрался из ложи.

– Олджи... – начал он.

– Терпение, Стив. – Глаза Лоуренса превратились в щелки. Он достал из кармана миниатюрный фонарик и пробежал лучом по морде животного. – Мне кажется, я понял... О!

– Что? – спросил Касл.

Лоуренс отступил:

– Смотрите сами, Стив. В пасти медведя.

Он повернул фонарик. Старший инспектор затаил дыхание:

– Ей-Богу, да! Внутри отверстие...

Он выхватил фонарик из рук своего молодого друга.

Лоуренс обошел возвышение, а затем поднял руку и слегка похлопал медведя по голове.

– У мишки твердый череп – протянул он. – Ему удалось остановить пулю двадцать пятого калибра.

Стивен Касл положил телефонную трубку и тупо уставился в стену напротив.

– Это решает дело, – пробормотал он.

Сквозь барьер задумчивости до детектива донесся тревожный голос Виктора Фрайерны:

– Старший инспектор...

– А? – пробудился Касл. Его позвали к телефону сразу после открытия недостающей пули, и он оставил на сцене Вимисса за старшего. – Да, мистер Фрайерн, в чем дело?

– Я... Правильно ли я понимаю, что Лесли убита не сумасшедшим, которого вы арестовали?

– Боюсь, что так. Как бы неприятно это не звучало, горькая правда такова: мисс Кристофер убита кем-то из вашей труппы.

– Но... Фрайерн протянул руку, чтобы опереться. – Мы же знаем, что этот человек... Мервен выстрелил в нее из ложи.

Касл терпеливо объяснил:

– Мервен стрелял из самозаряжающегося пистолета двадцать пятого калибра, так называемого «автоматического». Он хотел убить девушку – тут никаких сомнений. Но промазал. Его пуля прошла над головой Лесли и засела в черепе чучела медведя позади нее.

– Но почему пулю не обнаружили сразу?

– Потому, что она вошла в открытую пасть зверя, – продолжал Касл. – Входное отверстие было скрыто от всех, если не смотреть туда специально... Мы еще не установили точный состав наполнителя в голове медведя. Пакля, наверное. Так или иначе, еехватило, чтобы задержать пулю и не дать ей выйти.

– Тогда Лесли... – потерянно сказал Фрайерн.

– Умерла, но не от руки Мервена. Майкла Трента.

– Я все еще не могу этому поверить! Черт побери! – беспомощно воскликнул директор. – Вы же были уверены, что Мервен убил ее. Почему не обнаружили ошибку сразу? У вас были свидетельства. Дальность выстрела... угол пули...

Касл вздохнул. Он продолжал говорить равнодушным тоном автомата.

– Наша ошибка была вполне честной. Простительной даже, можно сказать... Мервен был всего лишь в нескольких

футах – в двух или трех ярдах – позади Майкла Трента. Другими словами, расстояние для обоих выстрелов было фактически одинаковым. Баллистика может сказать много. Но невозможно утверждать, был ли выстрел сделан с пяти ярдов или с двадцати. Что касается траектории пули в груди девушки, – Касл говорил с нарочитой грубостью, не обращая внимание на боль в глазах директора, – да, хирург не волшебник. Он может указать на общее направление пули, не больше. Он не может быть точным до углового градуса – не тогда, когда имеет дело с человеческим телом.

– Да, наверное, – подавленно согласился Фрайерн.

Касл почесал подбородок:

– Но, по крайней мере, кое в чем, – проворчал он, – баллистика – точная наука. Мы можем сравнить пулю с оружием, которое ее выпустило... Лесли Кристофер умерла от попадания в сердце пули тридцать второго калибра. И она была выпущена из револьвера «Скотт & Уэбли».

– Это точно?

– Да. – Касл указал коротким пальцем на телефон. – Звонил полицейский хирург. Он только что закончил вскрытие. Пуля, извлеченная из тела девушки, имеет калибр 32. И тип револьвера по канавкам ствола – «Уэбли»...

Фрайерн выглядел абсолютно сбитым с толку этими техническими подробностями.

– ...они отчетливо отпечатались на пуле. Семь широких углублений с правым винтом и узкие площадки – такой ствол характерен для всех револьверов «Уэбли».

Фрайерн беспомощно пожал плечами.

Касл продолжил:

– Все, что теперь остается, сравнить пулю именно с этим револьвером. – Он указал на оружие, привязанное к леске, чтобы сохранить все возможные улики. – Я отправлю его в лабораторию немедленно.

– Предполагаю, – сказал Фрайерн, – это едва ли больше, чем простая формальность.

– Необходимая, – возразил Касл, – но, как вы говорите, формальность. Никаких сомнений больше нет. Это – оружие убийства.

– Но я не могу поверить... чтобы Майкл Трент...

Протест Фрайерна замер у него на губах. Касл насмешливо посмотрел на него:

– Я сказал, что мисс Кристофер умерла от его руки. А не что он ее убил.

– Вы имеете в виду...

– Я имею в виду, – ответил Касл, – что, *если*... – он подчеркнул это слово, – если Трент не знал, что он стреляет боевым патроном, то он не виновен в убийстве.

Фрайерн что-то пробормотал с облегчением.

– Но помните, я сказал «если», – предупредил старший инспектор. – Все, в чем мы можем быть уверенными, следующее. Кто-то вложил шесть пуль в этот револьвер. Кто? Мы не знаем. Возможно, это Майкл Трент. Если на то пошло, – добавил Касл тихо, – это могли быть вы.

– Я?

Касл спокойно уточнил:

– У всех за кулисами был доступ к револьверу.

– Включая директора, – с легкой горечью добавил Фрайерн. – Послушайте, сэр, я был очень высокого мнения о мисс Кристофер. Я не причинил бы ей вреда ни за что на свете. Вы поверите моему честному слову?

– Конечно, – вежливо подтвердил Касл. – Но если бы у вас было алиби, это помогло бы.

– Полагаю, что есть. – Виктор Фрайерн глубокомысленно нахмурился. – Дайте подумать. Я должен доказать, что у меня не было возможности извлечь из револьвера холостые патроны и вставить в барабан боевые.

– Да.

Лицо Фрайерна посветлело:

– Я говорил с Остином за полчаса до спектакля. Тогда он еще не зарядил револьвер холостыми. Мы расстались на входе в коридор с уборными. Я вошел в комнату Лесли...

– Почему? – спросил старший инспектор.

Фрайерн замялся, а затем описал в общих чертах свой разговор с девушкой. Касл никак это не комментировал.

Директор продолжал:

– Я ушел, когда подошла Мэгги Бойд.

– Мэгги Бойд?

– Костюмерша мисс Кристофер. Лесли посылала ее за сигаретами... Когда я ушел, то встретил снаружи в коридоре Бена Котола. Он искал Майкла Трента. Мы вернулись к служебному входу. Когда Трент прибыл, Котол повел его гримироваться в уборную. Майкл был... гм... нездоров.

– Пьян? – спросил Касл.

– Выпивши, – хмуро кивнул директор. – Не больше. Как я сказал, костюмер Трента позаботился о нем... Около служебного входа ко мне подошел Остин. Мы еще поговорили. После того, как Остин ушел, я обменялся парой слов с Шортом, швейцаром. Затем я тоже ушел.

– Через служебный вход?

– Да. Как вы знаете, в арке авансены есть проход с дверью, но ее всегда запирают, когда театр открыт для публики.

– Продолжайте.

– Я обошел здание, вышел к главному входу и прошел через фойе в свой кабинет. Больше я за кулисами не был. Можете спросить швейцара служебного входа. Он никогда не покидает свой пост во время спектакля.

Касл медленно кивнул:

– Я расспрошу тех, кого вы упомянули. Если они подтвердят вашу историю, а у меня нет причин в ней сомневаться, то думаю, что могу принять ваше алиби.

– Спасибо, старший инспектор. – Виктор Фрайерн явно воспрянул духом. Он замялся, а затем через силу сказал. – Лесли... Лесли была очень дорога для меня. Если я могу что-нибудь сделать, чтобы помочь вам, я... я...

Он замолчал.

Касл сочувственно посмотрел на него:

– Мы найдем того, кто убил ее. Он не уйдет!

Фрайерн с Каслом вышли на сцену через вход на стороне, противоположной пульту. Сотрудники Ярда были поглощены работой.

Детектив-инспектор Вимисс поймал взгляд начальника и направился к нему. Касл пробурчал приветствие, а затем повторил коллеге отчет хирурга.

Вимисс принял новости бесстрастно:

– Похоже, наша работа только начинается.

– Нужно еще многое сделать, – согласился старший инспектор. – Мы должны будем взять заявления у всех, находившихся за кулисами. Мистер Фрайерн!

– Да?

– Едва ли мне следует говорить, что вечером никакого спектакля не будет. Я закрываю театр до особого распоряжения... А пока я хочу поговорить с каждым членом вашего коллектива, который находился сегодня днем за кулисами.

– Можете разговаривать с ними в актерском фойе, – предложил Фрайерн. – И они могут дожидаться своей очереди в гардеробной.

Касл кивнул:

– Это оставит сцену вашим парням, Вимисс.

Засунув руки в карманы своего потрепанного плаща, Касл подошел к задней части сцены. Оглядывая открытые двойные двери на заднике, Касл заметил:

– Насколько я помню, револьвер висел на колышках в «стене» вестибюля.

Фрайерн кивнул:

– Да. «Стена», конечно, состоит из множества раскрашенных панелей. Колышки прикреплены к горизонтальной поперечине, прибитой поперек рамы к вертикальным стойкам – позади холста.

– Оружие всегда находится на колышках?

– Да. Кроме тех случаев, когда Остин выдает его барахольщику, чтобы вычистить и смазать.

– Барахольщику?

– Виксу, реквизитору.

– Ах да. Мне нужно с ним поговорить.

Фрайерн замялся, а затем недовольно произнес:

– Не знаю, что этот человек скажет вам. Но советую отнестись к его заявлениям с некоторым скепсисом.

– Да? – Глаза Касла блеснули. – Что вы имеете в виду?

Фрайерн поморщился:

– Все это довольно глупо. Но Викс, кажется, затаил на Лесли злобу после того, как она резко поговорила с ним несколько раз. Он обижен.

Касл мягко сказал:

– Говорите яснее, сэр. Вы считаете, что Викс мог вложить в револьвер боевые патроны вместо холостых?

– О, Небо, нет! – Директор казался потрясенным. – Я лишь хотел предупредить вас, что свидетельства этого человека могут быть искажены... нет, это неправильное слово... могут быть окрашены неприязнью к мисс Кристофер... Что касается заряжания револьвера, этим занимается Остин.

Касл рассеянно кивнул и прошел через открытые двери. Краешком глаз он заметил какое-то движение. Смутная фигура исчезла за последней панелью «стены» во мраке позади сцены.

– Что...

Касл сделал шаг вперед, а затем остановился и пожал плечами. Соглядатай, кем бы он ни был, ушел.

Старший инспектор вернулся к колышкам на «стене». На этих ненадежных опорах лежало оружие. Безопасное оружие, пока неизвестная рука не заполнила его шестью посланниками смерти. Неизвестная рука, неизвестный человек.

С мрачным лицом Касл высказал вслух то, что занимало его мысли:

– У тебя есть имя, мой друг. И я его узнаю, обещаю тебе!

ГЛАВА 12

Олджи Лоуренс с улыбкой поднял голову, когда дверь актерского фойе открылась.

– Привет, Стив. Чувствуйте себя как дома.

Касл довольно хмыкнул. Его молодой друг развалился в кресле, откинув белокурую голову на подголовник, а ноги положив на журнальный столик. На коленях открытым лежал массивный тяжелый том.

– Олджи! Чем вы тут занимаетесь?

– Просто изучаю театральную библиотеку. – Лоуренс указал на плотно забитые полки слева от себя. – Я нашел несколько интересных книг. Например, – в глазах его загорелся огонь библиофила, – возьмем вот эту...

Касл перехватил его руку:

– Я отказываюсь вести еще одно дело, пока вы рассуждаете о проклятых книгах.

Лоуренс усмехнулся и насмешливо сказал:

– Знаю, что полицейские читают книги только тогда, когда пытаются найти повод запретить их и сжечь. Но честно, Стив, эта должна вас заинтересовать. Это подшивка «Журнала джентльмена» за 1783 год...⁶

– Нет, – твердо заявил Касл, – больше не слова.

Он осмотрелся. В одном углу пылал электрокамин. В комнате стояло множество мягких кресел и было много

---

6 The Gentleman's Magazine (Журнал джентльмена) – ежемесячный журнал, созданный Эдуардом Кейвом в Лондоне в январе 1731 года. Издание, возглавляемое различными редакторами, пользовалось популярностью в XVIII веке до середины XIX века, закрыто в 1907 году.

книг и периодики. Несколько театральных плакатов и портретов украшали стены, выкрашенные в веселый зеленый цвет. Стив решил, что здесь уютно.

– Это место подойдет, – одобчительно сказал он.

– Для чего? Инквизиции?

– Для бесед, – уточнил Касл.

– «Что в имени? То, что зовём мы розой, – процитировал Олджи, – и под другим названием сохраняло б свой сладкий запах!»⁷

Он вставил закладку между страниц книги, лежащей на коленях, и вернул книгу на полку.

– Олджи...

– Что в имени? – спросил Лоуренс. – Действительно что? – С невыносимой настойчивостью он заявил: – В самом деле, Стив, вы должны прочитать «Журнал джентльмена» за 1783 год...

Остин нервно ломал пальцы. Его взгляд упал на невыразительного мужчину с открытым блокнотом, а затем вернулся и натолкнулся на пристальный взгляд старшего инспектора.

– Вы понимаете важность своих свидетельств, – заявил тот. – Мне не нужно говорить вам, что это жизненно важно. Ну вот! Давайте начнем с самого начала. Ваше имя и род занятий, пожалуйста.

Остин сглотнул слюну:

– Мм... Джек Остин. Помощник режиссера.

– Джек – это Джон, я полагаю? – вставил Лоуренс.

– Да.

Стивен Касл впился взглядом в своего молодого друга.

---

7 У. Шекспир. «Ромео и Джульетта» (Перевод Т.Л. Щепкиной-Куперник).

– Я так и подумал, – пробормотал Олджи, почему-то очень довольный собой.

– Если вы закончили, мы продолжим, – сказал старший инспектор. – Мистер Остин! Я хочу, чтобы вы подробно описали, как вы заряжали револьвер этим днем.

Помреж облизнул губы:

– Я следовал обычной процедуре. Реквизитор принес мне холостые патроны за полчаса до спектакля...

– Минутку! – Касл заглянул в блокнот. – Виктор Фрайерн сказал мне, что в это время разговаривал с вами. Вы тогда еще не зарядили револьвер.

– Нет. Боюсь, моя голова была занята другими вещами. – Остин замялся. – Я ждал Майкла Трента. Считается, актеры должны приходить за полчаса до спектакля, но Трент всю неделю опаздывал. Он... он пьет. – Помреж облизал губы. – Я как раз обсуждал этот вопрос с Виктором Фрайерном. Он посоветовал не волноваться.

Касл сверился с записями:

– Вы оставили его около входа в коридор с уборными?

– Да. Я видел, как он вошел в комнату мисс Кристофер.

– А затем?

– Я вернулся на свое место за кулисами. Реквизитор принес мне холостые патроны, и мы пошли заряжать револьвер.

– О! – Касл резко выдохнул. – В какое время?

– Ну... около пяти минут второго.

– Хорошо. Теперь опишите свои действия подробно.

Остин неловко передернул плечами:

– Я снял револьвер «Уэбли & Скотт» с колышков на панели...

– Оружие всегда висит на «стене»?

– Почти всегда. Мы считаем его частью декораций.

– Продолжайте.

– Я переломил раму – она сочлененная, а не жесткая, – и потянул экстрактор.

– Освобождаю барабан?

– Да. Я следовал обычной процедуре: повесил револьвер на колышки после того, как забрал его у Майкла Трента после занавеса в третьем акте... Было пять целых холостых патронов и один стреляный в барабане.

– Да?

– Я вынул стреляную гильзу, достал и просмотрел пять оставшихся холостых патронов и добавил еще один из коробки, которую Викс вручил мне, затем проверил работу револьвера и вновь заполнил барабан. После этого повесил револьвер на колышки.

– И вернули коробку с патронами Виксу?

– Да.

– Гмм. – Касл почесал подбородок. – Действительно ли вы уверены, что эти шесть патронов были холостыми?

Остин не сомневался:

– Я не мог спутать боевой патрон с холостым. Они сильно отличаются внешне. – Помреж сделал паузу, а затем резко сказал. – Викс подтвердит мои слова. Когда я вешал револьвер на колышки, оружие было заряжено безопасными холостыми патронами.

– Да. – Старший инспектор поудобнее уселся в кресле. – Итак, вы с Виксом стояли в вестибюле. Та часть отделена от главной сцены двойными дверями. Они были открыты?

– Нет. Закрыты для начала первого акта.

– Таким образом, – спокойно заметил Касл, – в то критическое время, когда заряжали револьвер, вы с реквизитором были одни?

– Мне не нравятся ваши намеки! – вспыхнул Остин.

– Я ни одного не сделал. – Старший инспектор выглядел опасно спокойным. – Но хочу напомнить вам, мистер Остин, что было совершено убийство. И ваша собственная небрежность облегчила задачу убийцы.

Остин покраснел, а затем побледнел:

– Я... я не понимаю...

– Прежде чем стрелять на сцене из револьвера, нужно получить лицензию в полиции.

– У нас есть лицензия, – возразил помреж.

– Но не думаю, – мягко сказал Касл, – что именно на этот револьвер. Поскольку регистрационный номер револьвера спилен, его вполне можно считать незаконным оружием.

Остин выглядел недовольным:

– Оружие предоставил реквизитор.

Касл почесал щеку:

– Еще одно. Ствол следовало заварить. Даже если бы вы запихнули в него ком бумаги, это сильно затруднило бы задачу убийцы.

Остин погладил ожог на руке:

– Наверное, вы правы. Но ни у кого из нас и в мыслях не было... – Он замолчал, а затем категорически заявил: – На репетициях мы использовали оружие из реквизита. Но автор пожаловался, что оно напоминает игрушечное. Режиссер согласился: у него страсть к реализму. Он решил использовать настоящее оружие с незаваренным стволом. Хотел, чтобы ничто не мешало создать реалистичный выстрел.

Касл иронически хмыкнул:

– Он хотел, чтобы зрители увидели убедительное убийство.

Остин замер, а затем громко выдохнул:

– О Господи!

– Что такое? – поинтересовался Касл.

Помреж медленно и неохотно произнес:

– Ваши слова... они поразили меня. Именно их произнес Майкл Трент в своей уборной перед шоу.

– О? – Касл сделал пометку в блокноте. – Повторите их, пожалуйста.

Остин неохотно пробормотал:

– Майкл сказал мне: «Обещаю, что сегодня зрители увидят убедительное убийство».

– Как и произошло. – Касл уронил карандаш на поверхность стола. Шум его падения показался очень громким.

Помреж нервно произнес:

– Совпадение.

– Но странное, – заметил старший инспектор. – Возможно, вам следует объяснить.

Остин кратко пересказал, что смог вспомнить о своем разговоре с Майклом Трентом. Касл молча слушал. Когда помреж закончил, старший инспектор сухо констатировал:

– Интересно. Но вы не ответили на мой первоначальный вопрос.

Губы Остина сжались.

– Мы с реквизитором были одни, – процедил он.

Лоуренс вежливо кашлянул:

– Двойные двери были закрыты. Но вестибюль с пультавой стороны не заслонен, не так ли?

– Нет, – нахмурился Остин. – Его видно из кулис. Любой проходящий там мог нас видеть. Но не думаю, что кто-то видел.

– Ничего не поделаешь, – пожал плечами Касл. – Придется поверить вам на слово.

Внезапно Остин с нажимом произнес:

– Почему я мог хотеть навредить Лесли? Черт побери, я любил ее!

Брови Касла взлетели вверх.

Остин отвел взгляд, сердясь на себя и чувствуя себя глупцом.

– А она любила вас? – спросил Касл.

– Нет. – Остин резко засмеялся. – Она знала, как использовать мужчин. Но не любила никого, кроме себя... и Майкла Трента.

Касл вспомнил фотографию на стене уборной мертвой женщины:

– Трент? Я...

Дверь актерского фойе с шумом распахнулась. Остин нервно вздрогнул, Касл прикусил язык, а стенографист провел на странице блокнота зубчатую линию.

Только Лоуренс остался спокойным. Он пристально и с явным восхищением глядел на изящную фигурку девушки, стоящей на пороге.

– Где, – спросила она, – старший инспектор Касл?

Стив закипел:

– Послушайте, юная леди, я...

Ему не дали закончить. Зубы девушки даже щелкнули от переполнявшего ее гнева:

– А! Значит, это вы!..

Она приблизилась к Каслу, как красивая разъяренная тигрица к добыче.

Лоуренс с интересом рассматривал ее. У нее были миндалевидные глаза, изогнутые брови, широкие скулы и крошечный, но волевой подбородок. Прическа состояла из красиво спадающих локонов. И фигура – великолепна.

Она сделала паузу, упираясь руками в красивые бедра, и выпалила в лицо Каслу:

– Вы – очень гадкий человек!

Лоуренс усмехнулся:

– Все, Стив, я от вас отрекаюсь!

Касл зарычал.

Девушка переключила внимание на Лоуренса, который встретил ее взгляд обаятельной улыбкой. Он быстро сказал:

– Простите нас, пожалуйста, за то, что мы причинили вам неприятности. И позвольте поздравить вас с прекрасным сегодняшним выступлением. Вы были восхитительны!

Улыбка у нее была очаровательной, как с некоторым облегчением отметил Касл. Он нахмурился, желая восстановить контроль над ситуацией.

– А теперь, юная леди... – начал он.

Она презрительно махнула рукой:

– Я буду говорить с вашим другом. Он – джентльмен!

Лицо Стива стало фиолетовым. Лоуренс постарался скрыть смех кашлем:

– Вы не должны относиться к старшему инспектору слишком строго. Ммм... а что он сделал?

– Он отменил спектакль! – трагически заявила она.

Касл закрыл глаза, сделал паузу и снова открыл. Он уже узнал в девушке актрису, которая играла незначительную роль в первом и втором действиях. В последний раз он видел ее с Дугласом Дензилом, когда дал им разрешение удалиться в уборные и переодеться. Он терпеливо объяснил:

– Юная леди, у меня не было альтернативы. Это дело оказалось вовсе не таким простым, как показалось вначале.

Лоуренс тактично вмешался:

– Закрытие театра – просто временная мера. Его скоро откроют вновь. Конечно, – горячо добавил он, – чтобы закончить работу, полиции понадобится помощь всех в театре.

Девушка сделала паузу, и ее прекрасное личико сморщилось от усиленной работы мысли.

Затем медовым голосом она заявила:

– Я помогу.

– Хорошо. – Старший инспектор перевел дух. – Пожалуйста, сядьте.

Девушка любезно кивнула. Она уселась в кресло, которое освободил Остин, скрестила ноги и пригладила юбку на коленях, закрытых нейлоновыми чулками.

Касл откашлялся и торопливо начал:

– Кха-гмм... Ваше имя, пожалуйста.

– Труднн Энн.

– Труднн Энн, а дальше?

– Ничего.

Касл чуть слышно застонал:

– Юная леди, мне нужно ваше полное имя.

Девушка широко раскрыла прекрасные глаза и с выражением доброжелательного терпения пояснила:

– У вас оно есть. Меня зовут Трудн Энн. Вы знаете, как Вера-Эллен. Но без дефиса.

– О! – Касл молча переварил эту информацию. Что-то в ней встревожило его. – Очень хорошо, мисс Энн...

– Нет, нет, – воскликнула она. – Не разделяйте мое имя. Я этого не выношу!

– Понимаю, – серьезно сказал Лоуренс. – Такие вещи важны для артиста.

Она одарила его восхитительной улыбкой.

Касл посмотрел на своего молодого друга с некоторой горечью. Затем вновь повернулся к девушке:

– Как к вам тогда обращаться?

– Зовите меня Трудн Энн, – просто предложила она.

Касл сдался:

– Очень хорошо, мисс... кха-гммм! Полагаю, что теперь вы знаете, как была убита мисс Кристофер?

– Да, действительно. – Она вздохнула. – Бедный Майкл.

– Ха! Ладно, пусть так, – проворчал старший инспектор. – Проблема, которая теперь стоит перед нами, это выяснить все перемещения за кулисами в течение получаса до выстрела. Итак, мисс, давайте начнем с вас.

Трудн Энн красиво надула губки.

Прежде, чем она успела ответить, Джек Остин спросил:

– Я могу идти?

Касл покачал головой:

– Нет, мистер Остин, еще нет. Можете подождать здесь, мы недолго. – Он повернулся к девушке: – А теперь вы, мисс! Опишите свои перемещения, пожалуйста.

Трудн Энн стала жеманиться, как школьница:

– Я пришла в театр приблизительно за три четверти часа до начала. Прошла в свою уборную, чтобы нанести

грим. Оставалась там, читала до объявления пятиминутной готовности. Затем пошла на сцену.

– А затем? – спросил Касл.

– Сыграла свою роль. Она не намного больше, – добавила девушка с сожалением, – чем роль статиста. Но я старалась, как могла.

Лоуренс предположил, что такая необычная откровенность означала, что Трудн Энн положила глаз на что-то получше. Он отметил это про себя.

Старший инспектор продолжал:

– А что вы делали, когда не были на сцене?

– Ждала в уборной своих выходов. Билли ходит и обьявляет.

Касл нахмурился:

– Значит, вы были одни?

– Да. Мне нравится быть одной. Не люблю закулисных разговоров – все эти театральные дразги. – Она бесхитростно захлопала ресницами. – И эти закулисные интриги – такая скука!

Она бросила на старшего инспектора озорной взгляд, словно провоцируя на вопросы.

Касл смотрел себе под ноги:

– Вы не появлялись в первой сцене последнего акта.

– Нет. Я вообще не появляюсь в третьем акте. Я была в своей уборной, когда услышала о смерти Лесли. Затем присоединилась ко всем на сцене.

– Я помню, – кивнул Касл. – Последний раз вы появлялись во втором акте. Но вы все еще оставались в гриме.

– Конечно. – Девушка устало улыбнулась. – Я ждала вызова на поклоны.

Лоуренс вновь вмешался:

– Я воспользуюсь этой возможностью выразить вам свое восхищение! – радостно выпалил он.

Его вознаградили еще одной теплой улыбкой. Касл проворчал:

– Олджи, помолчите ради Бога. Или, по крайней мере, ради меня... А теперь, юная леди, как я понял из ваших слов, вы были или на сцене, или в своей уборной.

– Да.

– Вы что, вообще не покидали помещения?

– Только, – скромно сообщила Трудн Энн, – по естественным надобностям.

Касл торопливо продолжил:

– Вы упомянули закулисную вражду. Она касалась мисс Кристофер?

– Еще как!

– О! – Касл сделал выжидательную паузу.

Трудн Энн ничего не сказала.

Касл продолжил:

– Были ли у нее враги?

Ответ прозвучал очень наивно:

– Не думаю, что она хоть кому-то нравилась, если ее хорошо узнавали. Даже Майклу Тренту. Хотя он иногда с ней спал.

Касл сломал грифель карандаша и неслышно выругался.

– Я спросил, были ли у нее враги, – повторил он.

Трудн Энн задумалась:

– Я не назвала бы их врагами. Но у многих была причина не любить ее. Особенно...

Она резко остановилась, и ее губы неслышно прошептали имя.

Касл подался вперед:

– Да?

Трудн Энн пикантно улыбнулась:

– Не думаю, что скажу вам сейчас.

Касл тяжело задышал и ледяным голосом напомнил:

– Вы обещали помогать.

– Возможно. Но, – заявила девушка обвиняющим тоном, – я вижу, что у вас низкий, подозрительный ум. И я не хочу помогать вам создавать людям проблемы.

Лоуренс торопливо вмешался:

– Труднн Энн, старший инспектор просто выполняет свою работу. И Лесли Кристофер убита. Разве вы не хотите, чтобы виновный был наказан?

– Нет, – ответила она. – Не хочу.

– Почему? – взревел Стивен Касл.

Она спокойно ответила:

– Мне не нравилась Лесли Кристофер.

– Но... – у Касла перехватило дыхание.

– Почему она вам не нравилась? – мягко спросил Лоуренс.

– Она была сукой, – заявила Трудн Энн с обезоруживающей прямоотой.

ГЛАВА 13

Лоуренса душил смех. Но он серьезно возразил:

– Но даже сука не заслуживает быть убитой.

– Д-да, – с сомнением пробормотала Трудि Энн. – Но...

– Если мы не узнаем правды, могут пострадать невиновные, – продолжал убеждать Лоуренс. – Вы же не хотите, чтобы это произошло, не так ли? Будьте хорошей девочкой, Трудि Энн. Расскажите нам все, что знаете.

– Н-ну, хорошо. – Она замялась, но потом важно заявила: – Но все-таки Лесли действительно была сукой. Спросите Пенни Валентайн – ей досталось больше всех. Она могла бы переиграть Кристофер на сцене. Но у нее была лишь второстепенная роль. И она не знала всех подлых трюков, а Лесли знала. Она вторгалась в реплики Пенни и перетягивала все внимание на себя...

Касл резкими движениями точил карандаш. Закрыв перочинный нож, он заявил:

– Все это интересно, но не имеет непосредственного отношения к делу. Если мисс Валентайн не именно тот человек, которого вы имели в виду.

– Пенни? Нет, конечно. Это был Дж...

Она замолчала. Лоуренс увидел, что помощник режиссера вздрогнул.

– Продолжайте! – скомандовал Касл.

Трудि Энн произнесла почти нежно:

– Это был Джек Остин, которого я видела выходящим из уборной Лесли.

– Это не обязательно вызывает подозрения, – возразил Олджи Лоуренс. – Не правда ли, мистер Остин?

Труди Энн погрузилась.

– Мне жаль, Джек. Я не имела в виду...

– Независимо от того, что вы имели в виду, – с горечью сказал Остин, – теперь вам придется объясниться.

Труди Энн пристально посмотрела на старшего инспектора, и в глазах ее читался невинный вопрос: «Должна ли я?»

– Вы не обязаны нам ничего говорить, – ответил Касл, но ему удалось сделать так, что в голосе чувствовалась угроза.

Труди Энн поняла намек. Она равнодушно продолжала:

– Действительно ничего особенного. Но я не могла не заметить...

Она остановилась и после дразнящей паузы выпалила:

– Я вышла из своей уборной после сигнала пятиминутной готовности. Когда я шла по коридору, то увидела мистера Остина. Он выскочил из уборной Лесли с лицом чернее тучи.

– Вы подразумеваете, он казался сердитым? – уточнил Касл.

– Он был разъярен! Выскочил на сцену, как летучая мышь из ада. Я даже боялась идти за ним!

– Вы сказали, что хотели, – перебил ее Остин. – Не переигрывайте!

Ресницы девушки захлопали по щекам:

– Мне очень жаль, Джек. Я не хотела им говорить. Действительно не хотела.

– Вы нам еще ничего и не сказали, – язвительно заметил старший инспектор. – Продолжайте, пожалуйста.

– Ну, хорошо, – замялась Труди Энн. – Я не могла сдержать любопытства, что именно расстроило мистера Остина. И немного позже я спросила молодого Билли, коридорного. И он сказал...

– Послушайте, инспектор, – возмутился помощник режиссера. – И это доказательства?

– Возможно, не в суде, – ответил Касл. – Но на данном этапе расследования допустимо... Пожалуйста, не перебивайте. Продолжайте, леди.

Труди Энн продолжила:

– Когда Билли объявляет время, он стучит в дверь и приоткрывает ее на пару дюймов. Иногда... – она скромно улыбнулась, – он открывает ее больше, чем следует. И он сказал мне по секрету, что раньше, еще до объявления, он слышал звуки ссоры и затем крик боли в уборной Лесли. Поэтому, когда он постучал, открыл дверь и заглянул...

– Ну?

– Он увидел мистера Остина. Джек нянчил свою руку.

Олджи Лоуренс приподнял бровь:

– Это тогда вы получили ожог, мистер Остин?

Помреж сжал губы и промолчал.

Старший инспектор перелистал блокнот и обратился к девушке:

– Мы не должны задерживать вас. Вероятно, позже я попрошу вас подписать показания.

Он встал, показывая, что разговор окончен.

Олджи Лоуренс проводил девушку до двери. Низким голосом она произнесла:

– Надеюсь, я не причинила Джеку слишком много неприятностей?

Лоуренс лениво улыбнулся:

– Вы сказали нам недостаточно, чтобы его можно было повесить. Так что не волнуйтесь. Но...

Она глянула на него через густые ресницы:

– Да?

– Мм... Вы не объяснили, почему так сердиты на Стива за то, что он закрыл театр сегодня вечером.

Ее миндалевидные глаза невинно смотрели на него:

– Хотя в пьесе пять ролей, у нас есть только два дублера. Понимаете, Дуглас боится Майкла, а Пенни – Лесли.

– Итак, Пенни Валентайн, – глубокомысленно произнес Олджи, – теперь будет играть роль Мэрилин.

– Это – ее большой шанс, – согласилась Трудि Энн.

Лоуренс задумался:

– Уверен, все искренне желают мисс Валентайн всяческих успехов. Но если она получает новую роль, кто теперь играет вторую главную?

Губы Трудि Энн раздвинулись в медленной чувственной улыбке. Она шевельнула рукой и провела прохладными пальцами по его щеке:

– Глупый мальчик, – проворковала она, – это большой шанс и для меня.

Олджи Лоуренс закрыл за ней дверь и, повернувшись, увидел помрежа в лапах инквизиции.

Остин даже вспотел. С несчастным видом он заявил:

– Хорошо. Признаю. Мы поссорились. Я потерял голову и схватил Лесли за запястье. Поэтому она... она погасила сигарету о мою руку. – Его пальцы нервно погладили обожженное место. – Я вспылil. Я... ослеп от ярости.

Касл потер подбородок короткими пальцами:

– Таким образом, ваши чувства к мертвой девушке едва ли можно описать как дружеские.

Остин вскинул голову:

– Да, я рассердился на нее, да. Но это не означает, что я убил ее!

– Возможно, и нет. Но почему вы сказали нам, что любили ее?

– Потому что это правда! Просто она не любила меня. Вот из-за чего ссора. Я был дураком... стал слишком настойчивым. – Голос Остина дрогнул. – Она была капризной и жестокой. Но я любил ее...

Он опустил голову. Касл встретил взгляд Лоуренса поверх головы помощника режиссера. Олджи медленно кивнул.

Касл спокойно продолжал:

– Теперь я хотел бы расписать ваши перемещения по минутам – с того момента, как вы зарядили оружие холостыми патронами и до момента трагедии.

Остин чуть задумался:

– После того, как мы с реквизитором закончили с револьвером, я занимался за кулисами. Как у помощника режиссера, у меня много дел. Я пошел к служебному входу, чтобы проверить, не появился ли Майкл Трент. Прибыл как раз вовремя, когда костюмер уводил его гримировать... Я обменялся парой слов с Виктором Фрайерном, – он кратко описал их беседу, – а затем пошел поговорить с Трентом. Я вам об этом рассказывал. Вышел от Майкла и вошел в уборную Лесли. – Он вспыхнул. – Вы знаете, что произошло там.

Касл кивнул:

– Вы исполняли свои обязанности за кулисами. Дали сигнал начинать. Что делали потом?

Остин слабо улыбнулся:

– Надеюсь, вы не считаете, что моя работа на этом закончилась. Я был в углу – там мой пульт за кулисами. Большую часть времени я следил по партитуре...

– Партитуре?

– Текст пьесы, где отмечены все команды, сигналы, свет... Я всегда держу ее под рукой. Никогда не знаешь, когда актер «засохнет» – забудет реплику.

– Как Лесли, – заметил Лоуренс, – в первом акте.

Помреж кивнул:

– Да. Она просто окаменела. Я подсказал ей фразу, но она, казалось, меня просто не слышала. Тренту удалось сгладить этот момент.

Касл сделал нетерпеливый жест:

– Это неважно... Продолжайте, пожалуйста.

Остин потер лоб:

– Как я сказал, я провел время за партитурой, давая сигналы с пульта.

– Вы не отходили от него?

– Я... я отошел очень ненадолго после того, как в третьем акте занавес поднялся.

– О? Почему?

– Ни по какой-то зловещей причине, уверяю вас. – Остин неловко усмехнулся. – Я хотел проверить один спецэффект, который должен был сработать в заключительной сцене. Вы ее не видели, поэтому не стану грузить вас деталями. – Он быстро продолжал. – Я отдал книгу ассистентке режиссера и оставил ее у пульта. Я отсутствовал не больше нескольких минут и вернулся к пульту и Джун до... до того, как...

– До того, как мисс Кристофер умерла. – Касл постучал по ногтю большого пальца кончиком карандаша. – Спасибо, мистер Остин. Я попрошу вас позже подписать заявление. А теперь мне хотелось бы поговорить с реквизитором.

Остин уставился на него:

– Вы подразумеваете, что я могу идти?

– Мы, возможно, вызовем вас позже, – нейтральным тоном заметил Касл.

Помощник режиссера выскочил из комнаты.

– Бегство Антигоны, преследуемой медведем, – прокомментировал Лоуренс. – Скажите, Стив, измученный вид нашего друга Остина – это признак нечистой совести или естественный результат вашего допроса третьей степени?

– Не было никакой третьей степени.

– Но все-таки вы были с ним довольно грубы.

– Я не уверен, что он говорил правду.

Лоуренс кивнул:

– И это интересно!

Касл впился обвиняющим взглядом в реквизитора. Викс волновался и барабанил костлявыми пальцами по столу.

– Сидите спокойно! – рявкнул старший инспектор. – Будьте так добры!

Угрюмый блеск в выцветших глазах собеседника стал ярче. Губы задрожали.

Уже мягче Касл сказал:

– Я хочу, чтобы вы ответили на мои вопросы как можно более четко и кратко. Вы – реквизитор, и ваши показания очень важны.

Викс с подозрением посмотрел на него:

– Вы уже видели мистера Остина – разве он не рассказывал вам все, что вы хотите знать?

– Мы хотели бы подтвердить его показания, если сможем.

Викс энергично закивал:

– Все, что он сказал, правда.

– Вы же еще не знаете, что он нам сказал, – тихо заметил Касл.

Рябое лицо покраснело:

– Вы пытаетесь меня обмануть?

– Скорее похоже, что это вы пытаетесь обмануть себя, – сухо возразил Касл. – Послушайте! Мы знаем, почему вы пытаетесь оправдываться. Мы слышали о вашей вражде с Лесли Кристофер...

– Вражде! – Тревога обострила черты реквизитора. – О чем вы говорите? Пытаетесь сказать, что я положил боевые патроны вместо холостых в тот чертов револьвер? Да я...

– Держите себя в руках!

Олджи Лоуренс нарушил следовавшую тишину.

– Никто не предполагает, что вы вставляли хоть какие-то патроны. Мы знаем, что помощник режиссера сам...

– Да. – Викс облизнул сухие губы. – Да, правильно. Мистер Остин зарядил оружие. Я наблюдал, как он это делал. –

На лице его появилась виноватая улыбка: – Простите, джентльмены. Я не хотел выходить из себя.

Он подтвердил историю Остина в каждой мелочи. Он принес помрежу коробку с патронами. Наблюдал, как Остин разрядил револьвер, проверил его работу и перезарядил его шестью холостыми патронами. Он был уверен, что никакой ошибки не произошло:

– Поверьте мне, джентльмены, шеф не делает ошибок.

– Гмм. – Касл почесал нос. – Можете рассказать о своих передвижениях после пяти минут второго?

– Если вы имеете в виду, могу ли я предъявить алиби, – сказал Викс, надувшись, – то ответ: нет. Я не хожу с эскортом. Когда я не был за кулисами, то находился один в рекевизиторской. Но, – его выцветшие глаза блеснули, – я больше не проходил мимо этого чертова револьвера, и вы не найдете никого, кто станет утверждать обратное!

– Где были вы, когда девушку застрелили? – спросил Касл.

– Я не следил за ней, если вы это имеете в виду, – усмехнулся Викс. – У меня был перерыв – я пил чай с Сидом Шортом.

– Швейцаром у служебного входа?

– Да. Ему нравится чаевничать в своей будке.

Касл достал шесть холостых патронов, которые были найдены в пожарном ведре:

– Вы можете их идентифицировать?

– Что вы имеете в виду: идентифицировать?

– Действительно ли это те самые холостые патроны, которые вы дали Остину для зарядания револьвера?

– Откуда мне знать? Вы не можете отличить один чертов патрон от другого! – Викс достал из кармана полупустую коробку и бросил на стол. – Смотрите сами. Вот коробка, откуда сегодня я взял новый патрон.

Касл исследовал патроны в коробке. Они полностью соответствовали найденным в песке.

Старший инспектор что-то недовольно буркнул и предложил:

– Давайте поговорим о револьвере. Револьвер «Уэбли & Скотт» с выгравированными инициалами Г.В. Это действительно ваш, Викс?

Внезапный вопрос заставил реквизитора вздрогнуть. Но ответил он быстро:

– Конечно нет. Мое имя Альберт. Оно не начинается с Г.

– Но оружие принесли вы?

Викс нахмурился:

– Ну и что, если я? Это же не преступление, не так ли?

Касл держался спокойно:

– Может и преступление. Оружие без лицензии со спилленным номером. Вы не против объяснить нам, как оно оказалось в вашем распоряжении?

– Я... я... – Выцветшие глаза потухли. – Я выдал им бу-тафорское оружие для репетиций. Им оно не понравилось. Сказали, что похоже на игрушку. Режиссер... Автор... – Внезапно он остановился, глаза загорелись, и Викс быстро сказал: – Автор – это он. Он спросил меня, есть ли у меня настоящее оружие. Когда я сказал, что нет, он выдал это. Револьвер «Уэбли & Скотт» калибра 32. С инициалами Г.В. на ручке.

– Ну, хорошо. – Олджи Лоуренс стал раскачиваться с носков на пятки. Затем он повернулся и уставился на афишу на стене позади него.

– «Последний трофей», – прочитал он. – Герберт Виндзор. Человек, который придумал эту сцену... сцену убийства.

ГЛАВА 14

После того, как Викс вышел, Лоуренс уставиться на закрытую дверь пустым мечтательным взглядом. Касл прекрасно знал: это был знак, что мозг его молодого друга упорно работает.

Прежде, чем старший инспектор смог сформулировать вопрос, дверь вновь открылась. Появившемуся на пороге человеку Касл бросил:

– Привет, Вимисс. Хотите что-то сообщить?

Детектив-инспектор был как всегда лишен эмоций:

– Мы извлекли пулю из головы медведя. Как и ожидалось, это калибр 25. Я послал ее в лабораторию на экспертизу. – Он сделал паузу и добавил: – Кроме того, мы смоделировали траекторию пули. Это была тонкая работенка, но мы считаем, что справились.

Лоуренс наострил уши:

– Вы подразумеваете, что удалось увидеть фактический путь пули?

– Да, – кивнул Вимисс.

Лоуренс повернулся к своему другу:

– Мне хотелось бы на это взглянуть, Стив.

– Делайте, что хотите, – устало ответил Касл. – Вы нам тут больше не нужны.

– Этого я и боялся, – весело парировал Лоуренс и вышел.

Подходя к сцене, он увидел Майкла Трента. Актер направлялся к актерскому фойе в компании полицейского.

Легкомыслие и самодовольство полностью покинули Трента. Лоуренс взгляделся в измученное лицо и задался вопросом... Горе казалось подлинным. И все же это могло быть игрой.

В конце концов, Трент – превосходный актер.

Выйдя на сцену, Лоуренс с интересом стал рассматривать медведя. Из его пасти тянулась длинная бечевка до самой ложи, которую занимал Мервен.

– Выглядит так, словно ему тянут зуб, правда? – раздался рядом радостный голос.

Лоуренс кивнул молодому человеку, детективу-сержанту, который обычно работал с Вимиссом:

– Привет, Боб. Твоя работа?

Роберт Пенрин был вежливым и доброжелательным молодым человеком, который лишь недавно получил повышение. Ему нравилось говорить о работе:

– Да. Пояснить?

– Если обещаешь не грузить меня наукой.

Пенрин усмехнулся и поманил его пальцем:

– Тогда иди сюда. Братец Медведь заслуживает более близкого осмотра.

Лоуренс повиновался.

– До некоторой степени это животное – музейный экспонат, пережиток прошлого, – начал Пенрин. – Таксидермисты сегодня уже бросили наполнять шкуру опилками и закреплять чучело проволокой. В настоящее время они сначала моделируют тело, а затем натягивают на него шкуру... Мишка демонстрирует сочетание обоих способов. В частности, у него твердый череп. Далее идет внешний слой какого-то прочного вещества, а под ним плотно набитые обрезки кожи.

– Способные остановить пулю двадцать пятого калибра.

– Да. Если подумать, набитая голова не сильно отличается от коробок с тряпьем, которые используют наши баллистики, чтобы поймать пулю в лаборатории.

– Продолжай, – попросил Лоуренс.

– Как ты знаешь, пуля вошла в открытую пасть зверя. Она проникла через небо ниже носа и пошла под небольшим углом вверх. Пробившись сквозь дюймы кожаных обрезков, она, наконец, застряла в прочном внешнем слое, который не дал ей выйти через заднюю часть мишкиной головы.

– И, конечно, под мехом ее не видно.

– Правильно, – кивнул Пенрин. – Фактически пуля исчезла. Ничто не указывало, что она там есть. Если бы тебе не взбрело в голову заглянуть в пасть медведя...

Лоуренс пожал плечами:

– Вы, конечно, исследовали пулю.

– Да. Даже если бы она расплющилась и деформировалась, мы смогли бы утверждать по весу, что это калибр 25. Но пуля почти не пострадала: она прошла через набивку чисто и сохранила метки. Мы сможем сопоставить ее с pistolетом, который ее выпустил.

– Пока я слежу за твоей мыслью, – заметил Лоуренс. – Он показал на бечевку. – Теперь объясни это.

Пенрин заговорил с детским жаром:

– Она отмечает траекторию пули. Мы смогли вычислить точный угол входа и спроектировать линию к началу.

Лоуренс поднял палец:

– Это возможно, только если вы уверены, что сама цель не перемещалась.

Пенрин усмехнулся:

– Уверены? Да Мишка весит тонну. И он надежно прикреплен к возвышению. Чтобы его сдвинуть, потребуется не меньше полудюжины рабочих сцены.

Лоуренс вспомнил страсть режиссера к реализму и его настойчивость в использовании всего «настоящего». На этот раз он почувствовал к нему благодарность за это.

– Тогда удар пули... – начал он.

– Тут же поглотился, – закончил Пенрин. – Сомневаюсь, качнулся ли Мишка хоть на долю дюйма.

Лоуренс кивнул.

– А как вы определили угол входа пули? – поинтересовался он.

– Мы проследили линию входа пули в обратном направлении с помощью одного из наших специальных устройств. Оно посылает назад тонкий луч света.

– Отмечая траекторию пули?

– Да. Пятно от фонарика попало на заднюю стену ложи, которую занимал Мервен. Мы отметили это место на стене, затем протянули оттуда бечевку к отверстию в голове медведя. В качестве последней проверки мы сравнили угол бечевки и угол входа пули и обнаружили, что они равны.

– С академической точки зрения все это очень интересно, – заметил Лоуренс. – Но, – пессимистически добавил он, – вы лишь доказали то, что мы уже знаем. Едва ли это поможет.

Пенрин не расстроился:

– Я положу это в копилку своего личного опыта.

Лоуренс не разделял его оптимизма. Мрачно кивнув на прощание сержанту, он вышел через открытые двери в задней части сцены.

Когда он подошел ко входу в уборные, то развернулся и внимательно посмотрел на сцену. Отсюда он мог видеть обратные стороны раскрашенных панелей, образующих «стену» на сцене, но сам вестибюль оставался невидимым. Но сделав несколько шагов за кулисами в направлении входа на пультовой стороне, он четко увидел ту «стену» вестибюля, на которой был закреплен револьвер.

Слегка хмурясь, он вернулся в коридор с уборными.

Коридор был пуст, но до ушей донеслись голоса. Они не были громкими, но звучали жестко и настойчиво. Голоса

принадлежали Дугласу Дензилу и Пенни Валентайн. Казалось, эти двое ссорились.

Дверь с золотой звездой стояла открытой. Лоуренс подошел поближе. Он был готов бесстыдно подслушивать.

Когда он приблизился, в злом тоне Дензила удалось разобрать слова:

– ...максимально используй это, моя сладкая. Дорогому Майклу недолго осталось играть Регана с тобой в роли Мэрилин.

Ответ Пенни прозвучал неразборчиво, но сердито.

Дензил спокойно продолжал:

– Или Ромео с тобой в роли Джульетты. Скажи мне, сладенькая, он действительно так хорош в постели?

В его голосе явно слышалась ревность. Не давая девушке возможности ответить, он дерзко продолжал:

– Ты увидела бы, что я – лучше!

Ее ответ прозвучал холодно, как кусок льда:

– Ты льстишь себе, Дуглас. Но если ты настолько хорош, как считаешь, неужели я достойна такого совершенства?

– Ты мне вполне подходишь, – прохладно заметил Дензил.

Как позже Пенни сообщила Лоуренсу: «Он смотрел на меня так нагло, словно я – призовая свинья на ярмарке».

– Ты уверен? – Пенни говорила с почти неконтролируемой яростью: – Не обманывайся. Взгляни на сухую статистику. Например, моя фигура неплоха, но едва ли роскошная. Бюст 34, талия 22, бедра 34. Рост пять футов три дюйма. Вес...

– Прекрати, Пенни. Словесный стриптиз тебе не идет.

Пенни в ответ рассмеялась:

– У меня свои недостатки. Тебе придется с ними примириться.

Дензил высокомерно заявил:

– Я могу занять место Майкла – на сцене и вне. И укротить тебя.

– Ты себе льстишь, – повторила Пенни. – Или, возможно... – Она сделала паузу и продолжала: – Возможно, ты пы-

таешься что-то доказать самому себе. Но скорее всего, ты обманываешься, Дуглас. Не думаю, что я действительно тебе нужна. Не думаю, что тебе вообще нужна женщина.

Повисло краткое молчание.

Затем Дензил прошипел:

– Ах ты, маленькая...

Послышалась возня, крик боли и звук пощечины Дензилу.

Затем дверь широко распахнулась, и из нее в коридор выбежала Пенни. Она на мгновение остановилась, увидев Лоуренса. Ее прекрасное лицо покраснело. Затем, не говоря ни слова, она пробежала мимо него.

Лоуренс заглянул в уборную и увидел Дензила, потирающего щеку. Хотя следы пальцев Пенни выделялись яркими красными пятнами на белой коже, Дуглас вовсе не выглядел смущенным. Он приветливо улыбнулся:

– Привет, дружище. Вы – помощник Догберри, не так ли?

– В какой-то степени. – Лоуренс с любопытством разглядывал Дензила. Актер выглядел спокойным и собранным, словно уже забыл о своей вспышке, которая привела к недостойной драке с девушкой.

– Полагаю, вы собираетесь сказать мне, что я должен ждать в гардеробной. – Дуглас по-детски улыбнулся. – Я сбежал, когда бобби отводил дражайшего Майкла в палату Торквемады... Ладно, приношу извинения.

– Вы не обязаны. Вы же не заключенный. Но...

– Да?

– Я хотел бы, – осторожно продолжал Лоуренс, – знать, что вы делали в уборной Лесли Кристофер.

– Искал ключи к разгадке этого трусливого преступления! – заявил Дензил неестественно пафосным тоном.

Лоуренс приподнял брови:

– Разве не стоит предоставить это полиции?

Дензил нахально усмехнулся:

– Возможно. Но не вам упрекать меня. Возьмем вас: вы не профессиональный сыщик. Вы – любитель, точно такой же, как и я. Почему вы тратите время, охотясь за убийцами?

Лоуренс прикусил было язык, но затем убежденно возразил:

– Это моя работа ради пользы обществу.

Дензил очень красиво выругался и заявил:

– Детективы-любители похожи на лигу защиты морали и цензурный комитет. Они приписывают себе самые достойные побуждения и утверждают, что работают на благо общества. Но в действительности это назойливые люди, которые любят совать нос в дела других людей.

Лоуренс усмехнулся:

– Возможно, вы правы. Но мой статус сыщика по крайней мере наполовину официален. Ваш нет.

Дензил сделал театральный жест, выражающий согласие:

– Не буду спорить. Если вы настаиваете, то скромно уйду. Но не думайте, что я действую из праздного любопытства. Я заинтересован в этом... э-э... странном деле.

– Как подозреваемый, возможно, – мягко подсказал Лоуренс.

Дензил рассмеялся:

– Что ж, я сам напросился. Но поройтесь в моем прошлом и не найдете оснований для подозрений. Я – один из немногих людей в этом театре, у которых не было никаких причин желать смерти Лесли.

Он говорил уверенным тоном.

Лоуренс пожал плечами:

– Это решать полиции.

– Разве мы не мелочимся? – вкрадчиво спросил Дензил. – У нескольких людей были мотивы, но лишь один человек убил ее. Именно его вы должны арестовать.

Лоуренс уставился на него:

– Вы имеете в виду...

– Майкла Трента.

– Но...

Дензил махнул рукой:

– Он прострелил ей сердце. Это все, что требовалось доказать. Вы должны арестовать его.

Глаза на молодо-старом лице вспыхнули злобой.

– Минуточку, – возразил Лоуренс. – Все не так просто. Трент убил ее, да. Но если мы не сможем доказать, что он знал, что в барабане боевые патроны, никакое жюри присяжных не назовет его убийцей.

– Но...

Настала очередь Лоуренса перебить:

– Ему, конечно, придется присутствовать на дознании. И коронер или присяжные могут предать его суду, выдвинув техническое обвинение. Но это будет лишь формальностью. И я не вижу, почему полиция станет возражать против залога. Нет, опасность Тренту не грозит.

– Понятно. – Глаза Дензила словно потухли. Он потер большим пальцем подбородок, вызвав раздражающий звук в тихой комнате. – А тем временем...

– Вам решать, помогать ли полиции, – вежливо закончил Лоуренс. – Мы возвращаемся в гардеробную?

Дензил неохотно кивнул:

– Похоже, моя короткая карьера детектива уже подошла к концу. О, какая боль! Однако...

Он замолчал и направился к двери. Лоуренс сделал шаг в сторону, позволив ему выйти.

– Вы здесь улики не найдете, – заметил Олджи. – Полиция уже обыскала эту уборную.

Дензил остановился:

– Вы так думаете? – Его губы изогнулись в насмешке. – Полиция не безупречна. И иногда улика слишком очевидна, чтобы ее заметили такие умные люди, как вы.

Он бросил взгляд на фотографию, висящую на стене уборной.

– Мистер Лоуренс!

Голос Пенни Валентайн дрожал, а в глубине ее лазурных глаз виднелась тревога.

Лоуренс дружески улыбнулся ей:

– Да?

Пенни через силу произнесла:

– Я хочу поговорить с вами... о Майкле Тренте.

– Конечно. Ммм... здесь достаточно уединенно?

Они стояли в коридоре около гардеробной. Лоуренс только что вернул Дензила под дружеский надзор констебля, от которого тот сбежал.

– Да, – ответила девушка на вопрос Олджи, а затем, после паузы, добавила: – Довольно трудно передать это словами.

Лоуренс предположил, что она спрашивает себя, насколько много ему удалось подслушать под дверью уборной Лесли. Он сочувственно заметил:

– Если это... имеет отношение к Дензилу, вы не должны волноваться. Я не принимаю всерьез ничего, что он говорит.

Ее губы чуть изогнулись в улыбке:

– Вы знаете, что мы поссорились. Это все очень по-детски и глупо. Я... ударила его.

Лоуренс тактично промолчал.

– Я спросила у констебля разрешения сходить в свою уборную за носовым платком. На обратном пути я увидела Дугласа в комнате Лесли. Казалось, его разозлило мое появление. Он не сказал мне, что там делал. Вместо этого начал насмехаться надо мной. Сказал, что Майкл в серьезной беде...

– Теперь смотрите, – твердо сказал Лоуренс. – Если Дензил считает, что Трент попадет в тюрьму, то или у него очень слабые представления о законе, или же он принимает желаемое за действительное.

Он повторил девушке то, что уже говорил Дензилу. Пенни слушала очень внимательно.

– Значит, Майкл в безопасности? – спросила она как ребенок, ожидающий подтверждения.

– Если мы не обнаружим новых улик.

Руки Пенни сжались в два маленьких кулачка. Она медленно разжала их.

– Не думаю, что найдете, – тихо сказала она.

Лоуренс печально улыбнулся:

– Теперь моя очередь задать вопрос.

– Да?

– Почему вы так волнуетесь из-за Майкла Трента?

Ее улыбка напоминала солнечный луч, пробившийся сквозь облака:

– Потому что я люблю его.

И она ушла. Лоуренс направился назад в актерское фойе с немного жалким выражением на приятном лице. Он забыл о проблеме, которую пытался решить.

Он думал о яркости голубых глаз Пенни и золоте ее светлых волос.

ГЛАВА 15

Возможно, романтические успехи Трента сделали его человеком, которому все завидуют, но Лоуренс, вернувшись в актерское фойе, был рад, что не находится сейчас на месте актера. Незаметно проскользнув в свое кресло, он внимательно изучал красивое лицо допрашиваемого.

Казалось, Майкл Трент на грани срыва. Его щеки стали серыми, и он жадно затягивался сигаретой. Губы дрожали, дым вылетал вместе со словами:

– Ради Бога! Я выложил вам все, что знаю.

Касл глубокомысленно посмотрел на него:

– Вы не очень-то рассказали о своих отношениях с убитой.

Трент устало закрыл глаза:

– Я... у меня не было отношений с ней.

– Нет? – Голос старшего инспектора звучал тихо, почти ласково. – По меньшей мере один свидетель предположил, что мисс Кристофер была вашей любовницей.

Трент уронил руки на колени и поднял голову. На губах заиграла странная, кривая улыбка. Хриплым голосом он сказал:

– Уж конечно, она не была моей любовницей.

– Вы были всего лишь хорошими друзьями, – сардонически констатировал Касл. – Скажите мне, мистер Трент: сколько времени вы ее знали?

– Десять лет, – быстро и машинально ответил Трент. Затем он сжал челюсти, так что на щеках вздулись желваки.

Глаза Касла вспыхнули:

– Спасибо, мистер Трент. Это все. Пока...

Трент поднялся на ноги. Он поднял было руки, но вновь уронил их и вышел.

Касл посмотрел на Вимисса:

– Итак, что вы думаете?

– Я думаю, – осторожно ответил детектив-инспектор, – что мистер Трент знает гораздо больше, чем нам рассказал.

– А что именно он рассказал вам? – поинтересовался Лоуренс.

– То, что ожидалось, не больше и не меньше, – проворчал Касл. – Он не знал, что в револьвере боевые патроны, и чуть не сошел с ума, поняв, что его использовали для убийства девушки. – Старший инспектор махнул рукой в сторону стенографиста. – Когда запись расшифруют, вы сможете сами прочитать заявление Трента. Но суть я передал.

– И что в этом заявлении правда?

– На мой взгляд, немного, – ответил Касл с грубой откровенностью. – А вы, Вимисс, что скажете?

Детектив-инспектор бесстрастно ответил:

– Трент – конечно, самый очевидный подозреваемый. Он нажал на спусковой крючок и был единственным человеком, который наверняка мог сделать, чтобы пуля попала в сердце девушки.

От этих тихих слов Олджи Лоуренса пробила дрожь. Он подумал: «Бедная Пенни», – и спросил себя, вполне ли он искренен.

– Вы удивляете меня, – заметил он. – Я думал, что Тренту арест не грозит.

– Так и есть, – проворчал Касл. – Можете не сомневаться. У нас нет никаких реальных доказательств его вины. Мы не можем даже предложить мотив.

Честность Олджи заставила его заговорить:

– Тут я могу вам помочь. Фрайерн сказал мне, что Майкл и Лесли были хорошими друзьями. Трудн Энн высказалась более откровенно. Давайте в настоящий момент примем ее версию.

– И что?

Лоуренс с несчастным видом сказал:

– У Пенни Валентайн также связь с Майклом Трентом. Думаю, они – любовники.

– Вот как? – Брови Касла взлетели. – Тогда эти две девушки были соперницами – как на сцене, так и вне ее?

– Да. И если Трент предпочел Пенни...

– Мисс Кристофер, возможно, не согласилась отойти в сторону. – Касл выглядел мрачным. – Трент не первый мужчина, который обнаружил, что должен убить любовницу, чтобы обрести свободу.

– Это кажется немного слишком мелодраматичным, чтобы быть убедительным, – холодно заметил Лоуренс.

Касл удивился:

– Черт возьми, Олджи. Вы же сами только что...

Вимисс вежливо вмешался:

– Я думаю, мы должны отнестись ко всему непредвзято. Мы еще не заслушали все показания.

Уголки губ Касла опустились:

– Вы имеете в виду не доказательства, а закулисные сплетни?

– Если речь о сплетнях, – заметил Лоуренс, – я знаю многообещающего свидетеля.

Касл фыркнул:

– Так и поступим. Возможно, я необъективен, но он не из тех людей, которые мне нравятся. – Он шумно вздохнул. – Ладно, давайте его!

Дуглас Дензил изобразил приятную улыбку:

– Буду откровенен с вами, джентльмены. У меня не было никаких особых чувств к Лесли Кристофер. Поэтому, – он говорил с небольшой одышкой, – не могу сказать, что ее смерть беспокоит меня. Но это не означает, что я хочу защищать ее убийцу, – его улыбка стала кошачьей, – даже если он окажется одним из моих коллег.

– Просто расскажите нам, что вы знаете. На этом ваша ответственность заканчивается. – Тон Касла был нейтральным.

– Я готов. Задавайте вопросы!

Старший инспектор начал с перемещений актера с момента, как тот пришел в театр. Дензил не был скрытным, но и не слишком стремился помочь:

– Понимаете, я – бродяга. У актеров есть привычка выходить из своих уборных и слоняться по самым странным местам. Я не исключение.

Касл продолжал настаивать:

– Вы говорите, что провели большую часть времени между получасовым сигналом и первым выходом на сцену в вашей уборной.

– Да. На этот раз я вел себя примерно. Понимаете, я – дублер Трента, а дорогой Майкл в последнее время не очень пунктуален. Он не появился за полчаса, поэтому помреж предупредил меня...

– Остин предупредил вас? Когда?

Дензил неопределенно покрутил ладонью:

– За четверть часа... Он сказал мне, что Трент отсутствует, но, вероятно, появится. Попросил, чтобы я ждал у себя в уборной и был готов быстро переодеться, чтобы играть главную роль. Он сказал, что, если Майкл не появится, он пришлет ко мне ассистентку режиссера. Но, конечно же, – Дензил печально улыбнулся, – Трент появился.

– Таким образом, вы играли свою обычную роль, – констатировал Касл. – А теперь, сэр, подробно опишите свои перемещения во время первого и второго действий.

– О, инспектор! – Дензил усмехнулся. – Вы требуете слишком многого. Как я уже сказал вам, я – бродяга.

Касл вздохнул. Тщательный опрос плюс изучение партитуры и расписания выходов позволили ему точно определить время появления Дензила на сцене, но актер не

стремился помочь, когда речь шла о его передвижениях за кулисами.

Когда Лесли умерла, он был в коридоре перед уборными, разговаривая с Пенни Валентайн. Услышав новость, они поспешно прошли на сцену. Труды Энн присоединилась к ним чуть позже. И к тому времени собралась целая толпа.

Касл вздохнул:

– Здесь нет ничего, чего бы я не знал раньше. Ничего ценного. Ничего, прямо связанного с преступлением.

Дензил осторожно заметил:

– Не хочу вмешиваться. Но я мог бы помочь вам.

– Я слушаю.

– Не хочу прослыть ябедой, – блеск в глазах Дензила выдавал его, – но предлагаю вам попросить Майкла Трента рассказать, что произошло в его уборной во время второго антракта.

Касл пролистал блокнот:

– Второй антракт – это перерыв между вторым и третьим действиями?

– Да. Не хочу, чтобы вы считали, будто я подслушивал...

– Конечно, – сухо сказал Касл.

Другой человек, возможно, вспыхнул бы. Дензил просто усмехнулся:

– Я прогуливался вдоль коридора. Увидел, как Лесли вошла в комнату Майкла. Она оставила дверь открытой. Затем сказала громким, сдавленным голосом: «Ты об этом пожалеешь. Обещаю!» И вышла.

Старший инспектор нахмурился.

– И что?

– Думаю, она чему-то помешала. Вслед за ней вышла Пенни Валентайн, позвала Бена Котола, костюмера Майкла (он стоял рядом) и скрылась в собственной уборной. Никто из них не излучал особой радости.

– А потом?

– Я ушел.

– И это все, что вы можете мне сказать?

– Разве этого недостаточно? – Дензил ответил вопросом на вопрос.

Касл сознательно изобразил тупость:

– Нет. Скажите яснее.

– Хорошо. – Дензил явно начал сердиться, и маска лужбыности сползла с его лица – сейчас оно было просто злым: – Я скажу вам. Трент чертовски привлекателен для женщин. Когда он хочет женщину, он просто берет ее. И бросает, когда она надоест. Но Лесли такого не потерпела бы – она слишком собственница. Она... – Внезапно он остановился, расслабился и вновь по-детски улыбнулся: – Нет. Больше ничего не скажу. Делайте выводы сами.

После того, как Дензил ушел, Вимисс спокойно заметил:

– Погибшая возможно обнаружила связь между мистером Трентом и мисс Валентайн. Но дает ли это Тренту мотив, чтобы убить ее?

– Думаю, да. – Касл потер подбородок. – Лесли Кристофер могла испортить ему жизнь.

Детектив-инспектор задумался. Он повторил:

– «Ты об этом пожалеешь. Обещаю!» – Достаточно ли это сильная угроза, чтобы ответить убийством?

– Возможно, – упрямылся Касл. – Если у Трента совесть нечиста, если он понимал, что Лесли знала некую тайну из его прошлого...

– Вы просто гадаете? – вступил Лоуренс.

– Разве? – проворчал Касл. – Вы слышали, Трент сказал нам, что знал эту женщину в течение десяти лет. Ляпнул, не подумав. Затем он выглядел человеком, который сболтнул лишнего.

– Вы имеете в виду...

– Я имею в виду, – спокойно сказал Касл, – мы знаем, что произошло семь лет назад. Ричард Мервен ограбил банк. Его предала Лесли Барр, то есть Лесли Кристофер. Она взяла награбленное и сбежала. С сообщником. С... Майклом Трентом?

Бен Котол упрямо твердил:

– Вы не можете заставить меня оговаривать мистера Трента. Он – лучший патрон, которого можно только пожелать... да и друг.

– Вы с ним работаете долго?

– Пять лет или больше. – На высохшем лице костюмера явно читалась гордость. – Он дал мне работу, когда никто больше не хотел даже смотреть на меня. Тогда он был еще неизвестен. Теперь он – звезда.

– Расскажите мне о мисс Кристофер, – попросил Касл.

Котол нахмурился:

– Она была ему не нужна. Но он не мог бросить ее.

– Или избавиться от нее?

Рот Бена захлопнулся. Он не ответил.

Касл поменял тактику:

– Давайте рассмотрим ваши собственные перемещения с момента, как вы пришли в театр в тот день.

Котол был откровенен, но сообщил мало. Он оказался за кулисами приблизительно за час до начала работы. Прошел в уборную Трента, чтобы подготовить ее к приходу патрона. Разложил грим на туалетном столике, достал из платяного шкафа костюм Трента для первого акта. После того, как он добросовестно проделал все, включая каждую мелочь, оставалось лишь ждать прихода патрона.

– Мистер Трент опоздал?

– Да. Он был... нездоров.

– Вы подразумеваете, что он пил?

– Что, если так? – спросил Бен, воинственно выставляя подбородок. – Многие делают вещи и похуже.

Он взял на себя заботу о патроне, как только Трент прошел через служебный вход. И с этого момента следовал за ним как тень. Или...

– Как преданная собака, – заметил старший инспектор, как только дверь позади старого Бена закрылась. – А еще говорят, что никакой человек не может быть героем для своего камердинера. Очевидно это не относится к его костюмеру.

– В случае Котола, нет, – улыбнулся Вимисс. – Но думаю, мы обнаружим, что костюмерша мисс Кристофер имеет более объективное представление о своей патронессе.

Мэгги Бойд прямо заявила:

– Нет, мне не нравилась мисс Кристофер. Мало кому из женщин она нравилась.

– А мужчинам? – поинтересовался Касл.

Яркие глаза-бусинки Мэгги цинично вспыхнули:

– Они к ней тянулись, а она их использовала.

– И?

– Они ничего для нее не значили. Она не любила никого, кроме себя.

– А Майкла Трента?

Мэгги передернула мясистыми плечами:

– Возможно. Между ними была какая-то связь – я никогда не могла понять в точности. Но она всегда обращалась к нему, когда что-то ее беспокоило. Как и в тот день.

– Расскажите о том дне, – попросил Касл.

Мэгги скрестила руки на груди:

– Я не сплетница. Но сейчас мисс Кристофер не поможет, если я сохраню ее тайны... Что-то произошло во время первого акта. Мисс Лесли вернулась в уборную бледная, как привидение, и вся дрожала. Она не сказала, что ее расстроило. Но пробормотала что-то о мужчине в одной из лож.

Касл мрачно перелистал бумаги. Он уже знал, что появление Ричарда Мервена стало для Лесли шоком. Новость явно устарела.

Мэгги продолжала:

– Я пошла за кулисы вместе с мисс Лесли. Мистер Трент был там со своим костюмером, ожидая выхода на сцену.

– Во втором акте?

– Да. Мисс Валентайн и мистер Дензил уже были на сцене.

– Помню, – проворчал Касл. – Продолжайте.

– Как я говорю, мы четверо ждали за кулисами. Мисс Лесли обратилась к мистеру Тренту и сказала, что должна с ним поговорить. Это походило на крик о помощи.

– О? – Старший инспектор заинтересовался. – И как отреагировал Трент?

Мэгги неодобрительно скривила губы:

– Он попытался отговорить ее – сослался, что там находились мы с Беном. Сказал какую-то глупость на французском. Что-то, дескать, «не при детях». Но он не смог успокоить мисс Лесли. Она сказала: «Майкл, ты не понимаешь! Он там... смотрит... ждет...»

Из горла Мэгги словно слышался умоляющий голос Лесли.

Кто-то резко двинулся.

– А мистер Трент... он понял? – тихо спросил Касл.

Мэгги Бойд нахмурилась:

– Он не ответил. Но я думаю, он знал, что имела в виду мисс Лесли.

– Ну что, джентльмены, мое предположение оказалось диким? – удовлетворенно проворчал Касл.

Мэгги Бойд ушла. Следователи были одни.

– Я не уверен... – с сомнением начал Вимисс.

– Лесли Кристофер, – перебил Касл, – явно имела в виду Ричарда Мервена. Таким образом, Трент, должно быть, знал о нем все: и про грабеж также. Думаю, очень вероятно, что Трент был тем мужчиной, который помог девушке избавиться от Мервена, ударив его в ее квартире.

– Это все – догадки, – слабо возразил Вимисс. – Но если вы правы, – он вытянул руку вперед, – тогда у Трента был мотив для убийства.

Касл кивнул:

– Сходя с ума от страха и ревности, Лесли могла его выдать. В момент отчаяния или паники она могла прийти к нам. Трент должен был заткнуть ей рот.

Вимисс кашлянул:

– Это – всего лишь теория, – напомнил он своему начальнику. – Мы не можем это доказать. – Конечно, – добавил он, – мы все-таки должны расспросить мисс Валентайн. Она может нам помочь.

Стивен Касл скептически улыбнулся:

– Может. Но не думаю, что станет. Если она любит Майкла Трента, то не станет затягивать веревку у него на шее.

Как и боялся старший инспектор, разговор оказался бесполезным, хотя Пенни Валентайн совершенно откровенно ответила на все его вопросы о своих перемещениях. Она согласилась, что у нее была пара возможностей манипулировать патронами, но спокойно, без признаков возмущения, гнева или страха, отрицала, что так сделала.

Касл попытался расспросить ее о Майкле Тренте, но тут уперся в стену. Когда он начал делать неуклюжие намеки на ее отношения с актером, глаза девушки вспыхнули, но она не дала прямого ответа.

Касл начал нервничать:

– Послушайте, леди, вы вообще не помогаете мне, – горько заявил он.

Ответ Пенни прозвучал совершенно спокойно:

– Я не обязана отвечать на ваши вопросы. Вы это знаете не хуже меня.

– Если вы не отвечаете, – кипятился Касл, – то не можете обвинить нас в том, что мы станем вас подозревать.

– Делайте, что хотите. Я люблю Майкла Трента. Не буду этого отрицать. Что касается остального, – внезапно на щеках у нее появились ямочки, – вам придется включить собственное воображение.

– Очень хорошо, – решительно сказал Касл. – Можете вернуться в гардеробную. Позже я попрошу вас подписать заявление. И возможно, скоро захочу поговорить с вами снова.

Пенни ушла, бросив быструю улыбку Лоуренсу.

Молодой человек спокойно произнес:

– Оставьте Пенни мне, Стив. Думаю, я завоевал ее доверие.

Касл уставился в пол:

– Конечно, а я – всего лишь неуклюжий полицейский. Вы это хотите сказать?

– Нет, – усмехнулся Лоуренс. – Но я могу свободно ходить среди этих людей, не скованный ни правилами, ни нормами. Могу подружиться с ними, завоевать их доверие. А вы не можете.

Касл почесал переносицу:

– Эта девица Валентайн может заговорить с вами, – признал он. – Если она это сделает, – он пошевелил ладонью, –

спросите ее, что произошло в уборной Трента во время антракта после второго акта.

Лоуренс кивнул.

Вимисс откашлялся:

– Трент может быть нашим подозреваемым номер один. Но мы не должны упускать из виду остальных.

– Вы правы, – прорычал Касл. – У каждого человека за кулисами был шанс заменить патроны на боевые. Мы должны будем составить график перемещений всех на время, начиная с сигнала получасовой готовности... – Он не закончил фразу и тяжело вздохнул: – Ладно, давайте приступим!

Впоследствии Стивен Касл вспоминал эти допросы как кошмарный ряд лиц, по большей части невнятных и неразличимых. Некоторые чуть выделялись: Джун Мерритт, простенькая и полненькая, с выражением удивления на потрясенном лице, коридорный Билли, юный и напуганный, но все-таки в радостном возбуждении, и другие. Но, главным образом, они были просто лицами: некими структурами из плоти, имеющими рты, откуда извергались бессмысленные слова.

Усталый старший инспектор зевнул, глядя на скопившуюся грудку заявлений. Все они были старательно восстановлены по стенограммам, прочитаны авторами, а затем подписаны и засвидетельствованы.

Наконец, Лоуренс потянулся и зевнул:

– Воспользуюсь-ка я своим статусом любителя. Пойду домой спать.

Касл взглянул на часы:

– Да, уже поздно. Хочу последовать вашему примеру. Что думаете, Вимисс? Можем ли мы сделать что-то еще сегодня вечером?

Детектив-инспектор покачал головой:

– Не думаю, сэр.

– Тогда...

Кто-то постучал в дверь актерского фойе.

– Войдите... – крикнул Касл. – О, это вы, мистер Фрайерн. Вы выглядите обеспокоенным. Надеюсь, ничего не случилось?

Директор говорил рваными фразами:

– Да... Нет... Простите, джентльмены, если я выгляжу глупо. У меня было тяжелое время. Ваше решение закрыть театр означало, что мы должны были отправить назад владельцев билетов. И еще репортеры...

– О Боже, да, – воскликнул Касл с необычным для него сочувствием. – Я и забыл про них. Надеюсь, они не создали вам проблем.

– Я... я зачитал им заявление, которое вы одобрили. Боюсь, их это не удовлетворило.

– Черти бы их побрал! – проворчал старший инспектор. Он улыбнулся: – Не стоит унывать, сэр. Скоро откроетесь. И эта шумиха пойдет вам только на пользу.

Виктор Фрайерн просто сказал:

– Рост доходов не сможет компенсировать потерю очень дорогого друга.

– Вы правы, конечно, – мрачно согласился Касл и добавил, извиняясь: – Наверное, работа делает меня черствым. Кх-гм! У вас есть сторож?

– Да. Уже пришел.

– Сегодня вечером у него будет компаньон. Я оставлю кого-нибудь, чтобы присмотреть за делами. Вимисс! Вы выделили человека для охраны?

– Да, сэр. Остается Бейли.

– А вы уже закончили работу? – поинтересовался Фрайерн.

– На сегодня всё. Все могут уходить.

Вимисс и Фрайерн вышли.

Касл встал и хлопнул кулаком по пачке заявлений:

– Черт те что! Какое дело!

Лоуренс усмехнулся. Касл с подозрением взглянул на молодого человека. Олджи подошел к книжным полкам. Стив следил за белокурым затылком друга:

– Отойдите от этих чертовых книг! Напрасно тратите время.

– Отнюдь, – возразил Лоуренс. – Никакое дело не полно без хотя бы одного отвлекающего маневра. – Он повернулся, держа в руках тяжелый том. – И он здесь!

Он раскрыл книгу на закладке и положил на стол перед старшим инспектором. Касл устало посмотрел на страницы:

– Что это?

– Подшивка «Журнала джентльмена».

– Та чертова книга, о которой вы долдонили несколько часов назад?

– Прочтите это, Стив, – спокойно попросил Лоуренс.

Поворчав, Касл подчинился. Его взгляд упал наугад на старый шрифт.

...От Ньюгейта до Тайберна он держался с большим самообладанием. Когда надевали петлю, все его тело, казалось, содрогнулось. Когда священник отошел, он обратился к народу: „Добрые люди, я прошу вас помолиться о спасении моей отлетающей души; пусть мой пример научит вас избегать плохих действий, которые я совершал; держитесь хороших людей и живите по слову Божию“.

Касл выглядел озадаченным:

– И что здесь такого интересного?

– Посмотрите на дату: 7 ноября 1783 года.

– И что?

– Это дата и описание последней казни в Тайберне.

Касл прищурился:

– Да, полагаю, вы правы.

– Ага. Я уже проверил. Позвонил знакомому библиотекарю.

– Это уже интересно. Но мы не хотим, чтобы эта Паддингтонская ярмарка проела наши мозги.

Глаза Лоуренса вспыхнули:

– Вы обратили внимание на имя человека, которого повесили?

– А? Что там за имя...

Касл нашел его.

– Но это... – потрясенно произнес он.

– Да, – кивнул Олджи Лоуренс.

ГЛАВА 16

Был час ночи. Снаружи на улице моросил мелкий дождь. Он создавал вокруг каждого фонарного столба световой нимб и превращал тротуары в черные блестящие зеркала.

Колеблющийся лунный свет играл на лицах двуликого Януса, духа-хранителя, царящего над дверным проемом. Ниже этого языческого символа виднелись сейчас не горящие неоновые трубки рекламы «Последнего трофея», пьесы Герберта Виндзора. Еще ниже появилась более темная тень, движущаяся вдоль стены театра, затем она исчезла.

– ...И в результате получаем тридцать одно.

Бейли мрачно посмотрел на своего компаньона – сторожа, который склонился над картами, пересчитал их и записал результат на доске, и недовольно сказал:

– Надоело. Вы не против, если мы закончим игру?

Том Перретт сдвинул трубку в угол рта:

– Нет, не против. Так или иначе, – он поглядел на часы, – время обхода.

Двое мужчин сидели в комнатке ночного сторожа в задней части театра. На конфорке в углу чайник испускал клубы пара.

Перретт поглядел на него и спросил:

– Хотите чашку чая?

– Предпочел бы чего-нибудь покрепче, – ответил Бейли, правда без особой надежды.

Перретт чуть подмигнул:

– Может, я смогу помочь!

Он встал, почесал бедро и направился через комнату. Открыв шкафчик под раковиной, он нащупал и извлек пивную бутылку. Она оказалась пустой. Перретт с сожалением осмотрел ее, пробормотал: «Должно быть, прикончил ее вчера вечером», – и вернул в шкаф.

Затем выпрямился и расправил плечи:

– Может, оно и к лучшему. Пиво вгоняет в сон... а на моей работе предполагается, что надо бодрствовать. – Он поглядел на своего компаньона. – Но не вижу никаких причин, почему мы должны оба не спать. Почему бы вам не покемарить, пока я делаю обход?

– У меня приказ бодрствовать, – с сожалением ответил Бейли.

Том Перретт фыркнул:

– Как хотите. – Он зажал в кулаке тяжелый ручной фонарь и вышел из комнаты.

Бейли вздохнул. Он собрал засаленные карты и, чертыхнувшись, бросил колоду на стол.

Ему было скучно и тоскливо. Рутинная работа, подобная этой, никогда не даст ему возможность перейти в C.I.D. Если бы только существовал способ продемонстрировать свою ценность...

Он задумался. Где-нибудь в театре может находиться ценная улика, которая только и ждет, чтобы ее нашли...

Его одолели сомнения. Возможно, такие его действия начальство не одобрит. Его работа – следить, чтобы ничего не трогали, пока старший инспектор и его команда не вернется, чтобы закончить расследование. Но...

Искушение оказалось слишком велико. Не имея в голове никакого плана, но мечтая значительно продвинуть расследование, что приведет к его мгновенному продвижению, Бейли выбрался из комнаты и пошел вдоль темных коридоров в направлении артистических уборных.

От луча его фонаря по бокам возникали тени. При входе в коридор Бейли остановился и прислушался. Где-то сзади и

выше него что-то перемещалось и поскрипывало. Возможно, старая ткань, потревоженная залетевшим порывом ветра, который проник откуда-то из под крыши театра.

Совершенно невинный звук. Он ничего не означал, разве что театр живет и... ждет.

В коридоре что-то двигалось.

Сердце у Бейли тревожно забилося. Он дико замахал фонарем. Луч метался по черному коридору, как лезвие ножа. Коридор был пуст. Но одна из дверей оказалась чуть открыта: дверь с золотой звездой.

– Кто здесь?

Голос Бейли сорвался. Он откашлялся и снова спросил:

– Кто здесь?

Тишина. Бейли обрадовался, что на нем форма. Он сжал полицейскую дубинку и осторожно двинулся вперед. Не было никаких звуков, кроме его собственных мягких шагов.

Бейли начал успокаиваться. Возможно, это ложная тревога.

Он поравнялся с уборной номер один. Прислонившись к стене, он протянул руку и дубинкой толкнул дверь со звездой. Она полностью распахнулась.

Ничего не произошло.

Бейли направил луч фонаря во внутреннюю черноту. Комната была пуста.

Бейли рассмеялся. Он начал поворачиваться...

И тогда жестокий удар в затылок швырнул его в туннель боли и беспамятства.

Том Перретт вернулся в свою комнатку. Он нахмурился, увидев, что она пуста.

Чайник все еще пыхтел на конфорке. Сторож рассеянно посмотрел на него. Затем подошел и повернул вентиль, перекрывая газ.

Некоторое время он стоял в нерешительности. Затем, казалось, решил действовать.

Он вновь взял тяжелый фонарь и тяжело зашагал из комнаты, хлопнув за собой дверь. Монотонным голосом он принялся звать: «Мистер Бейли! Мистер Бейли!»

Его голос утрашающим эхом отзывался вдоль темных коридоров. Призраки отвечали, словно передразнивая.

Перретт остановился на темной сцене. Беспokoйно повертел фонарь. Ему не очень-то хотелось идти дальше.

– Мистер Бейли! Где вы?

Кто-то застонал.

Сторож сделал глубокий вдох и издал что-то вроде протяжного «А-а-а». Он бросился к коридору с уборными.

Луч фонаря лихорадочно заметался и остановился. Он сосредоточился на человеческом теле на полу.

– Черт!

Бейли лежал лицом вниз, а голова и плечи – на пороге уборной номер один. Перретт прошаркал к нему и практически упал на колени около распростертой фигуры.

Старый Том осторожно протянул руку. Задняя часть головы полицейского была мягкой, теплой и липкой. Перретт уставился на собственные пальцы в свете фонаря. Они были покрыты кровью.

Бейли снова застонал. Перретт осторожно поставил фонарь рядом. Он подсунул руки под плечи полицейского и перевернул его.

Веки Бейли дрогнули. Рот беспомощно задрожал: «А-а-а...»

– Как вы? – спросил Перретт прерывающимся голосом.

Глаза Бейли открылись, но смотрели, не понимая. Затем он вновь застонал, и голова мягко скатилась набок.

Перретт смотрел на восковое лицо, и в глазах его был страх.

– Ради Бога, парень, – прошептал он! Я не хочу, чтобы ты умер...

Лицо полицейского хирурга выглядело усталым и недовольным, но руки работали ловко и нежно.

Стивен Касл с тревогой смотрел на него:

– Итак, доктор? – спросил он наконец.

Полицейский хирург встал:

– У Бейли серьезное сотрясение, но не думаю, что останутся последствия. Ему повезло. Этот удар вполне мог проломить ему череп.

Старший инспектор мрачно кивнул:

– Я рад, что вы смогли ему быстро помочь. К счастью, у сторожа хватило ума немедленно позвонить нам. И он не пытался передвигать раненого.

Он посмотрел вниз на лежащего без сознания человека:

– Как нанесли удар?

Доктор пожал плечами.

– Похоже, традиционным тупым орудием. По ране мало что можно сказать. Кожа порвана и довольно сильно. Таким образом, оружие было, вероятно, тяжелым и металлическим. Выбирайте любое от рукоятки пистолета до куска трубы – ваше предположение будет не хуже моего.

Двое мужчин не были одни в коридоре. В отдалении стоял Перретт, тревожно посматривая на них. А со старшим инспектором прибыла немногочисленная группа помощников.

– Мы послали за машиной скорой помощи, – сказал Касл. – Я... Отлично! Это, должно быть, они.

К настоящему времени театр был залит светом. Подошло двое мужчин в халатах и с носилками. Они осторожно переложили раненого.

Касл молча наблюдал за ними.

Внезапно он встрепенулся:

– Ого! А это что?

Он пристально разглядывал маленький предмет на полу, до этого скрытый телом Бейли.

Полицейский хирург раздраженно заметил:

– Бейли нужно доставить в больницу как можно скорее!

– А? – Касл повернулся к нему. – О, уносите его, ради Бога. Не хочу вас задерживать. Но что вы на это скажете?

Доктор подал знак санитарам, которые двинулись к машине, унося бесчувственного человека. Полицейский врач посмотрел в направлении, куда указывал палец Касла:

– Обычная расческа, – ответил он.

– В необычном месте – под телом раненого, – проворчал Касл. – Чья она? Не Бейли. Не Перретта.

– Откуда вы знаете?

– На ней монограмма. Взгляните на инициалы.

Оставив полицейского хирурга рассматривать находку, Касл сделал несколько шагов вперед и просунул голову в дверь уборной:

– Пенрин! Подите сюда!

Детектив-сержант повиновался. Его начальник указал на расческу:

– Видите? Хочу проверить ее на отпечатки пальцев.

– Есть, сэр. – Роберт Пенрин вызвал двух человек из уборной и дал им инструкции. Затем он вновь повернулся к Каслу: – Сэр, здесь кое-что есть, вы должны посмотреть...

– О, очень хорошо. – В грубоватом тоне старшего инспектора слышалось удовлетворение. Он переступил порог: – Что? Что такое? Я... Вот как!

Его глаза сузились, зубы сжались.

Фотография Майкла Трента больше не висела на старом месте на стене. Поломанная рамка с разбитым стеклом лежала на туалетном столике, а сама фотография оказалась вырвана и брошена на пол.

– Так, так, – задумчиво пробормотал Касл.

Пенрин ответил на невысказанный вопрос:

– Мы проверили фрагменты. Никаких опознаваемых отпечатков – все смазаны. Полагаю, наш человек носил перчатки.

– Ему они в любом случае понадобились бы, чтобы защитить руки. – Касл рассматривал осколки стекла и разбитую рамку. – Но что, черт возьми, он делал?

– Думаю, он искал что-то, что было спрятано за фотографией, – сказал Пенрин.

Касл медленно кивнул:

– Лесли Кристофер могла скрывать в рамке за фотографией какой-нибудь важный документ. Ее убийце, возможно, он понадобился. Но он не мог достать документ, пока мы были здесь...

– Поэтому он вернулся сегодня ночью, – нетерпеливо продолжил Пенрин. – Он хотел войти в театр, взять, что нужно, и уйти незамеченным. Но Бейли, должно быть, услышал его...

– И получил по голове, – мрачно закончил Касл, – прежде, чем смог узнать нападавшего. Наш неизвестный друг – опасный парень.

– Или женщина.

– А? – Касл удивленно покрутил головой. – Полагаю, возможно, что противник Бейли – женщина. Но очень маловероятно.

Пенрин улыбнулся:

– Я пытался оставаться объективным.

– Это правильно, – проворчал Касл. – Но, рискуя тем, что подаю вам плохой пример, готов утверждать, что именно мужчина, который убил Лесли Кристофер, проломил голову Бейли. И, черт побери, я столь же уверен в его имени, как в своем собственном.

– Майкл Трент? – осторожно спросил Пенрин.

Прежде, чем его начальник смог ответить, позади них раздался гневный голос:

– Это – самое дурацкое утверждение, которое я когда-либо слышал!

Через дверной проем прошаркал Том Перретт. Его лицо пылало от гнева:

– Майкл Трент – не убийца. Он – один из самых добрых, самых вежливых, самых щедрых людей на свете. О, я знаю, – он поднял ладонь, – он не святой! Просто дьявол с женщинами и слишком много пьет. Но он не чертов убийца!

Старший инспектор прикусил губу. Он проклинал себя за неосторожные слова, которые подслушал сторож.

– Я никого не обвинял! – резко ответил он. – Незачем бросаться на защиту Трента.

Перретт нахмурился:

– Я понял, что слышал. – Если вы, полицейские, начнете впутывать сюда мистера Трента, то сделаете из себя полных идиотов, и это – правда!

– Достаточно!

Бормоча под нос проклятья, сторож повернулся, чтобы уйти.

– Подождите! – остановил его Касл. – Раз уж вы здесь, то ответьте на несколько вопросов.

– Я уже рассказал вам все, что знаю, – нетерпеливо затараторил Перретт. – Я делал обход, все было в порядке, я не слышал ничего подозрительного. Когда я вернулся в комнату, мистер Бейли уже ушел. Я пошел искать его...

– Да, – кивнул Касл. – Я слышал все это прежде. А теперь вот что! Вы нашли Бейли, лежащего здесь, и его голова и плечи были за порогом?

– Да.

– Вы вообще дотрагивались до него?

Перретт ответил, надувшись:

– Я перевернул его на спину. Он лежал лицом прямо в луже крови.

– Ага! – Касл удовлетворенно выдохнул. – Вы заметили что-нибудь на полу около него?

Перретт глубокомысленно почесал подбородок.

– Его дубинка. Казалось, она выпала у него из руки.

– Не это. Э-э... предмет поменьше?

Старый Том покачал головой:

– Не помню ничего другого. Понимаете, я волновался за мистера Бейли.

– Конечно. – Если Касл и был разочарован, то не выдал своих чувств. – Но если такой объект там был, можете объяснить, почему мы нашли его под телом?

– Я уже говорил вам: я перевернул беднягу на спину. Может, я просто накатил его на этот ваш предмет, чем бы эта чертова штуковина ни была.

– Хорошо, – кивнул старший инспектор. – Именно этого ответа я и ждал.

Перретт с подозрением посмотрел на него:

– Я могу идти?

– Можете.

Сторож пошаркал прочь.

Касл горячо произнес:

– Вот моя теория, чего бы она ни стоила. Бейли бродил по театру, играя в детектива, – готов держать пари. Услышал звук из коридора и решил, что он идет из этой комнаты. Ну, он ошибся. Человек, которого он искал, проскользнул в комнату по соседству. То есть...

– Майкла Трента.

– А! – Глаза Касла блеснули: – Наш человек ждал, пока Бейли не засунет голову в эту комнату, затем вышел из засады и напал на него сзади. Как вам такое?

– Это кажется вполне вероятным, – осторожно согласился Пенрин. – Вы думаете, что фотографию разбили после нападения или до?

– Трудно сказать, – задумчиво нахмурился Касл. – Рамку явно ломали второпях.

– Это правда, сэр. Фактически... – Пенрин сделал паузу, – он оставил часть своей добычи.

– Что!

– Да, сэр. Мне следовало сказать об этом раньше...

– Да уж! – Касл говорил с необычной для него сдержанностью.

– Прошу прощения. – Пенрин достал целлофановый конверт и вручил его начальнику. – Вы говорили о спрятанном документе. Это, кажется, подтверждает вашу теорию. Как видите, сэр, это – клочок бумаги.

– Я не слепой. – Ворчание Касла звучало как мурлыканье. Он изучил содержимое прозрачного конверта. Бумага выглядела явно официальной и, казалось, была оторвана от угла какого-то свидетельства. – Где вы его нашли?

– Застрял в сломанной рамке, – ответил Пенрин. – Наш человек, должно быть, пропустил его в спешке.

Касл жестоко улыбнулся:

– Это была не единственная его ошибка. – Он вновь подошел к двери. – Вы, там! Нашли что-нибудь на этой расческе?

– Да, сэр. – Ответ прибыл быстро. – Есть несколько отпечатков. Довольно сильно смазаны, но их можно идентифицировать.

– Хорошо. – Касл мрачно улыбнулся. – Сфотографируйте их. – Он повернулся к Пенрину, потирая руки. – Мы взяли отпечатки у всех в театре. Не займет много времени идентифицировать те, что на расческе.

Пенрин кашлянул:

– Эта расческа, сэр. Именно этот... гм... предмет вы нашли под телом Бейли?

– Да. Вы слышали мои вопросы Перретту. Он подтвердил мою теорию. Расческа, должно быть, выпала из на-

грудного кармана нашего друга-убийцы. Он, вероятно, наклонился над бесчувственным телом Бейли, чтобы проверить, жив ли он.

– И расческа незаметно выпала. – Пенрин присвистнул. – Господи, сэр! Да такая ошибка способна послать человека на виселицу!

– Надеюсь, так и будет, – мрачно кивнул Касл.

Он забрал расческу у специалиста по отпечаткам:

– Посмотрите на нее, Пенрин. Вы можете идентифицировать ее владельца?

Детектив-сержант изучил монограмму:

– Я знаю только одного подозреваемого с инициалами «М.Т.»

– В самом деле, – тихо согласился Касл.

ГЛАВА 17

Майкл Трент в отчаянии воскликнул:

– Да! Да! Расческа моя. Признаю. Но это всё, будьте вы прокляты!

Его голос затих и перешел в какое-то хныканье.

Старший инспектор Касл с любопытством смотрел на актера. Майкл Трент больше не был учтивым, хладнокровным и красивым мужчиной, который вечером просто излучал со сцены злое очарование сильной личности. Возможно, как цинично сказал себе Касл, Тренту нужна была сочувствующая аудитория. Теперь же, когда он изо всех сил пытался убедить в своей невиновности трех полицейских с каменными лицами, казалось, он просто рассыпался. Даже его обычно четкие черты, казалось, размылись, и вместо ума в глазах читался лишь страх.

– Ради Бога, дайте мне сигарету! – хрипло попросил Трент.

Касл посмотрел на Вимисса и кивнул. Пока детектив-инспектор обслуживал актера, Касл встал и потянулся. Он подошел к окнам и вздохнул. Жалюзи были опущены, по краям пробивался дневной свет.

Касл вернулся к столу и продолжил разговор:

– Это – хороший костюм, мистер Трент. Вы всегда держите в нагрудном кармане сложенный носовой платок?

Трент выдохнул дым из уголка рта.

– Да, – кратко подтвердил он.

– И расческу?

– Иногда. – Лицо Майкла в резком, искусственном свете казалось восковым. Его веки чуть дрогнули. – Почему вы спрашиваете?

Касл был почти нежен:

– На расческе, лежащей рядом с телом Бейли, были найдены смазанные отпечатки пальцев. Они ваши. А расческа, возможно, выпала из чьего-то нагрудного кармана, когда этот некто присел рядом с жертвой.

Повисло краткое молчание. Затем Трент заговорил:

– Расческа моя – не отрицаю. Но ее у меня не было, когда вчера вечером я выходил из театра. – Он смотрел на непроницаемые, безразличные лица полицейских и горько вздохнул: – Это правда. Но какое это имеет значение для вас? Вы нашли козла отпущения. Вот все, что вам нужно.

– Если вы не виновны, – возразил Касл, – вам ничего бояться. Расскажите нам о расческе.

– Я уже говорил вам... О, очень хорошо. – Трент втянул в легкие успокоительный дым, а затем рывками выдохнул его. – Я оставил расческу с монограммой в своей уборной. Не помню где. – Он обхватил ладонями голову: – Не помню, когда видел ее в последний раз. У меня были другие проблемы. Вы не давали мне роздыха.

Касл почесал подбородок:

– Если вы не уносили расческу из своей уборной, тогда это сделал кто-то другой. Кто знал, что у вас есть такая расческа?

– Все за кулисами.

Касл зевнул:

– Возможно, возможно. – Его голос резко изменился. – Где вы были в час ночи?

– Я... я не могу вам сказать.

Касл улыбнулся, но невесело:

– Вас не было дома. Я послал человека к вашей квартире. Ему пришлось ждать до двух часов, прежде чем вы пришли.

Трент вытащил сигарету изо рта и бросил ее через комнату:

– Я не могу сказать вам, где я был, просто потому, что не знаю! Разве не понимаете? Вчера вечером к тому времени, когда вы позволили нам покинуть театр, я был настолько измотан и напуган, что просто не знал, что делать. Мне не хотелось быть в компании друзей, но я понял, что одиночества мне тоже не выдержать. Я вышел из квартиры и отправился пить. Есть места, если их знать... К часу я уже устал от этого. Я бесцельно блуждал по улицам. К двум часам я почувствовал себя опустошенным. Решил, что могу, наконец, заснуть. Пошел домой и... – он улыбнулся: – обнаружил, что меня дожидается детектив. Он был очень вежлив. Привез меня сюда. И это – все, что я знаю.

Касл подождал, пока последнее эхо речи Трента не замерло, затем сделал несколько шагов и медленно раздал каблуком все еще тлеющую на полу сигарету:

– Все мы устали, – заметил он. – Нам нужен перерыв.

Он подошел к окнам и поднял жалюзи. Дневной свет заполнил комнату. От его яркости Трент вынужден был зажмуриться. Он заерзал на стуле.

Касл кивнул Вимиссу и стенографисту, который выключил свет и вышел из комнаты. Старший инспектор устало потер глаза, затем встряхнулся как огромная собака и, пройдя через коридор, вошел в собственный кабинет.

Там его уже ждал Олджи Лоуренс. Он стоял у окна, глядя сверху на набережную, и в его голубых глазах сиял загадочный блеск.

С улыбкой он повернулся навстречу:

– Привет, Стив.

Касл что-то проворчал в ответ. Усевшись за стол на вращающееся кресло, он резко спросил:

– Что вы знаете о прошлой ночи?

– Немного. Я приехал в Ярд, чтобы обсудить это дело. Выяснил, что вы задержали Трента для допроса.

Касл кивнул. Он медленно набивал табак в свою большую вонючую трубку. Закурив, он начал описывать события этой странно беспокойной ночи. Пока он говорил, синий туман обволакивал его сидящую голову.

Когда его друг закончил, Лоуренс спокойно заметил:

– Думаю, Стив, вы совершаете ошибку. Кажется, что против Майкла Трента много улик. Но они лишь косвенные.

Касл мрачно усмехнулся:

– Большинство убийц повешено из-за косвенных улик.

– Это – прекрасный аргумент против высшей меры, – сухо заметил Лоуренс.

Касл сделал нетерпеливый жест. Лоуренс продолжал:

– Косвенные доказательства похожат на указатель со стрелками в противоположных направлениях. Или, другими словами, – он задумался, – на двуликого Януса.

Касл пожал плечами:

– Давайте поконкретнее.

Лоуренс принял вызов:

– Вы считаете, что расческа выпала из нагрудного кармана Трента. Утверждаете, что именно ее положение рядом со сложенным носовым платком в том же самом кармане объясняет смазанность отпечатков пальцев.

– Правильно. Именно так.

Лоуренс криво усмехнулся:

– Но предположим, я говорю, что отпечатки смазаны, потому что другой человек обернул расческу носовым платком, чтобы они сохранились, хотя и смазались?

Касл пожал плечами:

– Вы подразумеваете, что расческа – это подставная улика, сознательно помещенная рядом с Бейли, чтобы обвинить Майкла Трента?

Лоуренс улыбнулся:

– Объяснение не хуже вашего.

– Но черт возьми, Олджи! – Касл рассердился, но чувствовал себя неловко. – Я уверен, что виноват Трент. Смотрите! На Бейли напали вскоре после часа. Сторож забил тревогу почти сразу. Я нашел расческу рядом с телом Бейли. Послал человека в квартиру Трента. Трента не было дома, и он не вернулся вплоть до двух. Рассказал нам нелепую сказку о блужданиях по улицам...

Лоуренс улыбнулся:

– А мне эта история нравится. Достаточно тонкая и достаточно маловероятная, чтобы быть правдой.

Касл заворчал, демонстрируя нетерпение.

Лоуренс продолжил:

– Давайте взглянем на эту проблему под другим углом. Признайте, что нет никакого прямого доказательства относительно личности человека, который напал на Бейли... Теперь, как этот неизвестный вошел в театр?

– Мы не знаем, – согласился старший инспектор. – Не было никаких признаков взлома.

– Тогда давайте предположим, что у злоумышленника был дубликат ключа или отмычка. Кроме того, у него была дубинка. И он покинул театр, имея при себе некий украденный документ. Вы нашли хоть что-то из этих трех предметов у Трента?

– Нет, – признал Касл. – Но это ничего не значит. Он мог спрятать их... или бросить в реку.

– Да, наверное.

Касл нахмурился и сжал кулаки:

– Трент хорошо замечает следы... Я уверен, что он замешан в том ограблении банка семь лет назад. Но доказать не могу.

– Едва ли это сейчас имеет значение.

– Возможно, нет. Но почему он должен быть на свободе, тогда как бедняга Мервен... – Касл замолчал и уныло по-

качал головой. – Мервен даже сейчас не знает, что именно Трент был тем человеком, который обманул его.

– Тогда и не говорите ему, – посоветовал Лоуренс. – Нам не нужно еще одно убийство.

– Такой опасности нет, – возразил Касл. – Мервен потерял свободу. Ему придется ответить на два обвинения: стрельба с намерением вызвать тяжкие телесные повреждения и незаконное владение огнестрельным оружием. Этого достаточно, чтобы надолго отправить его назад в тюрьму.

– Бедняга.

– Я не могу позволить себе волноваться о нем, – заявил Касл почти с вызовом.

Глаза Лоуренса ничего не выражали:

– Мервен может нам помочь.

– Как?

– Есть пара вопросов, которые я хотел бы, чтобы вы ему задали. Подождите, я запишу. – Лоуренс схватил ручку и бумагу со стола Касла и начал быстро писать. – Вот, Стив.

Касл глянул на вопросы:

– Не понимаю, почему...

Лоуренс усмехнулся. Он начал растягивать слова:

– Марионетка сама по себе невинна. Но если проследить за ниточками, привязанными к ее конечностям, то можно найти кукловода.

Прежде, чем Касл смог потребовать объяснений, в дверь кабинета постучали.

– Войдите!

Старший инспектор встал навстречу Виктору Фрайерну. Казалось, директор после смерти Лесли Кристофер значительно постарел. Прямой осанки не было и в помине, а на лице появились горестные морщины. Но голос его звучал все так же спокойно и уверенно:

– Мне только что сообщили о ночных событиях. И, как я понимаю, – внезапно лицо его стало гневным, – как я

понимаю, вы удерживаете участника моей труппы в этом здании.

Старший инспектор шумно вздохнул и спокойно заявил:

– Майкл Трент не заключенный.

– Вы не арестовали его?

– Нет. Но... – Касл сделал короткую паузу, – я был бы не честен с вами, если бы не признал, что он находится под самым серьезным подозрением.

Вспышка гнева прошла. Фрайерн провел рукой по дергающимся губам:

– Просто не могу поверить...

– Возможно, мне следует объяснить, – перебил Касл. Он кратко, но полно обрисовал ситуацию и закончил словами: – Видите? Мистеру Тренту нужно на многое дать ответ.

Виктор Фрайерн неохотно кивнул, но затем упрямо заявил:

– Не хочу выглядеть мелодраматичным, но со всей искренностью утверждаю: я готов поставить жизнь за невиновность Трента.

Биг-Бен пробил одиннадцать раз, когда Олджи Лоуренс вышел из Нью-Скотланд-Ярда.

Задумчивым взглядом голубых глаз он осмотрел набережную. Затем, удивленный и обрадованный, быстро направился к одной из скамеек.

– Пенни! О-о, мисс Валентайн.

Она была одета просто и неброско, и на ее прекрасном лице было очень мало косметики. На ней был берет и плащ с поясом, а в пальцах – простая серая сумочка. Лазурные глаза казались почти слепыми.

Она чуть улыбнулась приближившемуся молодому человеку. Но улыбка тут же исчезла.

Лоуренс с напускным легкомыслием произнес:

– Для актрисы такое отсутствие косметики выглядит почти маскировкой.

Улыбка вернулась:

– Этим утром я не в настроении блистать.

Лицо вновь стало печальным.

Лоуренс сел рядом с ней.

– Вы не должны волноваться, – ласково сказал он.

В ее ответе чувствовалась лишь печаль, но не было упрека:

– Легко сказать. Но... – Она замолчала, а затем с усилием выдавила: – Они арестовали его, да?

– Нет. Они лишь считают, что Майкл может помочь им в расследовании.

Пенни горько улыбнулась:

– Я видела эту фразу в газетах достаточно часто, чтобы понимать ее значение.

Лоуренс достал серебряный портсигар и предложил его девушке. Она взяла сигарету. Олджи поднес зажигалку, расположенную на ребре портсигара.

– Я могу заверить вас, – спокойно сказал он, – что в сложившейся ситуации Майкла невозможно арестовать за убийство.

Казалось, Пенни его не слышит.

– Что-то произошло в театре вчера ночью, – глухо сказала она.

– Да. Но как вы узнали?

– Я... мне сказали. – Голос девушки снизился до шепота.

Лоуренс задумчиво смотрел на ее прекрасное лицо. Она была очень красива.

– Думаю, вам нужен друг, которому вы смогли бы довериться, – ласково сказал он.

Она кивнула. Лоуренс терпеливо ждал.

Пенни отвернулась. Вдруг она заговорила приглушенным тоном:

– Есть кое-что...

– Да?

– Что я должна сделать. – Дыхание ее сбилось. – Видит Бог, как я этого не хочу! Я сидела здесь и смотрела... ждала... пыталась решиться...

Она повернулась к нему. Он увидел в глазах ее слезы.

– Пенни, дорогая...

Она отчаянно воскликнула:

– Не останавливайте меня. Вот... берите... быстро!

Она открыла сумочку и достала сложенную бумагу. Дрожащими пальцами она сунула ее в руку Лоуренса, а затем молча смотрела, как он разворачивает и изучает ее. На листе стояла дата приблизительно пять лет назад. Это было свидетельство о браке между Майклом Трентом и Лесли Барр.

ГЛАВА 18

Лоуренс осторожно заметил:

– Не следует переоценивать важность этой вещи. Старшего инспектора это свидетельство о браке, конечно, заинтересует. Но он не выпишет ордер на арест только на этом основании.

Пенни слабо улыбнулась.

– А теперь, – Лоуренс ободряюще улыбнулся в ответ, – объясните все с самого начала.

Девушка кивнула. Она покачивала в руке чашку с дымящимся кофе.

Молодые люди сидели в вестминстерском кафе. Лоуренс настоял, чтобы они с Пенни ушли со скамьи на набережной, и они нашли уединенный уголок в ресторане, где могли поговорить без помех.

– Это будет нелегко, – вздохнула Пенни, – но лучше я расскажу вам, чем полицейскому. Я...

Она замялась.

– Не торопитесь, – улыбнулся Лоуренс.

Пенни начала снова:

– Майкл... Майкл не говорил мне, что Лесли была его женой. Я знала, что у нее имелась некая власть над ним, но сначала казалось, что это не имеет значения. Она относилась к нему требовательно, а он... вел себя тактично. Он знал, как держаться с ней. И думаю, у нее были причины не демонстрировать на людях свои права на него.

Лоуренс медленно кивнул.

Пенни немного покраснела:

– Мы с Майклом... стали любовниками несколько месяцев назад. Встречались тайно. Он объяснил, что Лесли ничего не должна знать. Не говорил, почему, а я слишком его любила, чтобы требовать объяснений.

– Любили?

– И сейчас люблю. – Румянец Пенни стал гуще. – Майкл для меня – единственный на свете. Если придется его потерять...

– Вы его не теряете, – сказал Лоуренс.

Она поблагодарила его теплой улыбкой:

– Мы пытались держать нашу связь в тайне. Но это было нелегко. Мы жили в малочисленной, очень тесной группе, а наша жизнь вращалась вокруг пьесы. Это – один из недостатков, когда пьеса долго не сходит с афиш: вы узнаете своих коллег слишком хорошо. Дуглас Дензил вскоре обнаружил нашу тайну. Думаю, Труды Энн тоже знала. Мало что проходит мимо нее, благослови Господь ее маленькое сердечко. – Тон Пенни был вполне снисходителен, а в словах не чувствовалось никакого жала. – К счастью, сама Лесли узнала последней. Лишь вчера днем в уборной Майкла...

Пенни вновь замялась, а затем заговорила быстрее:

– Она, конечно, подозревала. Я ей никогда не нравилась. Полагаю, это была профессиональная ревность. Но к концу все стало еще хуже...

Майкл тоже страдал. Она все больше относилась к нему как к собственности. Вновь стала требовать от него... – Пенни замялась, – физической близости. Майкл ненавидел все это, бедняжка.

Лоуренс хранил сочувственное молчание. Девушка продолжала:

– Все становилось хуже и хуже. Пришлось прекратить наши встречи. Лесли превращала жизнь Майкла в ад. И он слишком много пил, бедняжка. – В красивых глазах де-

вушки вспыхнул гнев. – Она разрушала его жизнь. А я вынуждена была наблюдать.

– А что она делала вам? – спросил Лоуренс.

Пенни чуть пожала плечами:

– Для меня у нее был свой кинжал. Она старалась испортить мне выступление в каждом спектакле. Не то, чтобы это имело значение, пока Майкл любил меня. – Ее губы дрожали. – Но я боялась потерять его. Я видела, что Лесли удастся отдалить нас друг от друга. Наконец, я больше не могла этого выдержать. Я пошла к Майклу и сказала ему...

– Да?

– ...что он должен порвать с Лесли... или со мной.

– Вы считаете это разумным? – спросил Лоуренс.

Пенни смахнула слезу:

– Разве вы не понимаете? Ультиматум был моим единственным шансом. Я должна была заставить его действовать, прежде чем станет слишком поздно. До того, как Лесли... – Девушка перевела дух. – Лесли убивала его. И убивала его любовь ко мне.

Она отпила немного кофе. Это, казалось, взбодрило ее. Она продолжала:

– Когда я сказала ему это, он был потрясен. И тогда... я поняла, что он все еще любит меня. Он... он сказал, что скорее умрет, чем будет жить без меня. Поклялся, что порвет с Лесли. С ее согласия или без.

Лоуренс ничего не сказал. Но лицо его стало серьезным. Пенни продолжала:

– Я знаю, что вы думаете. Но это неправда. Он не обратился к убийству.

– Надеюсь, что нет, – и Лоуренс мысленно добавил: «Ради вас».

– Майкл не убийца! – отчаянно заявила Пенни. – Вы должны этому поверить!

– Попробую. Пока ничего не могу добавить. Продолжайте.

Пенни отвела взгляд:

– Я не знала, что Майкл – муж Лесли. Он не сказал мне даже тогда. Но он поклялся, что разорвет власть, которую она над ним имеет. Он собирался сказать ей, что любит только меня. – Она слабо улыбнулась. – Я верила ему. Но, должно быть, он вновь утратил храбрость. Начал пить еще больше, чем когда-либо. Это отразилось на его работе. На прошлой неделе он опоздал на все спектакли. Вчера днем вновь был выпивши. И ему все еще не удалось сказать Лесли правду. Тогда все решилось само собой. Лесли, должно быть, подозревала нас, но никогда не знала наверняка. До тех пор, пока...

Она сделала паузу, а потом решительно закончила:

– До вчерашнего дня. Она вошла в уборную Майкла во время второго антракта. И застала меня в его объятьях.

Лоуренс побормотал:

– И сказала: «Ты об этом пожалеешь. Обещаю!»

– Как вы узнали?

– Не имеет значения, Пенни. Продолжайте.

Девушка тихо произнесла:

– Лицо у Лесли сделалось злым. И... каким-то испуганным, как ни странно. Как будто рухнула ее последняя надежда – выражение отчаянное и мстительное одновременно. – Девушка сжала кулаки. – Она напугала меня.

Лоуренс бодро сказал:

– Ну и ладно. Вы разъяснили несколько моментов. Но это лишь половина истории. Теперь вы должны сказать мне про свидетельстве о браке.

Пенни кивнула. Ее лицо изменилось.

– Это непонятная история, – неуверенно начала она. Утром кое-что произошло, из-за чего я чувствую себя несчастной. Но теперь все кажется довольно глупым... Даже не знаю, смеяться мне или плакать.

Ее губы изогнулись. С явной непоследовательностью она заметила:

– Боюсь, Дуглас – весьма неумелый шантажист.

– Дензил?

– Да. Это он дал мне свидетельство.

– В самом деле? – Глаза Лоуренса ничего не выражали.

Пенни вновь кивнула:

– Я не могу рассказать эту историю никому, кроме вас. Уж конечно, не полиции.

– Разве вы не доверяете полицейским?

– Наверное, доверяю. Но мне они не нравятся.

Лоуренс улыбнулся:

– И никому не нравятся. Особенно с тех пор, как они встали на охрану морали и дорожного движения... Расскажите мне о Дензиле.

Пенни отодвинула чашку и блюдо. Глубоко вздохнув, она повиновалась.

– Он пришел ко мне этим утром...

Пенни Валентайн недружелюбно разглядывала гостя:

– У тебя и вправду толстая кожа? Я думала, что все тебе разъяснила.

Дензил неприятно улыбнулся:

– Так и есть, моя конфетка. Но я не обижаюсь, пока не захочу сам. А что касается удара, – он потер щеку, – я уже простил.

Пенни сухо поблагодарила.

Она была в длинной черной ночной рубашке, на которую накинула черный халат, и в пушистых черных шлепанцах. Дензил дерзко уставился на нее. Она поежилась под его пристальным взглядом:

– Не могу вообразить, зачем ты пришел.

– Впусти, и я расскажу.

Пенни пожала плечами и отошла в сторону. Дуглас прошел в гостиную, пока девушка закрывала дверь квартиры. Она последовала за ним:

– Итак, Дуглас...

– Итак Пенни, – передразнил он, подходя ближе, – знаешь, ты очень красива. И очаровательно благоухаешь цветами.

Это была почти преднамеренная карикатура на его реплику на сцене. В прекрасных глазах Пенни появились веселые искорки, но затем она демонстративно зевнула и отвернулась:

– Ах, прости меня, Дуглас. Но еще довольно рано. А я обычно сплю до полудня.

– У меня есть кое-что, что я хочу тебе показать. Думаю, тебя это заинтересует, – многозначительно заявил он.

Вообще-то это был его обычный тон, но ухо Пенни почувствовало новую интонацию. Внезапно она забеспокоилась.

– Итак, – она села на диван.

Дензил уселся рядом с ней. Неторопливо он достал из внутреннего кармана сложенную бумагу и подал ей.

Пенни озадаченно уставилась на нее:

– Это...

– Свидетельство о браке, – весело пояснил Дензил.

Пенни прочитала имена. Повисло молчание, только громко тикали часы.

Дензил откинулся на подушки.

– Пенни, сладенькая. Ничего не хочешь сказать?

Пенни тщательно сложила бумагу.

– Нет. За исключением того, что она – не твоя собственность. И я не считала тебя вором.

Глаза Дензила вспыхнули, но он спокойно ответил:

– Так и есть. Фактически, мое поведение безупречно. – Насмешка в голосе стала более явной. – Но как патрио-

тично настроенный гражданин, считаю своим долгом вручить эту бумагу полиции.

Пенни глубоко вздохнула. Дензил пристально смотрел на нее и улыбался кошачьей улыбкой. Он тихо продолжил:

– Это не пойдет на пользу Майклу. Ты же знаешь полицейских. Они могут решить, что у него был мотив «убрать» жену.

– Не думаю, что тебе следует беспокоиться о Майкле, – возразила Пенни. – Лучше подумай о своем положении. Полиция может начать задавать тебе неприятные вопросы.

– Я могу ответить на все, – парировал Дуглас. – *Если* понадобится. – Он подчеркнул это «если». – Понимаешь, радость моя, я не крал это свидетельство. Просто нашел.

– Где? – словно выдохнула девушка.

– В своем почтовом ящике.

Пенни покачала головой:

– Не понимаю.

– Я тоже, дорогая. Но это так. – Дензил прищурился. – Ты знаешь, у меня есть квартирка в переулке недалеко от театра. Когда я встал этим утром, то нашел это свидетельство в почтовом ящике на двери. Ночью чья-то неизвестная рука его туда опустила. – Его молодо-старое лицо казалось озадаченным. – Не было никакой записки, никакого объяснения. Мне, конечно, стало любопытно, и я решил позвонить Майклу. – Он чуть улыбнулся: – Никакого ответа. Его не было дома.

– Но...

– Терпение, сладенькая. Затем я позвонил в театр. Выяснилось, что я разговариваю с полицейским. Очаровательный парень, но, как ты понимаешь, необщительный. Полиция так осторожна... Я сказал ему, что Майкла нет дома...

– Как ты заботаешься о других! – съехидничала Пенни.

Дензил усмехнулся.

– Так и есть, моя конфетка. Но продолжу: мой полицейский некоторое время мямлил, но в конечном счете сломался. Сказал, что в «Янусе» ночью были какие-то проблемы, и он считает, что мистер Трент сейчас помогает полиции в расследовании... полагаю, фраза звучит именно так?

Пенни сжала кулаки:

– Майкл...

– О, не волнуйся, дорогая. Твой драгоценный пребывает в отменном здравии.

Девушка расслабилась. Дензил продолжал:

– Я позвонил в Ярд. Да, мистер Трент там. Нет, я не могу поговорить с ним. Он... помогает полиции.

Пенни встала:

– Я должна пойти к нему.

– Не так быстро, моя конфетка. – Голос Дензила странно изменился. – У нас есть еще, что обсудить.

– Что именно?

– Не думаю, что полиция арестовала Майкла. Но очевидно, они подозревают его. Как думаешь, что они подумают, когда обнаружат, что он и Лесли были тайно женаты?

– Не знаю, – покачала головой Пенни.

– Тогда я скажу тебе. Полиция знает о тебе и Майкле. И знает, что Лесли была ревнивой собственницей. Полицейские скажут, что Майклу пришлось убить ее, чтобы освободиться.

– Нет!

– Да. – Голос Дензила звучал уверенно. – Ты должна это принять, моя сладенькая. Это свидетельство все меняет. Полиция уже знает, что у Майкла имелись средства и возможность. Теперь они могут доказать, что у него был и мотив для преступления.

Пенни попыталась возразить, но не нашла слов.

Дуглас бросил на нее косой взгляд. Уголки его рта поднялись:

– Но, конечно же, полиции не обязательно знать о браке. Ведь правда?

– Но... Разве ты не собираешься им сказать?

– Ну. Это зависит...

– От чего?

– От тебя, моя конфетка. – Дензил потянулся, как кошка. Очень спокойно он сказал: – Ты можешь убедить меня забыть об этом свидетельстве.

Грудь Пенни под ласковым покровом черного шифона поднялась и опустилась:

– Убедить тебя? Как?

Дензил ей объяснил.

Девушка замолчала, вспоминая. Затем невесело рассмеялась и продолжила свой рассказ Лоуренсу:

– Дуглас сделал мне определенное предложение. Я не очень удивилась, но, конечно же, была шокирована. Иногда Дуглас может быть очень грубым. Вы, вероятно, слышали, что он сказал мне вчера в уборной Лесли. И он смотрел на меня так нагло, словно я была призовой свиньей на ярмарке.

Лоуренс потер щеку:

– Как я понимаю, вы отвергли его предложение.

– Скорее сделку, – уточнила Пенни. – В глазах ее промелькнуло веселье. Затем она вновь стала серьезной: – Да, отвергла. Я слишком сильно люблю Майкла, чтобы обманывать его.

Лоуренс кивнул:

– В любом случае вам не удалось бы сохранить тайну. Даже если бы Дензил был готов хранить молчание об этом браке, то другой наверняка заговорил бы.

– Другой?

– Человек, который послал свидетельство. – Лоуренс глубокомысленно нахмурился. – Какого дьявола он отдал его Дензилу?

Пенни предположила:

– Чтобы утопить Майкла.

– Возможно. Но... – Лоуренс задумался. – Закончите свою историю, Пенни. Как отреагировал Дензил?

– Когда я отказала ему? – Девушка улыбнулась. – Он не выглядел особенно огорченным. Подозреваю, что его это даже успокоило... Он не пытался отнять свидетельство. Сказал, что оставит его у меня, пока я не решу, что с ним делать.

– А вы принесли его мне.

– Мне повезло встретить вас. Я не могла принять решения и пришла сюда просто потому, что хотела быть поближе к Майклу. И все же не осмелилась войти в Ярд. Я могла лишь ждать на набережной, задаваясь вопросом, что делать. – Ее губы задрожали. – Я так боялась... за Майкла.

Лоуренс почувствовал в ее тоне вопрос:

– Но вы отдали свидетельство мне.

Пенни импульсивно протянула руку:

– Я должна была отдать его кому-нибудь. И я верила, что могу доверять вам как другу.

Лоуренс чувствовал, как по нему разливается тепло удовлетворения. Он осторожно сжал ее пальцы:

– Спасибо. – Затем выпустил ее руку и быстро проговорил: – Я должен буду отдать это свидетельство старшему инспектору. Вы это понимали, конечно.

Пенни неохотно кивнула:

– Он должен узнать о браке.

Лоуренс объяснил:

– Важен сам документ. Полагаю, его украли из уборной Лесли вчера ночью.

Он рассказал Пенни о нападении на Бейли в «Янусе». Когда он закончил, девушка взволнованно воскликнула:

– Но, конечно же, это доказывает невиновность Майкла! Он мог взять свидетельство, чтобы уничтожить его. Но он не отдал бы его в руки другого человека.

– И Дензила в последнюю очередь, – согласился Лоуренс. – Это правда. Но Касл может и не согласиться. – Он сделал паузу, а затем спокойно сказал: – Думаю, что вижу способ, как Майклу доказать свою невиновность. Но это будет нелегко. И он должен будет полностью мне довериться.

– Я смогу убедить его сделать это, – просто сказала Пенни.

Лоуренс улыбнулся, но заговорил очень серьезно:

– Пенни...

– Да?

– Должен предупредить вас. Своими слабыми силами я стою за правду... Я не думаю, что Майкл – убийца. Но я и раньше ошибался в таких вещах и могу быть неправ вновь. И если... – он остановился.

Пенни закончила предложение:

– Вы не станете защищать Майкла. Даже ради меня. – Она улыбнулась: – Я это знала, понимаете? Вам не нужно об этом говорить.

ГЛАВА 19

Старший инспектор Касл с мрачным удовлетворением произнес:

– Вот и она, Олджи. Главная улика.

Он ткнул коротким пальцем в свидетельство о браке:

– Видите? Один угол оторван. Знаете, где этот клочок бумаги сейчас? Уже у нас. Мы нашли его в сломанной рамке портрета Трента в уборной погибшей женщины.

Лоуренс потер щеку:

– Таким образом, Лесли хранила свое брачное свидетельство за фотографией мужа. Кому-то это свидетельство понадобилось достаточно срочно, чтобы ворваться ночью в «Янус» и напасть на полицейского. Но почему?

– Спросите Майкла Трента.

Лоуренс всмотрелся в выразительное лицо друга:

– Вы действительно считаете, что это сделал он?

– Да, – слишком поспешно ответил Касл.

Лоуренс улыбнулся:

– Тогда объясните, почему он засунул свидетельство в почтовый ящик Дензила.

Касл выглядел недовольным:

– Откуда я могу знать, что на уме у этого типа? Возможно, он решил сыграть в двойной блеф.

– Вы же сами в это не верите, Стив.

– Возможно и нет. Но я не собираюсь отбрасывать эту теорию, пока вы не предложите что-то получше.

– Хорошо, Стив. Замётано. – Лоуренс обворожительно улыбнулся. – Но рассчитываю на вашу помощь. Вам при-

дется освободить Майкла Трента. Вы же не можете держать его здесь бесконечно. И арестовать не можете – у вас недостаточно доказательств.

Касл ругнулся, облегчая душу. Затем неохотно спросил:

– Что вы предлагаете?

Лоуренс объяснил...

Касл почесал подбородок:

– Не могу сказать, что мне это нравится. Но если вы сможете достичь нужных результатов...

Он резко остановился, поскольку в комнату вернулась Пенни Валентайн.

– Я сделала заявление и подписала его. Могу я идти?

– Конечно. – Старший инспектор был сама вежливость.

– А Майкл... он тоже может уйти?

Касл замялся. Его глаза встретили взгляд Лоуренса. Он пожал плечами и сказал:

– Пожалуйста, подождите секунду.

Он вышел из кабинета и открыл дверь по другую сторону коридора. Полицейские встали. Трент не шевельнулся. Он расплылся на стуле и выглядел бледным и больным. На столе около его локтя стояла наполовину пустая чайная чашка. В блюде валялись окурки.

Касл уперся ладонями в стол.

– Итак, сэр. Вы закончили свое заявление? – вежливо поинтересовался он.

Губы Трента дернулись:

– Спросите своих друзей.

Вимисс осторожно кашлянул:

– Вот оно.

Касл взял из рук детектива-инспектора скрепленные листы и быстро пролистал их:

– Гмм... Больше ничего не хотите добавить о своих отношениях с мисс Кристофер?

Слова Трента застучали как камешки о дно пустого бассейна:

– Я сказал вам все.

Касл нахмурился. Затем пожал плечами:

– Не думаю, что мы должны задерживать вас дольше. Спасибо за помощь.

Он отвернулся.

– Вы имеете в виду, я могу идти? – переспросил Трент.

– Конечно, – бросил через плечо Касл. – Вы не под арестом. – Он вышел из комнаты.

Трент медленно последовал за ним. Когда он увидел в коридоре Пенни, на щеках его появился легкий румянец. Он улыбнулся:

– Привет, дорогая.

– Майкл!

Девушка схватила его за руку. Он ласково похлопал по ее ладони:

– Все в порядке, Пенни. Я иду с тобой.

– И с мистером Лоуренсом, – старший инспектор стоял в дверях кабинета. – Он хочет поговорить с вами.

Трент сжал зубы:

– Разве вы со мной еще не закончили?

– Я не имею никакого отношения к полиции, – дружелюбно сказал Лоуренс. – И могу помочь вам.

– Это правда, Майкл, – нежно сказала Пенни. – Я думаю, что он – наш друг.

Трент улыбнулся, глядя в ее нетерпеливое, покрасневшее лицо:

– Если ты так говоришь, дорогая. – Он кивнул Лоуренсу. – Так мы идем?

– Только один момент, – голос Стивена Касла излучал обманчивую любезность. – Прежде, чем вы уйдете...

– Да?

– Вы могли бы захотеть взглянуть на это.

Он протянул свидетельство о браке. Майкл Трент сделал быстрый шаг вперед и застыл. Когда он прочел имена, кулаки его сжались.

Его пристальный взгляд переключился на лицо старшего инспектора. Казалось, он задавал безмолвный вопрос.

Касл ответил:

– Пока это все. До свидания, мистер Трент. Мы можем вызвать вас позже.

– Вот, значит, как Касл получил это свидетельство, – глубокомысленно констатировал Майкл Трент.

– Да. – В глазах Пенни была тревога. – Но ты же понимаешь, дорогой, что я... я...

– Не могла хранить это в тайне? Конечно. – Майкл сжал ее руку. – А что касается Дензила... – Его лицо помрачнело. – Ей-Богу, я заставлю его пожалеть!

Олджи Лоуренс лениво усмехнулся:

– Вы можете вынуть ему спинной хребет из затылка, но... – он прикрыл веки, – это не решит ни одной из ваших проблем.

Майкл и Пенни придвинулись друг к другу.

Все находились в квартире актера. Лоуренс откинулся в мягком кресле, явно засыпая. Он вяло продолжил:

– Касл арестует вас, если сможет. Он все еще убежден, что вы убили свою жену.

Трент что-то протестующе пробормотал.

Лоуренс пожал плечами:

– Вы не можете его винить. Вы могли предполагать, что полиция так или иначе узнает о вашем браке. Следовало признаться сразу.

– Это им не помогло бы.

– Это не вам решать, – заметил Лоуренс.

Пенни пристально посмотрела на молодого светловолосого человека:

– Почему полиция считает Майкла убийцей?

– Есть один неприятный фактор, – ответил Лоуренс. Он обращался непосредственно к Майклу Тренту. – Вы просите нас поверить, что настоящий убийца поместил боевые патроны в револьвер, чтобы сделать вас своим орудием. Но этот человек не мог быть уверен, что Лесли умрет. Вы могли нанести несмертельную рану. Был только один человек, который твердо знал, что пуля попадет ей в сердце. И это тот человек, который нацелил оружие и нажал на спусковой крючок.

Повисла напряженная тишина. Затем Трент через силу сказал:

– Это кошмар. Я могу спорить. Но мне не вырваться.

Пенни протестуяще вскрикнула.

Лоуренс избегал ее взгляда:

– Вам следует знать худшее. Против Майкла сформулировано обвинение, и я сейчас изложу его по пунктам.

Трент молча кивнул.

Лоуренс приступил:

– Начну с самого начала. Вы были нетрезвым, когда вчера днем пришли в театр. Так?

Майкл посмотрел на него:

– Я выпил, конечно. Разве это не очко в мою пользу? Мне нужна была ясная голова, чтобы совершить предумышленное убийство.

– Возможно, вам нужна была пьяная бравата.

– Это чудовищно несправедливо! – воскликнула Пенни.

Лоуренс криво усмехнулся:

– Я не пытаюсь быть справедливым. Я излагаю обвинение для суда... Затем! Вы сказали помощнику режиссера:

«Обещаю, что сегодня зрители увидят убедительное убийство». Так и произошло.

Трент поднес руку к горлу:

– О Боже, но послушайте! Вы считаете, я был бы настолько безумен, чтобы использовать именно эти слова, если бы действительно планировал убить ее?

– Нет, не считаю. Вы были бы дураком, чтобы навлекать ненужное подозрение. Но присяжные воспримут ваши слова буквально.

– Но то, что я сказал... – Майкл беспомощно остановился. – Это было довольно невинно. Мы всегда говорили об убийстве, когда обсуждали ту сцену. Мы просто имели в виду работу на сцене. – Он облизнул губы. – Вы можете заставить любую фразу звучать обвинением, если вырвать ее из контекста.

Лоуренс пожал плечами:

– Вы сделали еще одно неудачное замечание.

Трент тяжело задышал:

– Когда?

Лоуренс ответил не сразу. Он задумался:

– Кто-то послал старшему инспектору два билета на спектакль. Поэтому присутствия Касла в зрительном зале следовало ожидать, но никто не мог знать, что он пригласит сопровождать его именно меня. Таким образом, мое появление за кулисами должно было удивить человека, пославшего билеты.

– И что? – пробормотал Трент.

– Когда я назвал вам свое имя, – спокойно сказал Лоуренс, – вашими первыми словами были: «Вы тоже были в зале?»

Майкл прикусил губу:

– Я не имел в виду ничего важного. Я знал ваше имя и репутацию. Вы уже сказали мне о старшем инспекторе. Затем вы представились. Замечание, которое я сделал, было вполне естественным.

Лоуренс кивнул:

– Я могу принять это объяснение. Но есть еще кое-что...

– Отягчающий фактор. – Руки Трента дернулись в инстинктивном протесте.

– Да. – Лоуренс потер щеку. – Вы направили оружие в сердце Лесли. Это как раз то (хотя можно спорить), что невинный человек никогда бы не сделал. Вы считали, что револьвер заряжен холостыми. Но даже холостой патрон не абсолютно безопасен. В нем много пороха, который может обжечь и нанести рану любому на линии огня. Кроме того, там находится пыж, который, если попадет в цель, также может причинить боль. Вы должны знать золотое правило: никогда не целиться в человека. Даже если бы вы этого не знали, режиссер был обязан предупредить вас об опасности.

Неожиданно Пенни рассмеялась. Трент тоже улыбнулся. Он вновь заговорил старым, беззаботным тоном:

– Вы хорошо изучили этот аспект. Но есть один момент, который вы пропустили. Наш режиссер помешан на реализме. Именно поэтому мы используем настоящее оружие с незаваренным стволом. И именно поэтому он заставил меня направить оружие в сердце Лесли. – Он сделал паузу, затем продолжил: – На первых репетициях я вел себя как любой профессионал. Я целил в сторону от Лесли. Но режиссеру и автору это не понравилось. Они хотели, чтобы сцена была настолько реалистична, насколько возможно. Поэтому мне велели целиться тщательно.

– Вы не возражали?

– Конечно возражал. Я сказал, что это может причинить боль Лесли. Но мы поэкспериментировали и доказали, что ей ничего не угрожает. Вы помните, что я стоял на некотором расстоянии от Лесли, когда... когда...

– Когда выстрелили. Да. Продолжайте.

Майкл взял себя в руки:

– Зернышки пороха никогда не долетали до нее. И пыж не долетал. На таком расстоянии я мог спокойно стрелять холостым, даже целя в сердце.

– Как вчера. Но вы не всегда целились настолько точно. Не так ли?

– Ч-что вы имеете в виду?

– Я имею в виду, – спокойно продолжал Лоуренс, – общеизвестно, как вы небрежны с револьвером. Вы редко утруждали себя точным прицеливанием. В пятницу вечером вы нацелили оружие настолько далеко, что, – Лоуренс, казалось, цитирует, – если бы в барабане был боевой патрон, пуля попала бы в ложу на стороне, противоположной пульту. Другими словами, куда угодно, но не в тело Лесли. Но в субботу днем, в тот единственный раз, когда под бойком находился боевой патрон, вы прицелились так тщательно, что выстрел пришелся в сердце.

Повисла ужасная тишина.

– О, Боже, – простонал Трент. – Он с усилием взял себя в руки. – Послушайте. Я признаю, что небрежно обращался с оружием. Частично это происходило из-за моего пьянства, а частично из-за инстинктивного возврата к золотому правилу, которое вы упомянули. И верно, что вчера днем я целился особо тщательно. Но это не делает меня убийцей! Я лишь подчинился приказу помощника режиссера.

– Я знаю, что Остин велел вам тщательно прицелиться, прежде чем стрелять, – спокойно заметил Лоуренс. – Он повторил нам разговор с вами в уборной.

– Тогда это оправдывает меня.

– Не обязательно. Вы могли быть сознательно небрежны с оружием на предыдущих спектаклях, зная, что помреж, рано или поздно, должен напомнить вам подчиниться указанием режиссера. Затем вы могла поместить в ре-

вольвер боевые патроны. Вам велели тщательно целиться – кто мог бы обвинить вас, если бы Лесли умерла?

– Господь всемогущий! – Трент смотрел на Лоуренса с ужасом в глазах.

Голос Пенни задрожал:

– Вы не можете верить, что Майкл способен... на такую...

– Дьявольскую хитрость? – Лоуренс криво усмехнулся: – Давайте будем откровенны. Я еще не сформировал для себя мнения о Майкле. Но если он невиновен...

– Да?

– Есть только один способ доказать это.

– Как? – Кулаки Трента сжались. – Говорите, или я сойду с ума!

– Майкл! – нежно одернула его Пенни. – Она серьезно посмотрела на Лоуренса: – Продолжайте, пожалуйста.

Лоуренс повернулся к Тренту:

– Единственное, что может спасти вас сейчас, это полная откровенность – до мелочей. Вы попытались скрыть правду о своих отношениях с Лесли Барр и потерпели неудачу. Теперь давайте вытрем доску начисто и начнем сначала. Я хочу знать о ней все.

– Но я уже сказал вам...

– Вы ничего нам не сказали. Но не думайте, что мы не знаем о вас и Лесли... и о Ричарде Мервене.

Трент затаил дыхание:

– Не понимаю.

Лоуренс улыбнулся:

– Думаю, прекрасно понимаете.

Майкл посмотрел на девушку, затем вновь на Лоуренса с немой просьбой. Олджи понял. Он дружелюбно сказал:

– Пенни, дорогая. Вы сказали, что доверяете мне.

– Да, – кивнула она.

– Тогда сделайте то, что я попрошу. Оставьте нас сейчас. И не задавайте вопросов.

Глаза девушки расширились. Она молча встала.

Трент протянул руку, чтобы ее остановить:

– Пенни! Не уходи!

Она наклонилась и слегка поцеловала его:

– Я должна.

– Но...

– Позвони мне, когда закончите. Я буду ждать у телефона. – Она вышла.

– Замечательная девушка, – заметил Лоуренс.

Трент явно был недоволен.

– Почему вы отослали ее?

– Чтобы спасти вашу репутацию. Она ничего не знает о вашем преступном прошлом.

– Преступном!

– Вы ограбили банк, – ласково пояснил Лоуренс. – Это же преступление, как мне кажется.

Трент попытался рассмеяться:

– Вы бредите!

Лоуренс упрямо продолжал:

– Вы взяли награбленное и сбежали с Лесли. Мервена оставили расплачиваться.

Трент тяжело задышал. Лоуренс насмешливо следил за ним:

– Надеюсь, вы не станете бушевать. Это будет лишь напрасной тратой времени.

Трент постепенно овладел собой. Он ответил легкомысленным тоном:

– Я не собираюсь что-либо отрицать. Нечего отрицать. Вы не можете доказать свои обвинения.

Олджи спокойно согласился:

– Не могу. К тому же, не хочу. Именно поэтому мы будем с вами сотрудничать.

Трент заколебался:

– Вы должны объясниться.

Лоуренс поудобнее устроился в кресле:

– Я не пытаюсь обвинять вас в грабеже семилетней давности. Я хочу раскрыть вчерашнее убийство.

– Тогда почему?..

– Я вытаскиваю скелеты из шкафа? Что ж. Возможно потому, что важный ключ к тайне может лежать где-нибудь в прошлом Лесли. Или, возможно, потому, что, – Олджи широко усмехнулся, – я по-человечески любознателен. Не люблю необъясненных тайн. Не забывайте: Мервен смог рассказать мне лишь половину истории о грабеже. Я хочу услышать от вас остальное.

– Хотите заманить меня в ловушку? – горько заметил Трент. – Хотите, чтобы я оговорил себя.

– Не будьте ослом, – резко возразил Лоуренс. – Я отослал Пенни. Нет никаких свидетелей. Мы одни.

– Вы имеете в виду...

– Я имею в виду, – продолжал Лоуренс, – вы можете сознаться в любом преступлении, не боясь возмездия. Вас невозможно подвергнуть судебному преследованию. Это будет лишь мое слово против вашего. Вы можете даже вчинить мне иск за клевету.

Трент недоверчиво смотрел на него. Он осторожно произнес:

– Это звучит разумно. Но...

– Нет никаких «но», – отрезал Олджи Лоуренс. – Даю вам слово, я не собираюсь обманывать. Конечно, вы не обязаны мне верить. Можете обыскать квартиру в поисках скрытых микрофонов. Но ничего не найдете.

Трент рассматривал равнодушное лицо молодого человека.

– Я верю вам, – заявил он.

– Спасибо. – Лоуренс потер щеку. – Вы расскажете мне всю историю?

Трент замялся.

– В чем подвох? – прямо спросил он?

Лоуренс ответил совершенно откровенно:

– Я сообщу о нашем разговоре старшему инспектору. То есть, я повторю лишь столько, сколько посчитаю необходимым ему услышать.

Голос Трента был тверд и сердит:

– И вы ожидаете, что я соглашусь на это?

– О да, – кивнул Лоуренс. – Думаю, да. Мы уже знаем большую часть истории. Если расскажете детали, это не облегчит нам доказательство. Кроме того, Касл не хочет арестовывать вас за грабеж. Он хочет обвинить вас в убийстве.

Трент тяжело сглотнул. Дрожащей рукой он зажег сигарету:

– Вы очень откровенны.

– Я буду еще более откровенным. Касл знает мой план. Именно поэтому он освободил вас.

– Что?

Лоуренс рассмеялся:

– Не поймите меня неправильно. Касл убежден, что вы убийца, а я – нет. Касл знает это. Но он также знает, что я буду действовать с ним честно. Я не буду скрывать существенные факты.

– И? – Звук повис в облаке дыма.

– Касл думает, что вы будете стремиться доказать несостоятельность его подозрений. Таким образом, он считает, вы станете чересчур разговорчивым.

– Понятно. – Трент вынул сигарету из рта. – Он считает, что я перехитрю сам себя.

– Да. И так, вероятно, и будет, если вы виновны в убийстве. Вам будет нелегко пройти по границе между правдой и неправдой.

– Теперь ясно. – Голос актера дрожал. – Я пойман в паутину косвенных доказательств. Единственное, что может меня спасти, это полная откровенность. Но если я виновен...

– Вы почти наверняка выдадите себя. – Лоуренс криво усмехнулся. – Таким образом, вы будете дураком, если станете говорить. Ну и как вам?

Трент увидел в глазах собеседника вызов. Он отшвырнул сигарету:

– Я расскажу все, что вы хотите знать.

ГЛАВА 20

– Я не собираюсь оправдываться, – негромко начал Трент. Он сидел, положив руки на колени и уставившись на ладони. – Но вы должны понять ситуацию... Моя профессия – одна из самых жестоких в мире. А кроме того – там жесточайшая конкуренция. В нашей стране сейчас приблизительно десять тысяч актеров и актрис. Лишь меньше половины может рассчитывать заработать на жизнь на сцене, и приблизительно пять месяцев в году мы сидим без работы.

Лоуренс молча кивнул. Трент глубоко вздохнул:

– Да! Такова ситуация сейчас. Семь лет назад было еще хуже. Я недавно уволился с флота. Рассчитывал взять театр штурмом. Но нигде не мог бросить якорь.

– Бросить?..

– Получить театральный ангажемент. Не смог даже получить место статиста... Лесли испытывала те же затруднения. Мы не были любителями. У обоих имелся опыт. Но никто не хотел нас брать.

Да! Но нам же нужно было есть. Поэтому Лесли устроилась на временную работу в этом банке. Им нужны были люди, а Лесли была опытной машинисткой. Опекун отправил ее учиться ради деловой карьеры: он не одобрял ее театральные устремлений. Но сцена была для Лесли самой жизнью: она должна была или играть, или умереть... Она хотела вернуться в театр, как только сможет, а пока...

Он пожал плечами:

– Она, конечно, не рассказала о своей основной профессии, и никто в банке не знал о ее отношениях со мной.

– Разве там было чего стыдиться?

Трент внезапно усмехнулся:

– Почтенные банкиры посчитали бы это неприемлемым. Мы не были женаты тогда, это произошло позже... Кроме того, Лесли была скрытной по природе.

– Итак?

– Мы встречались, когда могли. Занимались любовью, когда встречались... Это все.

– Занимались любовью, – повторил Лоуренс. – Вы действительно любили ее?

Трент нахмурился:

– Не знаю, – признался он, с трудом подбирая слова. – У нас были странные отношения. Трудно описать... Возьмем, например Лесли. Она была холодной рыбой при всей ее кажущейся теплоте и очаровании. Мужчины находили ее привлекательной, но они ничего для нее не значили. Она использовала их, но никогда не любила. И все же...

– Да?

– Если она вообще кого-то любила, то меня. Она могла быть достаточно страстной. И я был ее собственностью – с большой буквой «Л», выжженной на спине. – Трент горько рассмеялся.

Лоуренс сухо заметил:

– Нам сказали, что она была собственницей.

– Да, – мрачно подтвердил Трент. – Я дурачился и с другими девушками. Но стоило Лесли свистнуть, как я прибежал.

Лоуренс приподнял бровь:

– Вы не протестовали?

Трент пожал плечами:

– Меня она вполне устраивала. Тогда я был моложе. И спокойнее. Я всегда шел по пути наименьшего сопротивления. И было у нее одно качество – стальная целеустремленность, – которую я считал непреодолимой. У нее были двигатель и сила, которых мне не хватало. Итак, дюжиной различных способов она сделала себя незаменимой.

Мне казалось, что я ценю независимость, но не мог обойтись без нее.

Лоуренс медленно кивнул:

– Думаю, что понимаю вас. Но вы не объяснили, почему обратились к преступлению.

Трент явно засмущался. С несчастным видом он продолжил:

– Я был дураком. И мне приходилось нелегко. Я не мог найти ангажемент. Начал пить и играть на деньги... Это сделало все еще хуже. Я загнал себя в угол и пошел за помощью к Лесли... Если бы я знал, что было у нее на уме...

Лоуренс сардонически усмехнулся. Трент вспыхнул и мрачно заявил:

– Знаю, что вы думаете. Я не только преступник, но еще и трус. Лесли мертва и не может оправдаться. Я могу заслониться ее могилой... Но, Бог свидетель, я говорю правду. Это ее мозг стоял за преступлением.

– Я склонен вам верить, – кивнул Лоуренс. – Это она была кукловодом. Вы – куклой.

– Да. Ричард Мервен был другой. Бедняга!

– Действительно бедняга.

Трент прикусил губу:

– Я никогда не прощу себе того, что мы ему сделали. И все же тогда я вообще едва о нем думал. Он не был человеком. Просто марионеткой.

Он вновь замолчал, но затем продолжил:

– Лесли завела дружбу с Мервеном. Некий бандит попытался ограбить его на улице: она сказала Мервену, что он заслуживает награды за то, что спас деньги банка. Когда он не получил ее, она сыграла на его естественном негодовании. И, конечно, она заставила его влюбиться в нее.

– Мы знаем, как она заманила его в ловушку, – тихо произнес Лоуренс. – Давайте послушаем ваш вариант истории.

Трент пробормотал:

– Я не принимал большого участия в этом деле. Должно быть, Лесли, планировала его несколько месяцев. Бухгалтер по имени Сперлинг заронил в ней эту мысль – неумышленно, конечно. Он приставал к ней. Она его использовала.

Однажды вечером она привела его в свою квартиру, когда ключ от сейфа был при нем. Она добавила в напиток наркотик. Когда он отключился, она сняла отпечатки с ключей.

– Отпечатки сами по себе бесполезны, – возразил Лоуренс. – Кто сделал дубликаты?

– Я, – признался Трент. – Это было не так уж трудно. И у меня есть любительские навыки слесаря. Мне это не нравилось, – добавил он смущенно, – но я всегда делал то, что просила Лесли.

Лоуренс никак это не прокомментировал, а поинтересовался:

– Были ли проблемы со Сперлингом?

– Нет. Он не знал, что ключи скопированы. Он даже не знал, что его опоили. И Лесли сразу порвала с ним. Он не осмелился возражать.

– Да уж, – согласился Лоуренс. – Банкиры гордятся своей респектабельностью. Директора уволили бы его, если бы слышали о его любовных приключениях.

– Именно. Лесли была сотрудницей банка – она могла причинить ему кучу неприятностей. – Майкл улыбнулся воспоминаниям. – Она могла ласково вести мужчину по цветущей аллее. Затем сделать шаг в сторону и бросить его в терновый куст.

Лоуренс проигнорировал метафору:

– У Лесли теперь был один набор ключей. Тогда она занялась Мервеном ради другого.

Трент кивнул. С несчастным видом он сказал:

– Он верил всему, что она ему говорила. А она лепила его, как глиняного голубка. В то время как я... – С мукой на лице он замолчал: – О Боже, какой стыд! – Он сглотнул

и продолжил: – В утро грабежа я пришел на квартиру Лесли. Мы ждали, пока Мервен не позвонил. Затем... – Он прикусил губу, – Лесли подготовилась к отъезду. Мервен думал, что она уедет с ним. Но когда он прибыл с награбленным, она зазвала его в спальню...

– А вы ждали за дверью с дубинкой, – холодно закончил Лоуренс.

– Да, – машинально согласился Майкл. – Я ударил его сзади. Мы взяли деньги и ушли.

– Оставив Мервена полиции.

Трент вспыхнул:

– Он мог спастись! Никто не знал о том двойном наборе ключей. Полиция не смогла бы доказать, что у Мервена они когда-либо были. Лесли достала их из его кармана, прежде чем мы уехали... Грабеж остался бы нераскрытым делом, если бы Мервен сохранил хладнокровие. Он мог вернуться в банк и выкрутиться. Вместо этого он раскололся.

Трент, казалось, спорил с собственной совестью. Лоуренс подумал, что актер слишком умен, чтобы обманывать себя подобной софистикой. Он сухо сказал:

– Таким образом, Мервену следовало винить лишь себя самого?

Трент вспыхнул и с горечью произнес:

– Не могу претендовать на то, что я не последний негодяй, не так ли? Возможно я должен висеть за то, что сделал с Мервеном.

Лоуренс дружески возразил:

– Технически это не было убийством. Если вы действительно захотите как-то поправить жизнь Мервена, у вас будет возможность помочь ему позже. Тем временем давайте сконцентрируемся на Лесли.

Трент медленно продолжил:

– Я только сейчас понимаю, как мало знал о ней. Она всегда оставалась загадкой.

– Давайте придерживаться фактов, как вы их знаете.

– Осталось немного. – Майкл говорил тихо. – Мы взяли деньги и сразу уехали из Лондона. Лесли должна была исчезнуть на некоторое время. Мы не знали, что именно Мервен скажет полиции: он мог навести ее на наш след. Но мы не слишком волновались. Мервен не мог сам проследить нас, и мы считали, что он будет слишком занят, пытаясь спасти себя.

– Вы думали, он выкрутится?

– Да. Я сказал себе... то есть, я надеялся, что выкрутится. Но, как мы увидели из газет, он сразу сдался.

– Весь его мир рухнул, – тихо сказал Лоуренс.

– Да, я это понял. – Трент помолчал. – Я... мне очень жаль.

Лоуренс никак это не прокомментировал. Он пожал плечами, затем спокойно попросил:

– Расскажите мне о вашем браке.

Трент ответил вполне откровенно:

– Это было не намного больше, чем юридическая формальность. Наши отношения никак не изменились. Не то, чтобы Лесли захотела стать моей женой вместо любовницы. Она была абсолютно аморальна. Но...

– Она действительно была собственницей. А теперь вы были партнерами по преступлению. Возможно, это лишило ее уверенности, – предположил Лоуренс. – Она хотела упрочить связь между вами. Брак дал ей юридические права на вас.

– Наверное так, – согласился Майкл.

– Но почему вы сохраняли брак в тайне?

– Лесли, – ответил Трент, – хотела быть замужем и оставаться свободной. Она стремилась не потерять меня, но, – он цинично усмехнулся, – считала, что в театральных крысиных бегах у нее больше шансов, если будут считать ее не состоящей в браке. Конечно, – признал Майкл, – ситуа-

ция давала и мне определенные преимущества. – Он улыбнулся воспоминаниям.

Он отвечал на вопросы Лоуренса с располагающей откровенностью. Они припрятали награбленное и затаились. Трент нашел временную работу и ухватился на нее. Они внимательно следили за судом над Мервеном. Его молчание удивило их, но успокоило. Когда они поверили, что шумиха утихла, то вернулись к выбранной профессии.

– Мы поставили деньги как ставку в большой азартной игре. И на сей раз нам повезло.

Яркая, но недолгая работа в «небольшом театрике» в провинции закончилась финансовым крахом, но их игра получила хорошие отзывы критиков. Это плюс успешный сезон в репертуарном театре послужило трамплином к ангажементам в Лондоне.

– Мы были все еще далеко от вершины, как вы понимаете. Но мы поднимались по лестнице.

– Вы вновь оказались на публике, – спросил Лоуренс. – Разве вы не волновались по поводу Ричарда Мервена?

Трент кивнул:

– Я – да, – признался он. – Хотя Лесли почти никогда не думала о нем. Он ушел в тень, стал почти нереальным. Словно тюрьма вычеркнула его из ее жизни. Она просто выбросила его из головы.

Лоуренс потер подбородок:

– Вы, конечно, были в полной безопасности. У Мервена не было никаких причин связывать актера Майкла Трента с неизвестным человеком, который ударил его сзади. Но Лесли... – Он недоверчиво покачал головой. – Разве она не приняла мер предосторожности?

Трент беспомощно пожал плечами:

– Успех ее ослепил и сделал нечувствительной к опасности. Она лишь взяла фамилию «Кристофер» и изменила стиль прически. Но помимо этого – ничего. – Он замялся,

а потом добавил: – Так или иначе, она считала, что когда достигла вершины, ничто не может ее сбросить.

– Думаю, что понимаю. – Глаза Лоуренса выглядели пустыми. – Она, возможно, посчитала, что Мервен упустил возможность навредить ей, когда после ареста не стал выдавать ее.

– Да. Но она не предполагала, что он захочет учинить самосуд. – Трент невесело усмехнулся. – Этот страх пришел позже.

– Все-таки пришел?

– Да, несколько недель назад. – Трент тревожно остановился. – Черт побери! Мне гордиться нечем. Я подвел всех, даже Лесли. Она пришла ко мне за помощью. И все, что я мог сделать, это приложиться к бутылке.

Лоуренс был терпелив:

– Она знала, что Мервен вновь нашел ее?

– Да. Она заметила его в театре. И еще раз на улице. Она сказала мне об этом. Он лишь посмотрел на нее и... улыбнулся.

– Что вы сделали?

– Ничего. Что мы могли сделать? Мервен не подходил к Лесли. Он лишь действовал ей на нервы. Этому невозможно было помешать.

– А вы пробовали?

– Я, – горько вздохнул Трент, – нашел убежище в алкоголе. Напряжение сказывалось и на мне. И не забывайте, у меня были и другие проблемы.

– Вы любили Пенни.

– Да. Хотел жениться на ней. Но я не мог избавиться от Лесли. Она никогда не дала бы мне развод – я не осмелился бы и попросить. Наверное, я боялся ее. И все же я боялся и за нее.

– Вы считали, что Мервен станет ей вредить?

– Да. Но у меня и в мыслях не было... – сумасшедший идиот! Вчера днем, казалось, случилось все сразу. Вы слышали, что Лесли оставила сообщение у швейцара при служебном входе?

– Записку, в которой писала, что хочет увидаться с вами? Да.

Трент нахмурился:

– Я так никогда и не узнал, почему она хотела поговорить со мной. Возможно, чтобы просто услышать теплые слова, моральную поддержку, которую я мог ей дать. В течение многих дней у нее было предчувствие опасности. И все же она не хотела сбежать. Пьеса была нашим первым большим успехом, понимаете, и она не могла заставить себя все бросить...

– Вы советовали ей держаться до конца?

– Да. Наверное, она хотела, чтобы я еще раз успокоил ее. Но я был нетрезв и опоздал, и не было времени нам увидаться. Мы обменялись парой слов за кулисами, но...

Он нахмурился.

Лоуренс спросил:

– Вы знали, что Мервен в зале?

– Нет. Узнал только в начале второго акта. Я понял, что что-то поразило Лесли, поскольку в первом акте она пропустила реплику – мне пришлось импровизировать, чтобы выручить ее. Она увидела Мервена в ложе, тогда я этого не знал. Она сказала мне позже за кулисами. Но мы были не одни, и мне пришлось заставить ее замолчать.

– Нам рассказали об этом, – пробормотал Лоуренс.

– Только не Котол, – уверенно возразил Трент. – Старый Бен предан мне. И он – сама скромность.

– Мэгги Бойд, – Лоуренс растягивал слова, – была более общительна.

Трент кивнул:

– Мы не могли говорить перед костюмерами. Именно поэтому Лесли пришла в мою уборную во втором антракте. Но тогда...

– Она застала вас с Пенни.

– Да.

Лоуренс кивнул. Он тихо повторил:

– «Ты об этом пожалеешь. Обещаю!»

Майкл побледнел:

– Именно так она и сказала. Я испугался.

– Испугались того, что она могла сделать?

– Да. Мне. Или, возможно, себе. Когда-то я любил ее, понимаете.

Повисла пауза. Затем Лоуренс спросил:

– Это вы убили ее?

Трент прямо встретил его пристальный взгляд и твердо ответил:

– Клянусь честью, нет!

Лоуренс сонно усмехнулся:

– Я склонен вам верить.

Трент расслабился.

– Тогда это того стоило, – с облегчением заметил он.

– Наш разговор, – осторожно возразил Лоуренс, – нельзя назвать полным успехом. Я не нашел существенной подсказки, на которую рассчитывал, но тем не менее, – бодро закончил он, – я, возможно, просто слишком слеп, чтобы ее увидеть. Однако вы, по крайней мере, сняли несколько небольших вопросов. Ненавижу свободные концы, поэтому все оказалось бесполезно.

– Но...

– Что относительно вас?

– Да. Я доказал свою невиновность?

Лоуренс усмехнулся и прямо заявил:

– Нет. Но вы прошли тест, насколько это касается меня. Я не думаю, что это вы положили в тот револьвер боевые

патроны. И я собираюсь приложить все усилия, чтобы это доказать.

Майкл Трент благодарно поклонился.

Затем, когда Лоуренс поднялся, чтобы уйти, актер нерешительно спросил:

– А... Мервен?

На мгновение равнодушное лицо Лоуренса стало нетипично мрачным. Он резко сказал:

– Ричард Мервен возвращается в тюрьму и останется там надолго.

Трент уставился в пол:

– Я хотел бы помочь ему.

– Это в ваших силах.

– Как?

– Ну, сейчас вы на коне в своей профессии. Вы, должно быть, вполне обеспеченный человек. Или скоро будете.

Лицо Трента прояснилось:

– Да?

– Вы должны тому банку много денег. Но они достаточно богаты и давно списали тот долг. Поэтому...

– Мервену эти деньги нужны больше, – нетерпеливо закончил Трент.

– Да, – согласился Лоуренс и добавил заговорщическим тоном: – Это в высшей степени безнравственное предложение. Но в нем содержится некий элемент высшей справедливости. И меня всегда не слишком заботила буква закона.

Майкл засмеялся. Затем лицо его затуманилось:

– Я не могу дать Мервену деньги, не вызвав его подозрений.

Лоуренс пожал плечами:

– Я позабочусь о деталях.

– Вы проследите, чтобы деньги попали к Мервену?

– Да. Я буду посредником. Вы можете выписать чек на мое имя... но, – предупредил Олджи, – только после того, как дело будет закрыто. Я не хочу, чтобы Стив сел мне на хвост.

Трент снова засмеялся:

– Я заплачу первый взнос в тот день, когда убийца предстает перед судом, – пообещал он и тревожно добавил: – Если только на скамье подсудимых не окажусь сам.

– Не думаю, что окажетесь, – дружески заверил его Лоуренс.

Трент неловко произнес:

– Я был... да и все еще нахожусь в ужасной дыре. Не могу выразить, как я вам благодарен.

– Вы не должны благодарить меня, – ответил Лоуренс. Он подумал о слезах в прекрасных глазах девушки и закончил почти грубо: – Я это делаю не для вас.

ГЛАВА 21

Было мрачное утро понедельника.

Олджи Лоуренс вышел на порог своей квартиры. Он без восторга посмотрел на залитую дождем улицу, затем поднял воротник плаща и натянул шляпу почти до бровей.

Позади и выше зазвенел звонок.

– Чертов телефон!

Лоуренс захлопнул дверь и потопал вверх по лестнице в спальню. Он поднял трубку, и пронзительный звонок прекратился.

– Алло!

– Алло... Мистер Лоуренс?

– Пенни! – В голосе его прозвучала радость.

– Здравствуйте, Олджи. – Девушка перевела дух. – Я не помешала?

– Я на пути в Ярд.

– О! – Она задышала чаще. – Чтобы поговорить со старшим инспектором... о Майкле?

– Д-да. – Лоуренс замялся. Он доложил о разговоре с Трен-том сразу после ухода из его квартиры. Поэтому Олджи держался осторожно: – Я ознакомил инспектора с тем, что рассказал Майкл. Стив не убежден, но я знаю, он будет действовать честно. Если невиновность Майкла может быть доказана, Касл ее докажет.

– Я знаю, что Майкл не убийца, – сказала Пенни. – Но если у вас все еще остались сомнения, может быть, я смогу их рассеять.

– Я слушаю.

– Я подумала, – ее голос стал странно безжизненным, – об одномотягчающем факторе... Вы сказали, что Майкл – единственный человек, который мог быть уверен, что Лесли умрет.

– Да.

– Возможно, это и так. Но вы кое-что упустили. – Голос Пенни в ухе Олджи звучал торжествующе.

– Что?

– Человек, который вложил пули в револьвер, был убийцей нравственно и по закону. Но, возможно, его не волновало, умрет ли Лесли или останется жить!

– Не понимаю, – медленно произнес Лоуренс.

Смех Пенни звучал грустно:

– Поймете, когда узнаете нас получше.

И повесила трубку.

Лоуренс направился вниз по лестнице и на улицу, а в голове его бушевали новые мысли.

Молодой человек обнаружил Касла в его кабинете. Казалось, старший инспектор пребывал в полной депрессии. Он сидел, сгорбившись, за столом над кипой бумаг и мрачно рассматривал их.

Лоуренс легко опустился на стул, который лишь недавно освободил костюмер Майкла Трента:

– Я видел в коридоре Бена Котола. Вы тут его пытали?

– Расспрашивали, – решительно возразил Касл, – да. – Он спрятал лицо в огромном носовом платке и с наслаждением высморкался. Затем угрюмо уставился на собеседника: – Майкл Трент – негодяй. Почему все так стремятся защитить его?

Лоуренс улыбнулся:

– Прекратите рассуждать как полицейский. Вы не можете арестовать его сейчас за грабеж семилетней давности. Поэтому забудьте об этом.

– И о нападении на Бейли тоже забыть?

– Вы же сами не верите, что это Трент ударил Бейли.

Касл продолжал кипятиться:

– Кто-то же ударил. И он не проник в театр как обычный грабитель. Он, должно быть, использовал отмычку или дубликат ключа.

– И что?

– Трент сознался вам, что имеет навыки слесаря-любителя.

– Стив, вы хватаетесь за соломинку!

– Возможно. – Касл взял ручку и начал рассеянно что-то рисовать на промокательной бумаге. – Я думал о признании Трента, сделанном вам... Не говорю, что меня не поразила его откровенность. Но хотя он многое рассказал вам о прошлой жизни, он сказал очень мало о своих перемещениях в субботу днем.

– О, не надо. У вас уже есть эта информация. Вы заставили его объяснить почти каждую минуту.

Касл нахмурился:

– Да, черт побери. И я провел большую часть выходных, проверяя его историю.

– Выискивая противоречия, которых там нет?

– Да, наверное. – Касл с силой воткнул ручку в подушечку для перьев. – Чёрт возьми! Я был уверен, что Трент виновен в убийстве. У него были и мотив, и средства, *но*, – он подчеркнул последнее слово, – у него не было возможности.

В глазах Лоуренса появился блеск:

– Вы установили его алиби.

– Да, – проворчал старший инспектор. – В то время, как вы убеждали его заговорить, я проверял его перемещения. Я хотел обнаружить момент, когда он мог поместить те патроны в револьвер.

Лоуренс попытался вспомнить:

– Вашей отправной точкой было... гм... пять минут третьего в субботу днем.

– Да. Это было, когда Остин и Викс пошли заряжать револьвер холостыми патронами. Тогда Трента не было в театре. Он был в такси.

– Вы проследили водителя?

– Да. Он высадил Трента в начале дорожки и наблюдал, как тот дошел до служебного входа. Увидев, что швейцар подхватил Трента, он уехал. Было два часа десять минут. Виктор Фрайерн это подтверждает. Он встретил Трента около служебного входа, затем передал его Бену Котолу, костюмеру, который помог своему патрону дойти до артистической уборной. Трент оставался там все время до выхода в первом акте.

– Таким образом, он не мог манипулировать оружием до начала спектакля, – прокомментировал Лоуренс.

– Не мог. Я думал, что у Трента могла быть возможность заменить патроны во время самого действия. Двойные двери в «вестибюль», как вы помните, большую часть времени были закрыты. Но...

– Да?

– Я оказался неправ. – Казалось, Касл сердится на себя. – Трент никогда не был в «вестибюле» или рядом без компаньона.

– Это точно?

– Да, будь оно все проклято! Старый Бен был тенью Трента. Он пошел с ним к сцене и наблюдал за ним из кулис. И почти все остальные за кулисами также следили за Трентом. Все знали, что он подшофе.

– Разве он не входил или выходил через двойные двери, закрывающие «вестибюль»?

– Один – нет.

– Где он был во время затемнения в конце каждого акта?

– Во время первого – на сцене с Дугласом Дензилом. Тогда двери были закрыты. У Трента просто не было времени, чтобы незаметно (или даже явно) достигнуть вестибюля и найти оружие, прежде, чем свет вновь загорелся. И один из рабочих сцены в то время фактически стоял около этого «вестибюля». Он клянется, что никто туда не входил, – мрачно закончил старший инспектор.

– А затемнение перед вторым антрактом?

– То есть, после занавеса во втором акте? Трент уже был в уборной с Беном Котолом. – Касл сделал паузу и уныло закончил: – Насколько я смог установить, Трент не прикасался к оружию, пока не отобрал его у Лесли Кристофер в третьем акте. И он, конечно, не заменил патроны на глазах всей аудитории.

– Итак, – констатировал Лоуренс, – Трент вне подозрений.

– Боюсь, что так, – фыркнул Касл. – Я хотел бы верить, что Котол лжет о перемещениях своего патрона, но есть слишком много подтверждений из других источников... Я пытался найти лазейку, не сомневайтесь! Как я уже объяснил, Трент, не мог добраться до оружия, пока был на сцене или за кулисами, и едва ли возможно, что он возвращался к нему, когда был не на сцене, а в уборной с Котолом.

– Да, это маловероятно.

– Невозможно, – согласился Касл. – Слишком много людей заходило без предупреждения в комнату Трента и видел его там. Он не мог выскочить из комнаты незаметно... Кроме того, я расспрашивал Котола с пристрастием, пытал, говоря вашими словами, и не думаю, что он лжет. Он действительно волновался за своего патрона и прилип к нему как репей.

– Тогда Майкл Трент у него в долгу.

– Да, а я нет, – поморщился Касл. – Его показания разрушили мою первоначальную теорию. Черт побери! Дозна-

ние назначено на среду. Я должен представить дело коро-
неру, и у меня чертовски много фактов об убийстве.

– Вы перерыли всю почву.

– И не откопал ничего. – Касл с отвращением нахму-
рился. – Я доказал целый ряд невозможностей. Трент не
мог этого сделать. И Виктор Фрайерн не мог.

– Вы установили и его алиби?

– Да. Я расспросил Остина, Мэгги Бойд, Бена Котола и
Шорта, швейцара при служебном входе. Они согласны, что у
Фрайерна не было никаких возможностей манипулировать
оружием в то время, когда он был за кулисами. Он вернул-
ся в свой кабинет через главный вход прежде, чем начал-
ся спектакль. До самой стрельбы он за кулисами не появ-
лялся – Шорт это подтверждает.

– В ложе у авансцены есть проход с дверью, – заметил
Лоуренс.

– Да. Но его всегда держат закрытым, когда в зале пуб-
лика. И чтобы туда попасть, нужно войти в ложу на верх-
нем ярусе....

– На стороне, противоположной пульту.

– Да. А пара в той ложе утверждает, что никто не про-
ходил через дверь, пока Фрайерн не открыл ее для вас по-
сле убийства.

– Это оправдывает Фрайерна.

– Да. Но едва ли помогает мне. Мне нужна новая линия
расследования.

– Я мог бы предложить ее, когда мы устраним некото-
рые осложнения. Но...

Олджи сделал паузу и задумался.

Касл с надеждой смотрел на своего друга. Он поднял
пачку бумаг и показал ее через стол:

– Хотите изучить отчеты?

Лоуренс выбрал бумагу наугад. Это оказался отчет о
вскрытии трупа с подробным описанием физических ха-

рактеристик мертвой женщины и природы раны, которая убила ее. Но там не было ничего, чего он уже не знал.

Следующий отчет касался отпечатков пальцев. Тоже бесполезный.

Касл заметил:

– Револьвер брало слишком много людей, чтобы сохранились четкие отпечатки. Самые лучшие – Остина и Трента, что и следовало ожидать, и мы нашли пару отпечатков Лесли Кристофер. Но остальные слишком ужасно смазались, чтобы их можно было идентифицировать. Ни на боевых, ни на холостых патронах хороших отпечатков не обнаружено.

Лоуренс отложил отчет:

– Полагаю, что не было ни одного отпечатка и на карточке, посланной Лесли?

– «Встретимся на Паддингтонской ярмарке»? Только убитой и Виктора Фрайерна. Как и ожидалось. – Касл шумно вздохнул. – Мы не можем вывести много из этих записок, Олджи. Обе карточки с «Паддингтонской ярмаркой» вырезаны из полоски тонкого картона, который проследить невозможно. А сами сообщения оттиснуты резиновыми штампами. Знаете, есть такие детские наборы из букв, которые можно вставлять в блоки? Их можно купить в любом магазине игрушек.

Лоуренс кивнул:

– А билеты...

– Которые послали нам с приглашением? Мы не можем проследить покупателя. Они были куплены в одном из самых оживленных агентств в Уэст-энде – его сотрудники продают сотни билетов ежедневно. Никто не может вспомнить мужчину или женщину, купивших эти конкретные билеты.

Лоуренс взял отчет баллистика. Он подтвердил то, что они уже знали. Пуля в сердце Лесли была выпущена из

револьвера «Уэбли & Скотт» калибра 32; пуля в голове медведя и пуля в стене ложи выпущены из «Кольта» калибра 25: обе эти пули соответствовали гильзам, найденным на полу ложи, которую занимал Мервен.

Лоуренс отодвинул отчеты:

– Они ничего мне не говорят.

Касл нарисовал на промокашке какую-то карикатуру:

– Я собираюсь заняться новой линией. Она не строго связана с убийством, но я не могу ее игнорировать.

Лоуренс вопросительно посмотрел на него.

– Альберт Викс, – пробормотал Касл. – реквизитор. Он сказал нам, что получил тот проклятый револьвер «Уэбли & Скотт» от автора пьесы, человека по имени Герберт Виндзор. У меня есть адрес этого парня. Думаю, мы должны его навестить. На этот чертов револьвер не имеется лицензии. Виндзору придется нам кое-что объяснить.

Лоуренс равнодушно кивнул.

Внезапно он спросил:

– Вы разговаривали с Ричардом Мервеном?

– Да. – Касл обхватил пальцами подбородок. – Теперь он знает, что его месть не удалась. Эта новость просто убила его... Он потерял свободу ни за что. Бедняга!

Глаза Лоуренса стали сонными.

– Я дал вам два вопроса, – пробормотал он.

– Я задал Мервену оба. – Старший инспектор выглядел озадаченным. – Ответ на первый вопрос встревожил меня. Но я не понимаю цели второго.

Лоуренс улыбнулся:

– «Где, – процитировал он, – вы заказали ложу на день субботы?»

– Ответ, – проворчал Касл: – «Я заказал ложу и заплатил за нее в театральной кассе в фойе театра "Янус"».

– Когда?

– За несколько дней до спектакля.

– Гм... – Туманное выражение в глазах Лоуренса усилилось. – А теперь скажите мне ответ на мой первый вопрос. Как Мервен узнал Лесли Барр в мисс Кристофер?

Касл ответил мгновенно:

– Он увидел ее фотографию в театральном журнале. – Сделав паузу, он сухо закончил: – Журнал пришел по почте в большом конверте на адрес Мервена в Лондоне. На обложке журнала была фотография Лесли Кристофер. Мервен узнал ее сразу.

Лоуренс наклонился вперед.

Касл ответил на вопрос прежде, чем Олджи его задал.

– Я не знаю, кто отправил журнал. Его, конечно, не посылали издатели, хотя Мервен считал именно так. Но они не рассылают бесплатные экземпляры таким способом.

– Тогда...

– Да, – кивнул старший инспектор. – Выглядит именно так. Кто-то хотел навести Мервена на след Кристофер.

Лицо Лоуренса стало серьезным. Он резко сказал:

– Кто-то взял на себя роль Бога, Стив. И мне это не нравится. – Он помолчал и прошептал: – Мне вообще все здесь не нравится.

Труди Энн вяло пожаловалась:

– Дорогой... Твоя борода. Она щекочет.

Ответ Герберта Виндзора прозвучал не очень разборчиво:

– Завтра я ее сбрею. – Он продолжал тыкаться носом в ее шею.

Труди Энн гладила его волосы.

Виндзор поднял голову и объявил:

– *Tu as les beaux tétons.*⁸

---

8 У тебя прекрасные груди (фр.).

Его пальцы начали блуждать. Труднн Энн мягко остано-
вила их:

– Можно любоваться. Но нельзя трогать.

– Черт возьми, – возразил Виндзор. – Ты же не мрамор
Парфенона.

Смех с ее губ перескочил в его.

И тогда прозвенел дверной звонок.

– О, проклятье! – чертыхнулся Герберт Виндзор.

Он встал. Диван издал протяжный звук облегчения.

Виндзор вышел в прихожую и рывком распахнул дверь:

– Ну?! – проревел он.

На верхней ступеньке переминался старший инспек-
тор Касл. Сзади стоял Лоуренс. Оба мужчины уставились
на Герберта Виндзора.

Неопрятная борода вполне соответствовала перепутан-
ной прическе. Рубашка канареечного цвета лишилась боль-
шей части пуговиц и демонстрировала могучую грудь. На
мужчине были вельветовые брюки и сандалии с откры-
тым носком. В общем – видок потрясающий.

Касл отступил на шаг. Лоуренс ободряюще подтолкнул
его сзади.

Старший инспектор откашлялся:

– Мистер Виндзор... Мистер Герберт Виндзор?

Указанный джентльмен прищурившись посмотрел на него.

– Я.

– Вы – автор пьесы...

– Неважно кто я. Кто, к чертям, вы?

Касл достал удостоверение.

Результат осмотра оказался обескураживающим. От
рева Виндзора задрожали стекла:

– Боже мой, полицейский!

– Мистер Виндзор...

– Чертов коп! – надрывался драматург, убедительно
продолжая отстаивать свою точку зрения.

Касл также упрямо продолжал:

– Вы – автор пьесы под названием «Последний трофей»...

– Вы не можете засадить меня за это в тюрьму. Разрешение дал сам лорд Чемберлен. Идите и запугивайте кого-нибудь другого!

Касл понял, что страдает за грехи своих коллег. Он поднял руку:

– Вы ошибаетесь. Я не имею никакого отношения к судебному преследованию за непристойную клевету...

– Будем надеяться, – мрачно кивнул Виндзор. – Чертовы охотники на ведьм... – Он добавил несколько содержательных замечаний о работе Министерства внутренних дел.

Касла бросило в жар:

– Я провожу расследование смерти мисс Лесли Кристофер... – воскликнул он.

– О! – Выражение лица Виндзора изменилось. – Входите! – предложил он и повел их в кабинет.

Труди Энн все еще сидела на диване. Она выглядела гладкой и довольной, как кошка, налакавшаяся сливок.

Лоуренс приветствовал ее улыбкой. Она скромно улыбнулась в ответ.

Касл искоса посмотрел на нее.

– Не ожидал встретить вас здесь.

– Труди Энн – мой друг, – кратко проинформировал Герберт Виндзор.

– Очень близкий друг, – подтвердила девушка. В ее глазах танцевали озорные искорки.

Касл подозрительно посмотрел на нее:

– Вы не сказали мне этого.

Девушка коснулась тонким пальчиком симпатичного подбородка:

– Вы меня не спрашивали, – возразила она серьезно.

Касл фыркнул.

Виндзор нетерпеливо вмешался:

– Я давно знаю Трудн Энн. Мы – очень хорошие друзья. И, если вам так любопытно, я и написал эту пьесу, думая о ней.

Трудн Энн надулась:

– Но роль, которую дали мне, едва ли лакомый кусочек!

Виндзор нежно улыбнулся ей:

– Свет моей жизни, ваши таланты очевидны. Но они... не дотягивают до Сары Бернар.

Обиженное выражение сменилось на улыбку.

– По крайней мере, – пробормотала девушка, – у меня есть обе ноги. – Она приподняла юбку, чтобы их продемонстрировать. – И они довольно хороши. Разве нет?

Виндзор и Лоуренс кивнули с видом знатоков.

Касл тяжело задышал. Прерывающимся голосом он произнес:

– Мистер Виндзор! Вы, кажется, помогали на кастинге вашей пьесы. Не вы ли, случайно, ответственны за приглашение мисс Кристофер?

Драматург уставился на него:

– О Боже, нет! Я дернул за пару ниточек ради Трудн Энн, но остальная часть кастинга была вне меня. Вы должны поговорить с Виктором Фрайерном. Он – директор.

– Гмм. – Касл потер подбородок: – Вам не понравился сценический пистолет, который использовался в первых репетициях.

Виндзора вопрос не смутил:

– Просто смешно – явная игрушка. Я сказал Виксу, кто он там у них...

– Реквизитор.

– Да. Я сказал ему, что не допущу, чтобы чертов пугач испортил мне третий акт. Я попросил, чтобы он принес настоящий револьвер. Он немного помямлил, но в конце...

– Вы принесли его сами.

– Ха? – Борода Виндзора ошетижилась. – Откуда у вас такая мысль?

– Викс мне так сказал.

– Тогда братец Альберт, – сказал драматург, – мерзкий лгун!

Касл удивленно уставился на него:

– Вы не давали ему револьвер «Уэбли» тридцать второго калибра?

– Конечно нет.

– Но ваши инициалы стоят на ручке...

– Вовсе нет. Виндзор – всего лишь мой псевдоним. Я наречен Гербертом Хиггинсом. Но... – добавил он жестко, – только пикните об этом хоть одной живой душе, и я из ваших кишок сделаю себе подтяжки!

Брови Касла сошлись:

– Но Викс сказал... – Он замолчал.

Виндзор улыбнулся, и в глазах появилось понимание:

– Полагаю, что у реквизитора есть сын по имени Гарольд.

Касл выругался. Твердым голосом он спросил:

– Могу я воспользоваться вашим телефоном?

– Он в прихожей.

Касл вышел. Лоуренс последовал за ним и схватил друга за плечо:

– Не спешите, Стив. Викс – на крючке. Теперь потяните леску и мягко подсеките.

– Что вы имеете в виду? – проворчал старший инспектор.

Лоуренс улыбнулся:

– Её ложь о револьвере сравнительно незначительна. Но мы можем использовать её, чтобы совершить прорыв в расследовании.

Касл с подозрением уставился на него:

– Вы знаете что-то, что мне не сказали?

– Я – нет. Но Викс знает.

Касл схватил телефон:

– Объясните позже. Я собираюсь связаться с Вимиссом. Он работает в «Янусе». Викс должен быть там с остальной

частью театрального штата. Если он... – Он замолчал и прижал трубку к уху: – Алло! Это старший инспектор Касл. Я хочу поговорить с детективом-инспектором Вимиссом...

Лоуренс отвернулся. Он ввернулся в кабинет. Виндзор приветствовал его криком:

– Святые угодники! Да оставите вы меня, наконец, наедине с Труди Энн?

Лоуренс сохранял серьезный вид:

– Я не уверен, что должен. Возможно, ваши намерения не совсем благородны.

Девушка скромно улыбнулась.

Герберт Виндзор с достоинством ответил:

– Они не... У меня есть репутация, которую нужно блюсти. Вернулся старший инспектор.

– Я еду в «Янус». – мрачно объявил он. – Вы со мной?

Лоуренс кивнул:

– Проводите нас.

– Я вас провожу, – сказала Труди Энн.

Виндзор растянулся на диване, демонстрируя отвращение.

В прихожей Лоуренс пожал руку девушки и пробормотал:

– Это, конечно, не мое дело. Но... – Он замялся.

Девушка понимающе улыбнулась:

– Не воспринимайте Герберта слишком серьезно. – Ее губы весело изогнулись. Он – ликантроп.

– Кто?

Труди Энн объяснила:

– Он считает себя волком.⁹

---

9 Клиническая ликантропия, или ликомания, – психическое состояние, при котором больному кажется, что он превратился или может превращаться в волка.

ГЛАВА 22

Старший инспектор Стивен Касл вошел театр «Янус» с мрачным и угрюмым выражением лица. Впившись взглядом в румяного молодого констебля, который болтал со швейцаром при служебном входе, он резко задал вопрос.

Пока констебль, запинаясь, отвечал, Олджи Лоуренс прошел мимо и исчез за кулисами.

Молодой полицейский докладывал:

– Д-да, сэр. Почти все сотрудники за кулисами. Инспектор допрашивает их...

– Я это знаю, – нетерпеливо перебил Касл. – Скажите Альберту Виксу, что я хочу видеть его. Быстро!

– Да, сэр. – Констебль отдал честь и поспешно вышел.

Касл с негодованием смотрел на Сиднея Шорта. Швейцар тревожно моргал. Сидя на табурете и выглядывая из окошка своей будки, он более, чем когда-либо, напоминал старую птицу в клетке.

– Вы знаете мистера Лоуренса? – спросил старший инспектор.

Шорт быстро кивнул:

– Да, шеф. Он только что прошел мимо.

– Правильно. Если он вернется сюда, скажите ему, что я нахожусь в актерском фойе с реквизитором.

Касл отошел. Шорт печально покачал головой. Если судить по манерам этого копа, старому Берту несдобровать.

«Интересно, что же он сделал?» – вслух спросил он.

Внезапно в голове возникло страшное подозрение. Он попытался рассеять его, пробормотав: «Нет», – а затем виновато поднял взгляд, когда длинная тень накрыла стеклянную будку.

Касл обернулся, когда дверь актерского фойе позади него открылась:

– О, это вы, – проворчал он.

– Действительно, я. – Олджи Лоуренс казался очень довольным собой.

Касл с подозрением посмотрел на него:

– Что-то раскопали?

Лоуренс улыбнулся:

– Я поговорил с Джун Мерритт.

– Джун?

– Ассистенткой режиссера.

– О, да. И что с ней?

– Я задал ей вопрос. И ответ был: «Нет, ничего, о чем бы я знала».

– Хорошо. – Касл начал сердиться. – Каков был вопрос?

– Угадайте!

Касл тяжело задышал:

– А теперь послушайте...

Лоуренс прекратил улыбаться. Вполне серьезно он заметил:

– Вы должны знать, Стив. Вы же тоже читали партитуру.

В пронизательных серых глазах Касла вспыхнул интерес:

– Вы нашли там что-то, что я пропустил?

Лоуренс тщательно подбирая слова:

– У меня было подозрение, которое скоро можно будет проверить. Вы пришли сюда, чтобы допросить Альберта Вика. Но будьте настороже. Можете обнаружить больше, чем ожидаете.

На лице Касла появилось озадаченное выражение:

– Он солгал об оружии. Но...

Лоуренс вежливо перебил его:

– Это была мелкая, глупая ложь испуганного человека. Ваши вопросы испугали его. И вы сказали ему, что это

преступление – владеть оружием, не имея лицензии. Таким образом, он выдал первую же глупую историю, которая пришла ему на ум.

– Но он, должно быть, подготовил эту ложь, – возразил Касл. – Он выложил ее очень быстро. А мы даже не упоминали имени драматурга.

– Не было никакой необходимости упоминать, – улыбнулся Лоуренс. Он указал длинным пальцем. – На той афише – его имя крупными буквами.

Касл уставился на театральную афишу на стене и выругался.

Олджи откинулся на спинку кресла:

– Я помню, как глаза Вика, когда вы допрашивали его, резко уставились на что-то. Он, должно быть, заметил эту афишу. Совпадение инициалов «Г.В.» внезапно поразило его настолько, что он сказал вам, будто револьвер дал ему Виндзор.

– Это возможно, – мрачно кивнул Касл. – Но теперь...

– Он скажет правду.

– Это точно, – проворчал старший инспектор.

Лоуренс словно между прочим заметил:

– Я могу задать вопрос. Не будете возражать?

Касл взглянул на него с подозрением:

– Какой?..

Вопрос замер у него на губах, поскольку дверь после небрежного стука отворилась.

Альберт Викс задержался на пороге. Его тусклые глаза тревожно заблестели:

– Вы хотели меня видеть?

– Именно, – спокойно сказал Касл. – Входите и садитесь.

Викс повиновался, его морщинистое лицо застыло в угрюмой маске.

Касл засунул руки под пиджак. Стоя над реквизитором, он с негодованием смотрел вниз:

– Я не трачу время зря, Викс. Вы мне солгали. А теперь расскажете всю правду!

В глазах реквизитора отразилось неприятное предчувствие:

– Я не понимаю, что...

Голова Касла дернулась вперед:

– Вы сказали мне, что револьвер «Уэбли & Скотт» был от Герберта Виндзора. Это было ложью. Разве не так?

– Я... я...

Лоуренс наблюдал сцену сквозь полуприкрытые веки. Теперь же он тихо заметил:

– Бесплезно отрицать, старина. Мы знаем, что вы сами принесли этот револьвер. Зачем вообще было лгать об этом?

Усталый рот задрожал, а затем Викс воскликнул:

– А какого черта вы ожидали? Я – реквизитор. Я обязан достать режиссеру то, что он хочет. Я не рассчитывал, что меня назовут преступником только за то, что я принес ему оружие!

Лоуренс спокойно продолжал:

– Вам не следует бояться. Формально обладание оружием без лицензии является преступлением. Но у вас, вероятно, есть разумное объяснение...

– Да, есть. – Было трогательно наблюдать, как Викс с трудом скрывает нетерпение.

– Ну, тогда давайте его послушаем. – Олджи пристально посмотрел на своего друга. – Старший инспектор не будет мстителен. Я уверен, он не захочет создавать вам проблемы.

Касл уклончиво проворчал:

– Я жду объяснений.

Викс сцепил костлявые пальцы:

– Я уже говорил вам. Режиссер и автор – оба хотели для пьесы настоящего оружия. Поэтому я принес его из дома.

– Вы держали револьвер дома? – строго спросил Касл.

– Это не мой, – понуро ответил Викс. – Сына. Это была часть коллекции, которую он когда-то собрал.

– Ваш сын?

– Да. Коллекционирование оружия было его хобби. – В угрюмых глазах на мгновение зажглась гордость: – Он был хорошим парнем. Служил в нескольких горячих точках, могу вам сообщить.

– Был? – тихо спросил Олджи.

– Да. Он... он умер в Корее. – Викс замялся, а затем продолжил: – Перед тем, как поехать туда, он избавился от большей части своей коллекции, как вы понимаете. Но ему нравился этот «Уэбли & Скотт», ему даже выгравировали на нем его инициалы: «Г.В.» Гарольд Викс.

– Понимаю.

Викс несчастно кивнул:

– Да. Он оставил револьвер у меня вместе с другими вещами. Когда я узнал, что он убит, я сохранил его как память.

– Ясно. – Старший инспектор держался даже ласково. – Но, – подчеркнул он, – это не оправдание. Вы должны были сразу сдать револьвер. Даже если ваш сын имел на него право (а он не имел), вы не могли хранить оружие после его смерти. Незаконное владение огнестрельным оружием...

Лоуренс бросил другу предупреждающий взгляд и спокойно сказал:

– Сейчас это неважно, Стив. Вы же не хотите предъявлять обвинение...

– Предъявлять обвинение! – В выцветших глазах вновь вспыхнула тревога. – Черт возьми! – и Викс заскулил: – Теперь вы знаете, почему я придумал ту историю о Герберте Виндзоре. Я не хотел проблем – и это все-таки была его вина. Донимал меня этим проклятым револьвером...

– Хорошо, парень, бесцеремонно прервал его Касл. – Нойте! Я не собираюсь вас преследовать.

Викс вздохнул с облегчением.

Лоуренс ласково сказал:

– Вот видите? Я же сказал вам, что старший инспектор не будет мстительным.

Касл нетерпеливо дернул головой. Поняв это как разрешение уйти, Викс радостно встал. И тогда любезная улыбка Лоуренса внезапно пропала. Так же тихо он спросил:

– Разве вы не собираетесь объяснить другую ложь?

В горле реквизитора что-то заклокотало. Он мучительно повторил:

– Другую ложь?

– Да.

– Я... я не знаю, что вы имеете в виду.

– А я думаю, что знаете, – весело сказал Лоуренс. Его веки почти закрылись. – Вы сказали нам, что помощник режиссера зарядил револьвер холостыми...

– Правильно! Я наблюдал, как он это делал!

– О, нет. – Лоуренс покачал головой. – Вы сами зарядили барабан... Вот только холостыми патронами... или боевыми?

Тело реквизитора неконтролируемо дернулось.

– Холостыми! – закричал он. – Кля... – Слово замерло у него в горле. В тишине, которая последовала, можно было слышать, как бьется его сердце.

Он опустил на стул, губы дрожали. На мгновение показалось, что он сейчас заплачет.

Старший инспектор выглядел потрясенным. Повернувшись, он смотрел на своего молодого друга, но Лоуренс сконцентрировался на несчастном реквизиторе.

– Видите? Вы выдали себя, – сочувственно заметил Олджи.

Викс оттянул воротник, и тер шею, словно его ударили. Он упрямо шептал:

– Вы запутали меня, обманули...

Лоуренс улыбнулся:

– Вы сами себя обманули. Я с самого начала знал, что вы солгали. – Он машинально потер щеку: – Мы допрашивали вас в субботу. Вы слишком поторопились подтвердить свидетельство помощника режиссера – еще до того, как узнали, что он сказал. А затем вы спросили старшего инспектора, не пытается ли он утверждать, что вы вставили в револьвер боевые патроны вместо холостых... Помните? А я сказал...

– ...что никто и не предполагает, что Викс вообще заряжал револьвер, – закончил Стивен Касл. Он впился взглядом в реквизитора. – Это была работа Остина, а не ваша. Но вывод был...

Викс издал полузадушенный крик:

– Я никогда ничего такого не делал! – Он подавил рыдание. – Возможно я сказал то, что вы говорите. Но это была лишь оговорка.

Лоуренс улыбнулся и покачал головой:

– Нет. Тогда мы допустили, что вы невиновны. Но вы сделали подобную же ошибку спустя короткое время. Мы расспрашивали вас о коробке с холостыми патронами. Вы достали ее и сказали: «Вот коробка, откуда я взял новый патрон». Но ранее вы подтвердили версию Остина. То есть, что вы, якобы, просто вручили ему коробку, и патрон доставал он сам.

– Я...я... – беспомощно лепетал Виск.

Тяжелое выражение на лице Касла стало просто мрачным. Глядя на реквизитора он объявил:

– Альберт Виск, я...

– Подождите, Стив. – Лоуренс сознательно отбросил официальность. – Мы знаем, что реквизитор зарядил револьвер сам. Мы знаем, что с помощью Остина он придумал лживую историю, чтобы это скрыть. Но мы не знаем почему. А?

Касл проворчал:

– Очевидное заключение.

– И, вероятно, неправильное. – Лоуренс был сама нежность. – Я не думаю, что мистер Викс – убийца. Ведь так?

Викс воздел костлявые руки:

– Клянусь...

– Успокойтесь! – Касл положил тяжелую руку на плечо режиссера. – Я дам вам последний шанс. Говорите правду или...

– Я скажу! Скажу! – горячо заверил его Виск.

Старший инспектор отпустил его:

– Хорошо. Начинайте.

Викс приложил к лицу несвежий носовой платок:

– Я не хотел никому навредить. Просто мне не повезло... единственный раз, когда я зарядил револьвер... эту женщину застрелили...

Касл всмотрелся в испуганное лицо:

– Хотите сказать, что совершили ошибку? Вставили в барабан боевые патроны?

– Нет, нет! – истерично взвизгнул Виск. – Они были холостыми – как всегда. Только я не могу доказать этого, потому что был один...

– Вы были один? Тогда где был Остин?

– Не знаю. – Виск старался успокоиться. – Я уже сказал ему, что патроны у меня с собой. Это было нашей рутинной процедурой, понимаете. Я всегда приносил ему коробку за полчаса до начала спектакля...

– Да. Мы знаем.

Виск продолжал, нахохлившись:

– Мистер Остин всегда трясся над этими патронами. Никогда не доверил бы мне самому зарядить этот чертов револьвер. Но его все не было, понимаете? Я уже напомнил ему, но он сказал мне, что сейчас ему не до того, – это было в два. – Виск сжал ладони. – Таким образом, я пошел на сце-

ну и ждал. Уже без четверти три, а мистера Остина все нет. Я не мог пойти к ассистентке режиссера – мисс Мерритт никогда не имела никакого отношения к оружию, понимаете?

Касл нетерпеливо кивнул:

– Продолжайте.

– Ну, вы видите, как все было, – пыхтел Викс. – У меня в кармане были холостые патроны, а на колышках висел револьвер. Я не видел смысла ждать, поэтому зарядил его сам. То есть снял револьвер «Уэбли & Скотт» со «стены» и раскрыл барабан. Достал патроны, удалил стреляную гильзу, взял новый патрон из коробки в кармане, затем снова заполнил барабан шестью патронами.

– Вы уверены, что они были холостыми, а не боевыми? – спросил Касл.

– Конечно. – Викс был возмущен. – Я не идиот. Я сделал только то, что всегда делал мистер Остин, даже сначала проверил работу механизма.

– Вы сказали помощнику режиссера о том, что сделали?

Викс мрачно покачал головой:

– Нет. Я вернулся в свою каморку.

– Гмм. – Касл потер подбородок. – Вполне разумная история, но... какого черта вы начали лгать?

Слабый рот задрожал:

– Как вы думаете, что я почувствовал, когда услышал, что Лесли Кристофер застрелил не тот сумасшедший тип из ложи. Ее убили из револьвера, который заряжал я! И я был один. Я не мог доказать, что заполнил барабан холостыми.

– Поэтому вы убедили Остина солгать ради вас.

– Это была не моя идея, – пролепетал реквизитор. – Поверьте, не моя... Мистер Остин поговорил со мной после той вашей демонстрации... – Лоуренс кивнул, – и он сказал, что боится, что вы можете подозревать меня из-за того, что я был один с оружием. Он сказал, жаль, что я не при-

держивался обычной рутины – он был бы со мной, и у меня было бы алиби. А затем сказал, что не против выручить меня...

Касл фыркнул:

– Таким образом, вы сфальсифицировали свои показания.

– Я не хотел, говорю вам! Я сказал мистеру Остину, что не хочу лгать полиции.

– Но солгали.

– Это вина мистера Фрайерна, – надулся Викс.

– Фрайерна? – поднял брови Касл.

– Да. Я слышал, как он рассказывал вам обо мне и Лесли Кристофер – о том, что я, якобы, затаил на нее злобу.

– Подождите-ка, – остановил его Касл. – Как и когда вы это слышали?

– Непосредственно перед тем, как вы загнали нас всех в гардеробную. – Викс уставился в пол. – Вы были на сцене с мистером Фрайерном, разговаривая о револьвере. Я был вне поля зрения за сценой, поэтому остановился, чтобы послушать.

Касл щелкнул пальцами. Он вспомнил смутную фигуру, которая промелькнула и исчезла за кулисами:

– Вы стояли в «вестибюле»?

– Да, – признал Викс. – Я смотался, когда вы прошли через двойные двери. Но я услышал то, что мистер Фрайерн сказал вам. И боялся, что вы решите, будто у меня есть мотив для того, чтобы убить девушку, особенно, когда вы узнаете обо мне и оружии. – Речь реквизитора стала запутанной, глаза забегали. – Поэтому я сказал мистеру Остину, что согласен.

– Солгать полиции? – строго спросил Касл.

Викс старался не смотреть ему в глаза:

– Мне пришлось.

Раздался стук в дверь. Вошел детектив-инспектор Вимисс. Он спокойно поинтересовался:

- Надеюсь, вы не обсуждали конфиденциальные вопросы?
- Что такое? – удивился Касл. – Почему нет?
- Кое-кто подслушивал у двери.
- Кто? – чертыхнулся Касл.
- Дуглас Дензил, сэр. Он ушел, увидев меня. Но я уверен, что он подслушивал.

Олджи Лоуренс рассмеялся:

- Вновь играет в детектива-любителя.

Касл выругался.

- Я выдержал достаточно ерунды, – решительно объявил он. – Теперь займу жесткую позицию.

Взяв Вимисса за руку, он дал ему краткое, но точное описание сделанных открытий. Затем он повернулся к Альберту Виксу и мрачно объявил:

- Передаю вас детективу-инспектору. Вы сделаете новое заявление. И оно должно быть верным до мелочей. В противном случае... – Он замолчал, не договаривая угрозы: – Забирайте его, Вимисс.

Викс вышел с лицом белым, как мел. Касл впился взглядом в дверь, когда она закрылась за реквизитором:

- Чтоб его!

Лоуренс улыбнулся:

- Не будьте таким диким, Стив. Вам не на что жаловаться. Вы распутываете клубок.

Касл нахмурился:

- Вы не слишком-то помогали. Знали же, что Викс и Остин лгут, но...

- Подозревал.

- Тогда какого дьявола не сказали?

– Будьте разумным, Стив. Раньше вы не стали бы меня и слушать. Когда мы покинули театр в субботу ночью, вы были уже убеждены, что Майкл Трент виновен. Последующие события просто подтвердили ваше первое впечат-

ление. Я должен был продемонстрировать невиновность Трента, прежде чем мы смогли двигаться дальше.

– Не читайте мне лекции!

– Простите, – улыбнулся Олджи. – Но я должен был решать вопросы по мере их поступления. Мы устранили несколько осложнений. Теперь мы знаем, что делаем.

– Знаем? – Касл явно сомневался.

– Думаю, да. Викс сильно нам помог. Как только разберемся с Остином, мы...

– Найдем решение?

– Возможно и нет. Но, по крайней мере, будем знать, в чем проблема.

ГЛАВА 23

– Приветствую вас, джентльмены.

Дуглас Дензил переступил порог, не демонстрируя никаких признаков растерянности. Он присел на поверхность стола и нагло улыбнулся Каслу:

– Дружище Вимисс сказал, что вы хотите меня видеть. Кажется, я опять был непослушным мальчиком.

– Садитесь! – рявкнул старший инспектор. – И не валяйте дурака.

Дензил пожал плечами, а затем опустился на стул, придав себе позу преувеличенного смирения.

– Вы подслушивали под дверь! – обвиняюще начал Касл.

– Наверное, да.

– Почему?

– Мой дорогой сэр! Ответ очевиден. Я по-человечески любознателен. – Дензил свел вместе кончики пальцев. – Я вошел в театр за вами по пятам. Услышал, как вы терроризируете швейцара, и осторожно расспросил его. Затем Лоуренс и Викс присоединились к вам в актерском фойе. Кажется, происходят какие-то события, поэтому я дал волю своим низменным инстинктам и занял пост у двери.

– И вы слышали...

– Всё! – Дензил победно улыбнулся.

– Вы не должны сердиться на него, Стив, – вмешался Лоуренс. – Он видит себя сыщиком-любителем.

– Надеюсь, вы меня не упрекаете, – пробормотал Дуглас.

– Напротив. – Лоуренс был сама доброта. – Я помню нашу беседу в уборной Лесли. Вы были совершенно правы. Ино-

гда улика слишком очевидна, чтобы ее могли заметить, – его голос звучал вкрадчиво, – такие умные люди, как мы.

Глаза Дензила вспыхнули:

– Интересно, на что вы намекаете.

Лоуренс усмехнулся:

– Вы, казалось, обращались к фотографии Майкла Трента. Теперь мы знаем, что позади фотографии был спрятан важный документ. И кто-то разбил рамку и голову Бейли, чтобы его получить.

– Ах, да! Дружище Бейли. Я надеюсь, с ним все в порядке?

– Он выздоравливает. Но давайте поговорим о том документе. Это было свидетельство о браке. Его взяли из тайника. А затем оно оказалось, – Лоуренс лучезарно улыбнулся, – в вашем владении.

Дензил ничуть не смутился:

– Странное совпадение.

– Да. Если это совпадение.

Дензил холодно заметил:

– Я не нападал на Бейли, если вы об этом. И не крал свидетельство.

– Но вы действительно знали, что оно скрыто за фото?

– Между прочим, нет. Но чтобы избавить вас от необходимости делать глупые предположения, – язычок у Дензила был остренький, – я скажу сам. У меня действительно были подозрения насчет этого фото. И если бы меня не потревожили в уборной Лесли, я снял бы фото со стены и изучил.

– Что заставило вас так интересоваться портретом? – спросил Касл.

– У Лесли было какое-то преувеличенное внимание к нему. Я задался вопросом, почему.

– Гмм. – Касл с подозрением посмотрел на Дензила. – Можете объяснить, почему свидетельство было доставлено вам?

– Нет.

Лоуренс засмеялся:

– Вас не смущают подарки богов.

– Просто не понимаю, – добродетельно произнес Дуглас, – что вы имеете в виду.

Олджи продолжал допытываться:

– Возможно, вы не знали, откуда прибыло свидетельство. Но были готовы использовать его.

Дензил улыбнулся, оскалив зубы:

– Вы говорили с Пенни.

– А вы, – рискнул Лоуренс, – поговорили с Майклом Трентом. – Гм... что объясняет синяк под глазом, не так ли?

Дензил издал неопределенный звук, а затем неожиданно рассмеялся.

– Майкл, – признал он, – перешел к физическим действиям. Я не смог успокоить его. Милашка Пенни рассказала ему какие-то истории... – Он сделал паузу, а затем добавил: – Сказки!

– Вы имеете в виду, что... сделка, которую вы предложили...

– ...существует только в воображении Пенни, – сардонически закончил Дензил.

– Не верю, – вежливо возразил Олджи, – что вы говорите правду.

– Возможно и так, – небрежно парировал Дензил. – Но вы не сможете это доказать.

Лоуренс улыбнулся:

– Расскажите нам свою версию этой беседы.

– Я показал Пенни свидетельство без каких-либо комментариев. Майкл был недоступен, как вы помните. Пенни сказала, что передаст свидетельство полиции. Поэтому я оставил его у нее.

– Не очень убедительная история.

– Она и не обязана быть такой, – издевался Дуглас.

Старший инспектор взорвался:

– Вы заявляете...

– Ничего я не заявляю, – перебил его Дензил. – Я нашел документ в своем почтовом ящике в воскресенье утром. Больше ничего не знаю. У меня были два ваших детектива, которые облазили все коврики, – пусть они и объяснят эту тайну. Если смогут.

– Вы не можете нам помочь?

– Могу только предложить, – злобно произнес Дензил, – проверить Майкла Трента.

– Мы это сделали, – сказал Олджи Лоуренс, – как вы, вероятно, знаете. Мы не можем доказать, что он не крал свидетельство. Но мы можем доказать, что он не убийца. Так, Стив?

Касл уставился себе под ноги, но утвердительно что-то проворчал.

Дензил закусил губу. Затем он философски пожал плечами:

– О, ну хорошо. Я...

Его прервали. Молодой розовощекий констебль, осторожно постучав, вошел в актерское фойе. Отдав честь, он объявил:

– Тут помощник режиссера, сэр. Ввести его сейчас?

Касл раздраженно кивнул:

– Через пять минут.

Констебль ушел.

Старший инспектор повернулся к Дензилу:

– А теперь...

Дуглас стремительно воскликнул:

– Не прогоняйте меня! Я смогу принести пользу, если останусь.

– А? – Касл смутился.

Лоуренс с интересом взглянул на Дензила. Он задался вопросом, не знает ли актер больше, чем демонстрирует. Если так...

– Позвольте ему остаться Стив, – попросил Олджи. – Он не помешает.

– Спасибо, – язвительно поблагодарил Дензил.

– Думаю... туда? – пробормотал Лоуренс, указывая на ширму в углу.

Дензил кивнул. Он устроился на стуле позади ширмы.

Лоуренс повернулся к Каслу. Старший инспектор следил за действиями своего молодого друга с растущим раздражением:

– Послушайте, Олджи...

– Тише, Стив! – Понять его можно было только по губам: голос был едва слышим. – У меня появилась догадка.

Касл надул щеки и резко выдохнул. Затем, сжав кулаки, шагнул к двери. Распахнув ее, он проревел в коридор.

– Хорошо! Давайте его! – Он поглядел на Лоуренса и добавил вполголоса: – И помощи Небо вам обоим!

Джек Остин явно нервничал. Его голос ощутимо дрожал:

– Вы... Вы хотели видеть меня?

– Да. – Касл был опасно спокоен. – Садитесь, мистер Остин.

Помощник режиссера повиновался, нервно облизывая сухие губы. Старший инспектор пристально уставился на него. Затем вытянул руку и придвинул поближе портфель. Достав несколько скрепленных листков бумаги, он перевел взгляд на помощника режиссера:

– Знаете, что это?

– Н-нет.

– Это – копия вашего заявления. Слушайте.

Старший инспектор начал неторопливо читать вслух. Остин нервно ерзал, пока Касл сухим и бесчувственным тоном зачитывал показания помрежа от начала до конца.

Повисла тишина.

– Итак, это ваше заявление? – спросил Касл.

Остин молча кивнул.

Касл мрачно улыбнулся. Он разорвал бумаги и бросил клочки на колени Остина.

– Вот ему цена!

Остин вспыхнул, затем побледнел и начал заламывать руки:

– Я...

Касл хлопнул ладонью по портфелю:

– Не трудитесь лгать. Мы поговорили с Альбертом Виксом. Он сказал нам правду, наконец.

Безжалостно он обрисовывал в общих чертах суть показаний реквизитора. И закончил:

– Викс глуп. Он, кажется, не задался вопросом, почему вы были так готовы скрыть правду. Нет, только не говорите мне, что это чистый альтруизм. Вы хотели ввести нас в заблуждение по личным причинам. И я хочу знать, каковы они были... и есть.

Остин открыл рот. Но никаких слов не вышло.

– Я жду, – напомнил Касл.

Помощник режиссера захрипел:

– Старший-инспектор, я... – Хрип затих.

Неожиданно Лоуренс спросил:

– Мистер Остин, вы читаете «Журнал джентльмена»?

Касл бросил на друга сердитый взгляд. Но самая дикость вопроса развязала Остину язык.

Помощник режиссера тихо пролепетал:

– Я не вполне понимаю.

– Точнее, – продолжал Лоуренс, – знаком ли вам этот конкретный том?

Он снял книгу с полки и принес ее помощнику режиссера. Остин покачал головой:

– Не думаю.

– Я всегда изучаю книги, – поведал ему Лоуренс, – и в субботу нашел этот том здесь среди других.

Остин выглядел озадаченным:

– Это – часть библиотеки. Но здесь, конечно, нет ничего важного.

– Том старый, – спокойно продолжал Олджи, – что интересно само по себе. Но я имел в виду не это. Я просто пролистал его. Сомневаюсь, обратил бы я на него внимание, если бы не одно интригующее место.

Он положил переплетенный том на стол и с улыбкой открыл:

– Между страницами вставлена закладка. Я задался вопросом, почему.

– Ближе к делу, – грубо велел Касл.

Лоуренс пожал плечами:

– Именно так я и нашел это место. Кто-то, очевидно, изучал его.

– Что это? – спросил Остин.

– Это – описание последней публичной казни в Тайберне в ноябре 1783 года. Последний месяц «Паддингтонской ярмарки». Но не это зацепило мой взгляд, а совпадение имен.

– Имен?

– Смотрите сами, – сказал Олджи Лоуренс. – Человека, которого повесили, звали...

– Да?

– Джон Остин.

Повисла мертвая тишина. Затем помощник режиссера озадаченно рассмеялся:

– Это интересно. Но ничего не значит. Ведь так?

– Да, – согласился Олджи. – Но позволяет предположить...

– Что? – Остин, казалось, начал успокаиваться.

Лоуренс медленно продолжал:

– Я пытаюсь проникнуть в ум убийцы. Он перенес «Паддингтонскую ярмарку» на сцену этого театра. И думаю, он

надеялся, что мы найдем эту статью. А это могло бы означать...

– Да?

– Что он пытается направить наше внимание на вас.

– Я этого не понимаю, – прокомментировал Остин в искреннем удивлении. – Вы едва ли можете подозревать меня в убийстве только потому, что моего тезку казнили сто семьдесят лет назад.

– Нет? – Глаза Лоуренса заблестели. – Ну, возможно и нет. Но если это – лишь отвлекающий маневр, как я и думаю, то вы не захотите подыгрывать убийце. Другими словами, не станете усложнять свое положение враньем. – Его голос стал тверже: – Вы лгали, не так ли?

Остин провел рукой по губам.

– Да. Я сказал неправду об оружии, – устало сказал он.

Касл рассвирепел:

– Вы решили ввести нас в заблуждение с самого начала!

– Нет! – быстро воскликнул помреж. С жалкой улыбкой он продолжил: – Это Фрайерн изначально ввел вас в заблуждение. Непреднамеренно, конечно.

– Фрайерн?

– Да. Прежде, чем вы расспросили меня, он уже описал мою обычную процедуру.

– Правильно. Так он и сделал, – пробормотал старший инспектор. – Но...

– Вы повторили ее мне для подтверждения, – Остин тщательно подбирал слова.

– И вы сказали...

– Да, что это – моя нормальная процедура.

– Это звучало как подтверждение!

– Но я собирался добавить: «Но я не следовал ей этим днем», – когда...

– Нас прервали, – застонал Касл. Он повернулся к другу. – Олджи! Это ваших рук дело!

– Боюсь что так, Стив, – признал Лоуренс. – У меня был дружеский спор с рабочим сцены по поводу подъема занавеса.

– А затем, – вспомнил Касл, – мы приступили к реконструкции преступления. Вы нашли пулю в голове медведя и... – Он остановился, а затем спокойно закончил: – И вы, мистер Остин, решили солгать. Я хочу знать, почему.

Лоуренс видел, как побледнел помреж, и спокойно предложил:

– Давайте начнем с главного, Стив. Давайте услышим, почему мистер Остин не сам зарядил оружие.

Касл пожал плечами:

– Итак? – спросил он.

Остин с несчастным видом пролепетал:

– Я всегда делаю это сам. Но тем днем просто забыл. Викс напомнил мне, но я беспокоился о других вещах. Майкл Трент не появился, и я волновался по этому поводу. Я должен был попросить Дензила быть готовым его заменить... и нужно было дозвониться до дублера самого Дугласа.

– И вы переживали из-за Лесли Кристофер, – рискнул Лоуренс.

– Да. – Остин закусил губу. – Я... я хотел поговорить с ней. Вы об этом знаете.

– Давайте услышим об оружии, – нетерпеливо попросил Касл.

– Да. Хорошо. – Помощник режиссера замялся. – Я разговаривал с Виктором Фрайерном...

– В какое время?

– Около пяти минут третьего. Я рассказывал вам. Я оставил его на входе в коридор с уборными.

– Но вы не пошли за кулисы, чтобы зарядить револьвер?

– Нет. Я волновался из-за Майкла Трента. Я не был настолько же уверен, как Фрайерн, что он появится. Поэтому, как предложил Виктор, я пошел поговорить с Дензилом.

Фрайерн не видел, как я вошел в его уборную, – он уже вошел в гримерную Лесли. После того, как я предупредил Дугласа, что ему, возможно, придется заместить Трента, я пошел звонить дублеру Дензила. Я не смог с ним связаться, что не добавило мне душевного спокойствия. К счастью, сам Трент прибыл к сигналу «без четверти». Фрайерн сообщил мне о его прибытии и что-то в его словах напомнило мне о револьвере. Но сначала я пошел повидать Майкла, затем поссорился с Лесли, – он потер запястье, – и все вылетело из головы... – Он сделал паузу, чтобы взять себя в руки и продолжил. – Я должен был стоять за пультом и вынужденно сосредоточился на этом. Возможно, я еще помнил об оружии в первом антракте: я пошел на сцену, чтобы проверить его, прежде чем поднять занавес во втором акте. Но Пенни сделала какое-то случайное замечание и отвлекла мое внимание еще раз. – Он грустно улыбнулся и добавил: – Я все еще был сам не свой, понимаете.

Касл внимательно смотрел на него:

– Продолжайте.

Казалось, глаза Остина совсем расфокусировались:

– Да говорить-то больше не о чем. Я совершенно забыл об оружии. – До... до...

– До окончания трагедии? – подсказал Лоуренс.

– Д-да. – Остин даже всхлипнул.

– А затем вы подготовили историю вместе с Виксом после того, как стали свидетелем, что в медведе обнаружили пулю двадцать пятого калибра? – вставил Касл.

– Да, – Остин облизнул губы. – Реквизитор рассказал мне о револьвере после спектакля – как он сам его зарядил. Тогда это не казалось важным. Но после того, как мистер Лоуренс доказал нам, как им, должно быть, воспользовались, чтобы убить Лесли...

Он замолк. Лоуренс задумчиво сказал:

– Вы увидели, что у него нет никакого алиби, и решили его создать.

– Да. – Остин говорил с трудом. – Я не хотел, чтобы он оказался замешан в убийстве.

Лоуренс приподнял бровь:

– Но откуда вы знали, что он не поместил в револьвер боевые патроны?

Голос Остина стал еще тише:

– Он не мог этого сделать.

Лоуренс продолжал настаивать:

– Но вы-то откуда знали?

– Я... я...

Лоуренс глубокомысленно потер щеку:

– Вы прикасались к револьверу до того, как Трент вручил вам его после трагедии?

– Нет... нет...

– Вы не заходили в «вестибюль», – продолжал Олджи, – после подъема занавеса в третьем акте?

– Нет. Я был за пультом...

– Но вы уходили на некоторое время, – улыбнулся Лоуренс. – Вы так нам сказали. Оставили за пультом ассистентку.

– Да, правильно. – Остин часто задышал. – Я хотел проверить спецэффект, который должен был сработать в последней сцене... той, которую вы не видели...

– Ах, да. Тот спецэффект. Знаете, мне стало любопытно. Я проверил партитуру. И, как ни странно, не смог его найти.

Лицо Остина побледнело:

– Я... я...

– К тому же, – ласково продолжал Лоуренс, – я изучил этот вопрос. Я спросил Джун Мерритт, есть ли какой-нибудь спецэффект в заключительной сцене. И ее ответ...

– «Нет, ничего, о чем бы я знала!» – взревел старший инспектор.

Коренастая фигура Остина, казалось, съежилась.

– Она ошибается...

Лицо Касла метало молнии:

– Лжете! Вы вошли в «вестибюль», чтобы взять револьвер...

– Нет, нет! Клянусь, я этого не делал!

Касл воздержался от нового голословного обвинения, но угрожающе сжал кулаки:

– Ну-ка, говорите!

Остин дрожал, но продолжал упрячиться:

– Я не дотрагивался до револьвера... Нет...

Повисло долгое молчание. Затем кто-то осуждающе ухмыльнулся. Из-за ширмы послышался голос Дензила:

– Так не пойдет, Джек, – сказал он обвиняюще и одновременно насмешливо. – В самом деле, не пойдет!

ГЛАВА 24

Дуглас Дензил появился вновь с нагловатым видом. Отодвинув ширму, он одарил Остина неприятной улыбкой.

– Вы могли бы воскликнуть, – заметил актер, – «Леди Тизл! О проклятие!» Но, предполагаю, сюда это не совсем подходит.

– Нет, – холодно возразил помощник режиссера. – Я рассматриваю вас скорее как сэра Бенджамена Бэкбайта. Или мистера Снэйка.¹⁰

Улыбка Дензила расширилась, но в ней не было веселья.

– Туше, – пробормотал он.

Старший инспектор следил за диалогом с растущим нетерпением, но Лоуренс остановил его жестом. За ленивой маской молодой человек был само внимание.

Остин и Дензил встали друг против друга как дуэлянты. Затем актер слегка пожал плечами:

– Мне очень жаль, Джек, – сказал он тоном, в котором не было и намека на жалость, – но я не могу позволить вам говорить такие выдумки.

– А у вас – возразил Остин, – такой пиетет перед правдой!

– Как ни странно, – заметил Дензил, – я не сказал полиции неправды. Хотя и не был полностью откровенен.

Касл не мог больше терпеть.

– Если у вас есть, что сказать, – проревел он, – ради Бога, говорите!

Дензил вздрогнул:

---

¹⁰ Здесь отсылка к комедии Ричарда Бринсли Шеридана «Школа злословия».

– Дорогой старший инспектор! Вы меня напугали.

– Думаю, мы должны позволить мистеру Дензилу рассказать свою историю так, как он сам этого хочет, – вмешался Лоуренс.

– Спасибо, – иронически поклонился Дуглас. – Я тоже это предлагаю.

Лоуренс улыбнулся. В безмолвном приглашении он достал серебряный портсигар. Дензил взял сигарету и зажег ее. Став центром внимания, он начал двигаться с преднамеренной и раздражающей медлительностью.

Выдохнув облако дыма, он начал:

– Вы допрашивали меня после убийства. Мое заявление было верным. Но не полным. – Он прислонился к стене. – Я был мало занят в первой сцене третьего акта. Там блистали, конечно, Майкл и Лесли. Но вы можете вспомнить, что Пенни тоже появилась с ним в весьма эффектном пассаже.

Детективы кивнули. Лицо помрежа было лишено выражения.

Дензил продолжал:

– Само по себе это неважно. Но объясняет мое присутствие за кулисами в то время. Я ждал Пенни. Хотел поговорить с ней...

– О чем? – грубо перебил Касл.

– Личный вопрос, – холодно ответил Дензил. – О, ладно, – криво улыбнулся он. – Не буду делать из этого тайны. Я хотел расспросить ее о том небольшом инциденте в уборной Майкла. Деликатно, конечно, – сардонически добавил он.

– И расспросили?

– Нет. По крайней мере, не тогда. – Дензил сделал паузу, словно собираясь с мыслями. Он бросил взгляд на Остина: – Кое-что отвлекло мое внимание.

– Что? – Касл сгорал от нетерпения.

Дензил был не из тех, кого можно торопить.

– Я вышел из коридора перед уборными. Увидел, как кто-то вошел в «вестибюль» с задней стороны сцены...

– Что?

Дуглас поднял палец:

– Терпение, мой друг. Итак! Я, естественно, любознателен. Я прошел в кулисы и оглядел «вестибюль». И я увидел, как этот кто-то снимает револьвер со «стены», переламывает корпус и открывает барабан.

В горле Остина что-то заклокотало. Дензил бросил на него насмешливый взгляд и продолжил:

– Я увидел, как этот кто-то освобождает барабан, а затем вновь заполняет его. Не буду утверждать, что это сделало меня подозрительным, но я задумался. Я решил не дожидаться Пенни в кулисах и вернулся в коридор перед уборными.

– И Пенни присоединилась к вам там, – заметил Олджи Лоуренс.

– Да, – кивнул Дензил. – Я включил очарование и задержал ее. Но она была не очень общительна. Я все еще пытался разговаривать с ней, когда мы услышали, что Лесли застрелили.

– И кто, – загремел старший инспектор, – был этим... кое-кем?

Дензил прекратил паясничать:

– Может, вы сами скажете ему, Джек, – предложил он.

Остин безнадежно кивнул:

– Я не знал, что вы видели меня. – Затем его мертвое лицо оживил гнев. – Почему вы не сказали мне раньше? Вам нравится играть в кошки-мышки?

– А это, – заметил Лоуренс, – хороший вопрос. – Он посмотрел на Дензила. – И каков ответ?

– Угадайте, – предложил Дуглас.

– Думаю, что знаю, – улыбнулся Лоуренс.

Дензил напоминал кошку:

– Я тоже так думаю, – и добавил шепотом: – Но вы не можете этого доказать. И если бы смогли, вам бы это не помогло.

Веки Олджи опустились:

– Вот так, Стив. Мистер Дензил ввел нас в заблуждение. Но он не лгал нам и не сделал ложных заявлений под присягой. Так возможно, он сейчас говорит правду.

Касл проворчал:

– Мистер Остин этого не отрицает.

Помощник режиссера покачал головой. Его голос звучал устало.

– Я был дураком, что солгал о револьвере. Но я испугался.

Касл начал официальным тоном:

– Итак, вы признаете... – но затем сдержался и спокойно добавил: – Дайте нам собственное объяснение.

Остин облизал губы. Он говорил с трудом:

– Я уже сказал вам, что забыл зарядить револьвер. И это была правда. Но когда мы подошли к сцене, в которой его должны были использовать... после того, как занавес в третьем акте поднялся... я внезапно вспомнил. – Он нервно потер ладони. – Я был за пультом. Я оставил его на ассистентку. Джун – хорошая девушка: она не задает лишних вопросов... У меня не было времени, чтобы найти реквизитора и взять у него коробку с патронами. Но, по крайней мере, я мог проверить револьвер и убедиться, что все в порядке. Понимаете, двойные «двери» были закрыты, и я мог передвигаться по «вестибюлю» вполне свободно. Я снял револьвер, переломил его и открыл...

Касл нахмурился:

– Но зачем? У вас же не было новых патронов.

– Нет. Но даже если револьвер не трогали с предыдущего спектакля, в барабане все еще оставалось пять неиспользованных патронов. Я собирался в случае необходи-

мости повернуть барабан и убедиться, что боек попадет именно на патрон. Такая простая предосторожность вполне меня успокоила бы.

Касл кивнул:

– Понятно. Продолжайте.

Остин стал ломать пальцы:

– Я осмотрел револьвер и увидел, что волновался напрасно. Викс, очевидно, сделал все сам. Револьвер был в прекрасном состоянии и содержал все шесть патронов. Я повесил его на колышки и вернулся к пульта. Я не знал, что кто-то видел меня. – Он неприязненно посмотрел на Дензила.

– Все было в порядке? – недоверчиво переспросил Касл.

– Да, – решительно кивнул Остин. – Я больше не думал о револьвере, пока в нем не обнаружили боевые патроны. А затем... после демонстрации мистера Лоуренса...

– Да? – В голосе Касла прорезалась сталь. – Что тогда?

Остин сглотнул:

– Я понял, что оказался в ужасном положении. Вы станете искать человека, который вынул холостые патроны, прежде чем Лесли вынесла револьвер на сцену в третьем акте. И я держал его сам, – он замялся, – за несколько минут до этого. Вы обязательно стали бы подозревать меня.

Олджи Лоуренс сонно заметил:

– Вы поссорились с Лесли перед спектаклем.

Остин кивнул:

– Я чувствовал, что оказался в ловушке. Нужно было спастись.

– Поэтому вы пошли к Виксу, – мрачно констатировал Касл.

– Он был моим единственным шансом, – прошептал помреж. – Я рассказал ему, как была убита Лесли. Он тоже испугался. Я сыграл на его страхе...

– Вы подразумеваете, что его станут подозревать в замене патронов.

– Да. Он... он не знал, что я сам брал потом в руки оружие.

– Таким образом, вы убедили его солгать. – Касл обвиняюще выпятил челюсть. – Он думал, что защищает себя. Но на самом деле он защищал вас.

– Я не хотел его обманывать. – Остин говорил с болезненным нажимом. – Но я... мне пришлось.

– Вы изготовили, – зловеще грохотал Касл, – изобретательное и эффективное алиби. Это, по-вашему, действия невинного человека?

– Клянусь... – Остин задышался от переполнявших его чувств.

– Разве совесть не беспокоила вас? – тихо спросил Олджи Лоуренс.

– Нет! – Остин подчеркнул отрицание ударом кулака по коленям. – Реквизитор зарядил револьвер холостыми. Я просмотрел их и вернул в барабан. Ни один из нас ничего не знал о пулях... но теперь как мы могли это доказать? Если бы только мы были вместе...

– Как обычно.

– Да. Если бы только мы смогли заставить вас поверить, что мы следовали обычной процедуре, у вас не было бы никаких причин подозревать никого из нас.

– И вы были готовы разрушить всю логику расследования, чтобы отвлечь внимание от себя. – Касл был опасно спокоен. – Мы продолжали работать, исходя из того, что замена патронов могла произойти в любое время между пятью минутами третьего и моментом, когда револьвер вынесли на сцену. Теперь же мы должны ограничить расследование более узкими пределами. – Голос старшего инспектора стал резче: – Вы утверждаете, что, когда вы осматривали револьвер на колышках, он все еще был заряжен холостыми?

– Да, да!

– Очень хорошо, – Касл излучал негодование. – Но это, по вашим же собственным словам, было лишь за несколь-

ко минут до того, как сама мисс Кристофер вынесла оружие на сцену. А за такой короткий интервал, – слова старшего инспектора разили, как удары, – мог ли кто-нибудь манипулировать патронами?

– Убийца должен был иметь доступ к оружию, так или иначе! – закричал Остин. – До того... До того, как Лесли вошла в «вестибюль»...

Повисла краткая, недоверчивая тишина.

Затем Дуглас Дензил категорически заявил:

– Мне жаль, Джек. Но так не пойдет!

Он повернулся к старшему инспектору:

– У меня есть еще кое-что для вас. Я решил не ждать в кулисах...

– Таким образом, вы вернулись в коридор перед уборными. – Касл нетерпеливо кивнул. – Я помню.

– Да. Я все еще думал о той небольшой сцене в «вестибюле». Входя в коридор, я оглянулся. Остин как раз выходил к выходу на пультовой стороне. И в этот самый момент... – Он сделал эффектную паузу и спокойно закончил: – Лесли прошла мимо меня по дороге на сцену. Я сделал какое-то случайное замечание, она что-то пробормотала в ответ и вошла в «вестибюль», ожидая выхода.

– Секундочку! – заволновался Касл. – Но это означает...

– Это означает, – резко закончил Дензил, – что Лесли вошла в «вестибюль» почти на пятках Остина. И никто не мог взять револьвер после того, как он положил его!

Касл взглянул на испуганное лицо помощника режиссера:

– Ну же, мистер Остин? – спросил он.

Помреж начал задыхаться:

– Я... я...

Старший инспектор был безжалостен:

– Мисс Кристофер ждала в «вестибюле» нужной реплики. Когда она сделала последний выход на сцену, то прошла через двойные «двери» и взяла револьвер с собой. Он

был заряжен боевыми патронами, хотя, по вашим словам, вы оставили его заряженным холостыми. Как можно было сделать замену?

– Не знаю! – Остин отчаянно искал объяснение. – Возможно, кто-то присоединился к ней в «вестибюле»...

– И заменил патроны у нее на глазах? – спросил Касл голосом, полным презрения.

Помощник режиссера казался на грани обморока:

– О, Боже! Я... Подождите! – В глазах его блеснула надежда. Он вскочил и схватил Дензила за руку. – Скажите им, Дуглас. Вы же смотрели. Вы, должны были видеть!

Актер казался удивленным:

– Не тараторьте, Джек, – пробормотал он.

Остин сильнее ухватился за него:

– Вы видели, как я разрядил револьвер. Вы видели, как я исследовал холостые патроны и вернул их в барабан. Вы же видели меня, Дуглас. Скажите им!

Дензил освободил рукав и изящно разгладил его.

– Я видел, как вы освободили барабан и высыпали патроны на ладонь. Но затем вы повернулись спиной, и ваше тело заслонило движения рук. Вы могли вернуть патроны на место. Но могли и заполнить барабан боевыми патронами.

Никто не двигался.

Затем Касл спокойно объявил:

– Думаю, мы должны поехать в Ярд. Затем вы, джентльмены, сможете сделать свои заявления в надлежащей форме.

Его рука отечески упала на плечо Остина.

ГЛАВА 25

На следующее утро Лоуренс только закончил завтрак, как резкий звонок объявил о прибытии раннего посетителя. Сделав паузу перед зеркалом в прихожей, он насмешливо взглянул на свое отражение и пробормотал: «Интересно, кто?»

Затем он быстро спустился по лестнице и открыл парадную дверь квартиры.

– Пенни! – восхищенно улыбнулся он.

Девушка выглядела серьезной:

– Привет, Олджи. Могу я войти?

– Конечно. – Он сделал шаг в сторону, бросив быстрый взгляд вдоль тихой улицы.

Пенни улыбнулась:

– Я без сопровождения. Возможно, меня ищут репортеры. Но то, что вы назвали моей маскировкой, одурачило их.

Она носила тот же самый простой костюм, которым он восхищался в воскресенье. Он вновь подумал, как она красива.

Они вместе пошли вверх по лестнице. Олджи ввел девушку в комнату, переполненную книгами. Она повернулась и серьезно посмотрела на него:

– Я хочу поговорить с вами. Это важно.

Лоуренс кивнул.

– Располагайтесь во всеми удобствами.

Пенни сняла берет и встряхнула головой. Беглый солнечный свет из окна изящно подчеркивал ее пепельные с золотом волосы – она была прекрасна!

Лоуренс вздохнул. Он помог ей освободиться от плаща, ее близость заставила его пальцы дрожать.

Вернувшись из прихожей, он увидел, что она внимательно разглядывает комнату, а на алых губах играет легкая улыбка. Он вопросительно посмотрел на нее.

– Я подумала, что комната – это вы.

– Ей, конечно же, недостает прикосновения женской руки.

Она с интересом посмотрела на него:

– Вы одиноки, ведь так?

– Ну... – Лоуренс замялся. – Скажем так...

– Да?

– Я все еще ищу свою леди.

Взгляд Пенни смягчился:

– Вы скоро найдете ее, – сочувственно пробормотала она.

Лоуренс с сожалением посмотрел на девушку:

– Как поживает Майкл? – резко спросил он.

Ее лицо словно осветилось изнутри:

– Он вновь стал похож на себя. Благодаря вам. Но... – Ее глаза затуманились.

Лоуренс опустил на стул напротив нее:

– Но что?

– Я пришла сюда поговорить не о Майкле. – Девушка замялась, а затем внезапно спросила: – Это правда, что Джек арестован?

Лоуренс потер подбородок большим пальцем. Он осторожно ответил:

– Остин не арестован. Но... – Он красноречиво пожал плечами.

Пенни часто задышала:

– Он не мог иметь никакого отношения к смерти Лесли.

Лоуренс опустил плечи:

– Я расскажу вам, что мы обнаружили. Можете судить сами.

Он начал описывать события предыдущего дня. Пенни внимательно слушала.

– Таким образом, вы видите, – закончил он, – если то, что говорит Дензил, верно, мы, кажется, доказали, что никто не мог взять револьвер после того, как Остин положил его. А это означает... – он не договорил.

Пенни нахмурилась:

– Но... – Она закусила губу, а затем медленно произнесла: – Если то, что говорит Дензил, верно... Но почему Дуглас не солгал? Вы же знаете, насколько скользким он может быть.

– Остин не отрицает, что трогал револьвер, – ответил Лоуренс.

– Но у вас есть только слово Дугласа, что Лесли вошла в «вестибюль» сразу после Джека.

– Верно, – согласился Олджи. – Но мы поговорили с ассистенткой режиссера и проверили расписание и партитуру. Мы знаем, когда Остин вернулся за пульт, знаем, когда Лесли сделала последний выход. Времена почти совпадают.

Девушка стала горячиться:

– Все равно: Дугласу верить нельзя... – Она замолчала и, казалось, задумалась: – Если его история верна, почему он не рассказал все это раньше?

– О! – Лоуренс сонно усмехнулся. – Этот вопрос я и сам задавал. Дензил не стал объяснять. Но я считаю, что знаю ответ.

– Да?

Лоуренс соединил кончики пальцев:

– Однажды он заявил, что не питает особых чувств к Лесли Кристофер. Ее смерть его не волновала. Он не стал бы защищать ее убийцу. Но... – он махнул рукой, – Дензил – хитрый парень. И лицемер. Согласны?

Пенни кивнула.

Лоуренс медленно продолжил:

– У него было две цели. Нужно было забрать у Майкла Трента главную роль в «Последнем трофее». Вторая... гм...

Глаза Пенни вспыхнули.

– Я понимаю, что вы имеете в виду, – важно заявила она.

Лоуренс засмеялся:

– Хорошо. Теперь моя теория. Дензила не волновало, кто убил Лесли Кристофер. Но он хотел использовать ее смерть для собственных планов.

Пенни нахмурилась:

– Он надеялся, что Майкл может допить до того, что лишится роли. А затем, после того, как Лесли умерла...

– Он сказал вам, что Майкла арестуют. Он просто принял желаемое за действительное. Я объяснил ему, что Майкл вне опасности. Но Дензил был настроен выбить Трента из игры, даже если придется обвинить его в убийстве. Таким образом, он ничего не сказал о помощнике режиссера. Но рассказал полиции о той небольшой сцене в уборной Майкла...

– Когда Лесли застала нас.

– Да. Дензил прилагал все усилия, чтобы у нас появились подозрения. Ему не нужно было, чтобы Трента повесили... – При этих его словах Пенни вздохнула, –...но он хотел, чтобы его арестовали. Он жаждал главной роли. Дензил собирался стать новой звездой, – сардонически закончил Лоуренс.

– Продолжайте, – попросила Пенни.

– Вы знаете, что произошло потом. Кто-то ворвался в театр и украл свидетельство о браке Лесли. Майкла забрали в Ярд. Дуглас оказался обладателем свидетельства. Он использовал его в попытке достичь второй цели. Пошел к вам... – Лоуренс сделал изящную паузу.

Пенни улыбнулась:

– Не нужно уточнять. Мы знаем, что было у него на уме.

– Знаем, – согласился Олджи. – Хорошо. Вы отшили его. Но он, вероятно, утешал себя тем, что новость о секретном браке Лесли решит исход дела против Майкла Трента.

– Так и было бы, – горячо воскликнула Пенни, – если бы не вы!

– Возможно. – Лоуренс пожал плечами. – Так или иначе, Касл не смог найти щель в алиби Майкла. Схема Дензила развалилась. Он понял это...

– Майкл преподавал ему урок, – перебила девушка, и в голосе ее слышалось удовлетворение, а не сочувствие.

Лоуренс кивнул:

– Я видел глаз Дензила. – Он продолжил: – Дуглас оказался неспособен лишить Майкла главной роли. Его также расстроила... гм... неудача с вами. У него хватило ума принять поражение. Таким образом, больше не было никаких оснований держать поступки Остина в секрете... И хотя безжалостное стремление к поставленным целям, возможно, ослепило его, он все-таки знал, что скрывает важные улики. Он не хотел становиться соучастником и поэтому, когда узнал, что мы вышли на след помрежа...

– Как он это узнал?

Лоуренс усмехнулся:

– Дуглас видит себя сыщиком-любителем. Я поощрял его. Его чувство драмы сделало остальное. – Олджи потер щеку. – Возможно также, пробудилась совесть. Но, безотносительно его побуждений, можно быть уверенным: он, наконец, сказал правду.

Пенни прикусила губу.

– Даже в этом случае, – возразила она, – я не могу поверить, что Джек – убийца.

– Улики упрямы, – просто сказал Лоуренс. – Затем он неохотно улыбнулся: – Но я думаю, он невиновен.

Пенни облегченно вздохнула.

– Почему? – с надеждой спросила она.

Лоуренс замялся и медленно произнес:

– Что ж. Я помню замечание Остина, сделанное после того, как я показал ему, как умерла Лесли. Я сказал, что кто-то вынул холостые патроны из револьвера до того, как Лесли вынесла его на сцену. Остин начал: «Но я...» – и затем остановился. Я думаю, он собирался сказать: «Но я сам проверил его за несколько минут до того, как она его взяла». Это слова невинного человека.

Пенни выглядела разочарованной:

– Это только догадки.

– Верно. Но есть кое-что еще... Остин не знал, что Дензил видел, как он входил в «вестибюль». Это – очко в его пользу. Как невинный человек, помощник режиссера сконцентрировался только на профессиональных обязанностях: он думал только о работе – осмотре оружия. У него не было никаких причин скрываться или прятать свои действия. Но виновный человек, готовящий убийство...

– Был бы начеку! – воскликнула Пенни.

Олджи кивнул:

– Остин огляделся бы, чтобы проверить, не наблюдают ли за ним. Он не стал бы манипулировать револьвером, если бы знал, что имеется свидетель, и он заметил бы Дензила.

– Но это доказывает... – начала Пенни.

– Это ничего не доказывает, – спокойно возразил Лоуренс. Старший инспектор не станет слушать подобные аргументы. Ему нужны факты.

– Факты! – презрительно повторила девушка.

Лоуренс опустил голову:

– Помощник режиссера был последним человеком, кто трогал револьвер, прежде чем Лесли вынесла его на сцену. Остин говорит, что он был заряжен холостыми. Если это правда... – Он красноречиво развел руками.

– Это правда! – упрямо заявила Пенни и тихо добавила: – Раз Джек так утверждает.

Лоуренс пожал плечами:

– Тогда как попали в револьвер боевые патроны? Черной магией?

Пенни сжала ладони. Затем с вызовом произнесла:

– Вы же не боитесь невозможных преступлений! Вам они встречались и раньше.

– Я не могу просить, чтобы Касл рассматривал это убийство как «чудо». У него есть свое объяснение.

– Но...

Лоуренс решительно возразил:

– Вы должны обозначить проблему, прежде чем ее решать.

– Понятно. – Глаза Пенни погасли. Затем она спросила: – Что же произойдет теперь?

Лоуренс задумчиво ущипнул мочку уха:

– Дознание завтра. Касл представит свои доказательства коронеру, и жюри присяжных вынесет приговор. Это может быть убийство неизвестным лицом или лицами. Или...

– Могут обвинить Джека Остина. – Голос Пенни задрожал.

– Да, – подтвердил Лоуренс.

Пенни подняла на него взгляд и решительно заявила:

– Еще не слишком поздно. Мы все еще сможем его спасти.

– Как?

Пенни не дала прямого ответа, а лишь пробормотала:

– Однажды я доверилась вам. И вы попросили, чтобы я сделала то, что вы велели, не задавая вопросов.

– Да.

– Теперь я прошу у вас того же.

Лоуренс вздохнул.

– Очень хорошо.

– Вы имеете влияние на полицию. – Голос девушки звучал спокойно и четко. – Они не станут возражать. Я хочу, чтобы вы собрали всю трупку.

– ...?

– Да. – Взгляд Пенни был мрачен. – Я знаю каждое слово, каждый жест роли Лесли. Я сыграю Мэрилин. И сего-

дня вечером в «Янусе» мы поставим третий акт «Последнего трофея»!

– Но...

– Вы обещали не задавать вопросов, – напомнила девушка.

– Да, но...

– Я не могу объяснить сейчас, – быстро продолжала Пенни. – Но обещаю: если вы сделаете, как я говорю, я смогу очистить имя Джека и... сформулировать вашу проблему.

Она смело встретила его пристальный взгляд.

Лоуренс чувствовал, как сердце быстро забилося. Затем он рассмеялся и направился к телефону:

– Вы победили, Пенни. Я звоню Стиву.

Она тепло улыбнулась в ответ.

Лоуренс остановился с трубкой в руке и улыбнулся ей кривой улыбкой.

В ее глазах зажглись озорные искорки:

– О чем вы думаете?

– О том, что мне хотелось бы расцеловать вас.

– Целуйте, если хотите, – спокойно ответила девушка. – Но это ничего не будет означать. Ведь так?

Он печально рассмеялся:

– Для вас? Нет. Ну ладно...

Со вздохом он занялся телефоном.

ГЛАВА 26

Старший инспектор и его молодой друг спешили через сгущающийся сумрак в театр «Янус».

– Не понимаю, что вы надеетесь доказать этой реконструкцией, – механически проворчал Касл.

– Это идея Пенни, не моя, – возразил Лоуренс.

Касл недоверчиво посмотрел на него:

– Вот этого не надо. Держу пари, у вас свои планы.

– Нет, – возразил Олджи. – Я жду, что скажет Пенни. Но я рад, что она хочет воспроизвести преступление. Это может дать мне намек.

Касл продолжил старый спор:

– Вы гонитесь за миражами. Не можете принять простого объяснения. Предпочитаете охотиться на безликого призрака, специалиста в черной магии, который способен превратить холостые патроны в боевые, не касаясь оружия. – Он высокомерно фыркнул.

Лоуренс спокойно ответил:

– Я не могу принять вашего простого объяснения, потому что не считаю Остина виновным.

– Он должен быть виновным, – настаивал Касл. – Это никакое не «чудесное» убийство. Просто импульсивное преступление ревнивого и расстроенного человека.

– Нет, Стив. Это не так. Это хладнокровное, запланированное, предумышленное преступление. Карточки с «Паддингтонской ярмаркой» это доказывают.

Касл зарычал, как собака, у которой отняли кость. Лоуренс продолжал:

– Не знаю, кто убил Лесли Кристофер. Но, – он посту-
чал пальцем по лбу, – в голове начинает складываться
картина. Еще темная и расплывчатая. Но скоро, – его голос
окреп, – я узнаю чьи-то черты.

– А тем временем... – проворчал Касл.

Олджи оживился:

– Тем временем я могу очертить некие контуры.

– Я слушаю, – пристальный взгляд Касла стал жестче.

– Человек, которого мы ищем, – очень специфический
убийца: мужчина с извращенным умом. Он находится в
стороне и позволяет делать грязную работу другим.

Касл осторожно кивнул:

– И что?

– Он также хорошо знаком с прошлым жертвы. Он знал
все об участии Лесли в грабеже и ее отношениях с Майк-
лом Трентом – если воровство свидетельства что-то зна-
чит. Он знал о Ричарде Мервене...

– Ха?

– Кто-то послал Мервену ее фотографию. Возможно, ина-
че он никогда ее не нашел бы.

– Думаете... – Глаза Касла загорелись. – О Боже! – пробормо-
тал он. – Есть только один человек, который соответ-
ствует описанию. И это – Майкл Трент.

Лоуренс укоризненно покачал головой:

– Не спешите с выводами, Стив. Вы забыли...

– Да?

– Саму Лесли!

– А? – От удивления Касл даже открыл рот.

Лоуренс усмехнулся:

– Это только предположение. Но вполне себе рабочая
гипотеза. Давайте предположим, что у Лесли был некий
доверенный человек – мужчина, с которым у нее, возмож-
но, был роман. В какой-то момент по неосторожности она
что-то сболтнула о своем прошлом. Мужчина это запомнил.

По каким-то причинам позже он решил, что она должна умереть. Но он не хотел убивать ее сам – о, нет! Ему нужен был кто-то, выполнивший роль орудия. Он подумал о Мервене и принялся за работу. У него были терпение, хитрость и ум. Он выяснил про грабеж. Прочел подшивки старых газет...

– И нашел мое имя! – В голосе Касла послышался интерес.

– И вашу бывшую должность детектива-инспектора, – кивнул Лоуренс. – Он выследил Мервена после выхода того из тюрьмы. Это было нетрудно сделать – возможно, он нанял частного детектива. Он, конечно, ставил на то, что Мервен обуреваем жадой мести. Он был очень осторожен и не приближался к нему сам – это испортило бы всю игру, – но послал фотографию, чтобы навести Мервена на след Лесли. Когда тот начал преследовать ее, наш неизвестный друг, должно быть, потирал руки от радости.

Но Мервен был слишком медлительным. Казалось, он не помышлял об убийстве. Наш неизвестный друг был разочарован.

Тогда он начал искать другое орудие. Хорошим кандидатом оказался Майкл Трент, поскольку когда Лесли умрет от руки нашего друга, актера почти наверняка заподозрят в убийстве.

Касл почувствовал неловкость.

Лоуренс спокойно продолжал:

– Наш человек обнаружил, что Мервен заказал ложу на дневной спектакль в субботу. Таким образом, он выбрал эту дату для убийства.

– Еще один отвлекающий маневр?

– Да. Лесли умрет, а Мервена найдут в зале. Любому детективу простительно перепутать в этом случае причину и следствие.

– Если Мервена узнают, – проворчал Касл.

– Об этом позаботятся карточки с «Паддингтонской ярмаркой». Одну послали Лесли, чтобы подкрепить теорию мести, а другую – вам, причем будто бы от Ричарда Мервена.

– Она не была подписана, – возразил Касл.

– Это было бы слишком очевидно. Наш неизвестный действует тонко. Он адресует карточку детективу-инспектору Каслу и отправляет ее неподалеку от жилья Мервена.

– В районе S.E.1. О Боже! – Старший инспектор тяжело задышал.

Лоуренс кивнул:

– Он, вероятно, посчитал, что вы узнаете Мервена в ложе. А затем, после стрельбы, вы будете слишком заняты, обвиняя или Мервена, или Трента, или обоих, чтобы беспокоиться о ком-то еще за сценой.

Касл пробормотал какое-то проклятье.

Лоуренс сделал паузу и продолжил:

– Сила этого плана заключается в безопасности, которую он дал настоящему преступнику: тот находился в счастли-
вом положении кукловода, одинокого и невидимого, который дергает за ниточки, привязанные к марионеткам. Причем марионетки даже не знают, что их используют.

– Не нужно метафор! – огрызнулся Касл.

Лоуренс невозмутимо продолжал:

– Запоздалое покушение Мервена на жизнь Лесли усложнило ситуацию, но по сути ничего не изменило. Как и мы, наш неизвестный, возможно, поначалу не знал, от чьей руки фактически умерла девушка. Но результат: она мертва после его манипуляций. Поэтому он обрезает нити...

– И оставляет кукол на наше попечение. – В голосе старшего инспектора слышался сарказм. – Вы убедительны. Но я не убежден.

Два друга достигли театра «Янус». Снаружи стоял констебль. Ответив на его приветствие, Касл прошел в фойе. Лоуренс последовал за ним.

– Вы не пытались объяснить участие Остина в этом деле, – заметил Касл.

– Оно может объясниться само собой.

– Возможно, – мрачно проворчал старший инспектор.

Лоуренс загадочно улыбнулся.

Касл возобновил атаку:

– В вашей теории есть и другой недостаток.

Лоуренс притормозил около театральной кассы:

– Да?

– Вы сказали, убийца знал, что Мервен придет на дневной спектакль в субботу.

– Да. – Лоуренс прислонился к билетной кассе.

– Но Мервен не кричал на всех углах о своих планах. Как наш человек мог их узнать?

Лоуренс улыбнулся:

– Я попросил вас задать Мервену два вопроса. Вы забыли его ответ на второй?

Стивен Касл задумался:

– Нет. Это было...

– Старший инспектор!

Касл повернулся и увидел позади себя Виктора Фрайерна. Директор только что вышел из своего кабинета. Фрайерн выглядел сломленным: казалось, он внезапно составил.

Касл сочувственно посмотрел на него:

– Здравствуйте, сэр. Все готово?

– Да. – Фрайерн говорил с усилием. – Труппа собрана. Но... Он сглотнул.

Брови Касла взлетели:

– Но что?

Директор склонил сидящую голову:

– Эта реконструкция... она действительно служит какой-то реальной цели? Все выглядит так ужасно...

Касл скривил губы, а Лоуренс осторожно заметил:

– Мы считаем, это поможет найти убийцу Лесли.

Губы Фрайерна сжались:

– Только это и имеет значение, конечно. – Он расправил плечи. – Очень хорошо, джентльмены. Я сделаю все возможное, чтобы помочь вам.

– Спасибо. – На уверенном лице Касла не видно было и следа недавнего беспокойства. – А теперь...

Лоуренс обратился к другу:

– Стив, вы хотели организовать все за кулисами. А мы с мистером Фрайерном, – он улыбнулся директору, – пройдем в зал.

– Да, – кивнул старший инспектор. Он махнул мясистой ладонью: – Я знаю, где проход на сцену. – Оставив их в фойе, он направился вверх по лестнице в бельэтаж. Лоуренс с Фрайерном пошли ко входу в партер.

Зал имел несколько призрачный и заброшенный вид. Пылезащитные чехлы закрывали кресла, словно саваны покойников.

Лоуренс постарался отогнать эту мысль. Он прошел по центральному проходу к сцене.

Занавес был поднят. Сама сцена освещалась лишь одним рабочим прожектором. На сцене находилось два человека. Из-за того, что источник света находился несколько позади них, из зала они выглядели темными размазанными силуэтами. Затем они сделали несколько шагов назад и обрели очертания и объем.

Труди Энн говорила своим звонким, чистеньким голоском:

– Но Дуглас, я не могу понять, для чего это все.

Дензил насмешливо улыбнулся.

– Ангелочек, ты должна воспользоваться своей прекрасной головкой. Догберри и его помощник решили повторить Барда.

Девушка уставилась на него большими глазами:

– Что?

– Гамлет. Второй акт, сцена два, – пояснил Дензил и процитировал:

*«Гм, я слышал,
Что иногда преступники в театре
Бывали под воздействием игры
Так глубоко потрясены, что тут же
Свои провозглашали злодеянья;
Убийство, хоть и немо...»*

– «...говорит чудесным языком»,¹¹ – закончил Олджи Лоуренс и тихо добавил: – Я никогда не понимал до конца, что это значит.

Дензил повернулся к нему:

– Это – Шекспир, – саркастически заметил он. – Это не обязано что-то значить.

Лоуренс с Фрайерном тем временем подошли к оркестровой яме. Директор нахмурился:

– Не фиглярничайте, Дензил. Это – серьезное дело.

– Простите, – сказал Дуглас без намека на раскаяние. – Я просто объяснял Труди Энн наиболее вероятную причину нашего присутствия здесь сегодня.

Лоуренс улыбнулся:

– Согласен, – пробормотал он, – что пьеса – главное. Но не следует думать, что мы здесь, чтобы сыграть на совести короля.

Дензил улыбнулся с циничным недоверием.

– А я, – с несчастным видом объявила Труди Энн, – вообще не понимаю, о чем вы говорите.

Дензил послал ей воздушный поцелуй.

Виктор Фрайерн резко сказал:

– Мы готовы начинать. Только скомандуйте.

---

¹¹ Цитируется в переводе М.Л. Лозинского.

Лоуренс кивнул:

– Спасибо. Скоро к нам присоединится старший инспектор.

Они ждали молча. Лоуренс с внутренним удовлетворением отметил, что Дензил выглядит не таким самодовольным, как раньше; ему, казалось, было трудно поддерживать позу сардонического, удивленного наблюдателя. Даже Труд Энн казалась более подавленной и менее оживленной, чем обычно.

Из кулис появился старший инспектор. За ним показались Майкл и Пенни. Как и Дуглас с Труд Энн, они были полностью заgrimированы.

Олджи не обратил на Пенни особого внимания. Роль, которую она негласно играла, должна была оставаться тайной до окончания реконструкции.

Касл протопал к рампе.

– Я расставил своих парней, – проворчал он. – А теперь, – он засунул руки в плащ, – вам слово.

Лоуренс кивнул:

– Хорошо, Стив. – Он повысил голос: – Мистер Остин! Мисс Мерритт! Пожалуйста, выйдите на сцену!

Помощник режиссера и его ассистентка, бледные и неловкие, вышли со стороны пульта. В руке Остин сжимал револьвер «Уэбли & Скотт» калибра 32.

Труд Энн глубоко вздохнула. Ее прекрасные зубки на мгновение впились в полную нижнюю губу.

Лоуренс спокойно пояснил:

– Старший инспектор принес револьвер для этого эксперимента. Но нет никаких причин для волнений. Все тесты закончены. И теперь револьвер заряжен безопасными холостыми патронами.

– Это так, – хрипло подтвердил Остин.

Джун Мерритт молчала, но ее пухлое лицо выражало беспокойство.

Лоуренс огляделся:

– Хорошо! Итак, вы, вероятно, знаете, что происходит за кулисами. Собраны актеры и служащие театра. Все находятся на своих местах: швейцар, реквизитор, костюмеры... – он взмахнул рукой, – все!

Касл согласно кивнул:

– Все получили инструкции.

– Да, – продолжал Лоуренс. – В то время, как вы воспроизведете третий акт пьесы, ваши коллеги повторяют свои действия за кулисами. Итак, мы переводим часы назад на прошлую субботу.

Дензил засмеялся:

– Все будут сотрудничать...

– Мы на это рассчитываем.

– ... кроме убийцы, – злобно закончил Дуглас.

Лоуренс спокойно улыбнулся ему:

– Старший инспектор разместил своих парней в стратегических местах за кулисами. Они будут наблюдать. И ждать...

Фрайерн резко вздрогнул. Олджи продолжал:

– Здесь, на сцене, ситуация несколько иная. Мистер Трент и мистер Дензил играют свои оригинальные роли. Что касается леди... – Он протянул руку. – Лесли Кристофер мертва. Ее роль будет играть мисс Валентайн, а роль мисс Валентайн, – он слегка поклонился, – Трудни Энн. К счастью, персонаж, первоначально исполняемый Трудни Энн, в этой сцене не участвует...

– Я думаю, – кокетливо сказала эта молодая особа, – мистер Виндзор совершил здесь большую ошибку.

– Тише, детка, – усмехнулся Дензил. Он взял ее ладонь и похлопал по ней.

– Итак, – закончил Лоуренс, – никаких проблем не возникнет. Хорошо! Мы готовы начать. Мистер Остин, можете повесить револьвер на «стену» вестибюля...

Позади в проходе раздались шаги. Лоуренс увидел, как улыбка Труды Энн расширилась и засияла во всем блеске, и понял причину.

К ним бодро шагал Герберт Виндзор. На драматурге были замшевые туфли, вельветовые брюки, и просторное полупальто. Взъерошенные волосы закрывал заливчатски сдвинутый хомбург.

– Привет всей компании! – махнул он рукой.

– Привет, котик! – ответила Труды Энн тоном собственности.

Виндзор смотрел на нее с явным восхищением:

– Свет моей жизни, – объявил он, – вы очаровательны. В этом наряде вы смогли бы совратить даже отшельника.

Труды Энн скромно потупила глазки:

– Вы вряд ли в этом разбираетесь.

Дуглас Дензил решил вмешаться и недовольно заметил:

– Этот диалог может быть очень занятным. Но едва ли относится к делу.

– Это так, – кивнул Виндзор снисходительным тоном. – Но я еще не знаю, в чем состоит это «дело». – Он обратился к старшему инспектору: – Я повиновался вашему приказу. Могу я теперь узнать, зачем вы меня вызвали в театр?

Касл показал рукой на друга:

– Это ваше шоу, Олджи, – проворчал он. – Вы и объясняйте.

Лоуренс кивнул:

– Мы повторно играем третий акт из «Последнего трофея». Просто эксперимент. Но мы надеемся, что это может помочь нам разгадать тайну смерти Лесли Кристофер. Поэтому мы пригласили все заинтересованные стороны. Вы, как автор...

– Понятно. – Виндзор снял шляпу и задумчиво смял ее. – Но...

– Да?

– Я слежу за расследованием. Я думал, что вам известна личность человека, – Виндзор старался не смотреть на Остина, – который поместил в револьвер боевые патроны.

Помощник режиссера побледнел.

Лоуренс покачал головой:

– В этом-то и вся проблема! Возможно, мы слишком озаботились вопросом возможности. Но что она такое без мотива?

Виндзор чуть прищурился:

– Продолжайте.

Лоуренс рассуждал вслух:

– У человека с лучшей возможностью – самый слабый мотив. – От него не укрылось облегчение на лице Остина. Он продолжал: – Есть и другие, у которых более непосредственный интерес в устранении Лесли со сцены.

– Вы имеете в виду...

– Я имею в виду, – сказал Лоуренс, – мы, возможно, сделали серьезную ошибку, допустив, что убийца хотел, чтобы Лесли умерла!

– Что? – проревел Касл.

Лоуренс виновато улыбнулся:

– Это – новая линия, Стив. И сам я, возможно, никогда до нее не додумался бы. – Он послал Пенни мимолетную улыбку, признавая ее помощь. – Убийца использовал Майкла Трента в качестве своего орудия. Это обеспечивало ему личную безопасность. Но кроме того, это делало само преступление слишком рискованным. Пуля, которую так невольно выпустил Трент, могла не поразить жизненно важный орган, и Лесли могла не умереть.

– Но она почти наверняка была бы ранена, – нетерпеливо вмешался Виндзор.

– Да. И даже незначительная рана не дала бы ей участвовать в спектаклях.

– О, Боже! – пробормотал Трент.

Он положил ладонь на руку Пенни и сжал ее в защитном жесте. Она ответила печальной многозначительной улыбкой.

Лоуренс продолжал:

– Возможно, это вполне удовлетворило бы нашего неизвестного. Его... или ее... возможно, не заботило, жива Лесли или нет, лишь бы она не могла играть Мэрилин.

Дуглас Дензил спокойно заметил:

– Пенни, моя конфетка. Ваш защитник повернулся против вас.

Лоуренс невозмутимо продолжал:

– Верно, что мисс Валентайн была дублершей Лесли. И она, конечно, получила бы главную роль. Но собственная роль Пенни была достаточно хорошей, и удаление Лесли также открывало дорогу к роли мисс Валентайн.

Дензил рассмеялся:

– Он имеет в виду тебя, Трудि Энн.

– Послушай, Дуглас, ты свинья, – сказала Трудि Энн, скорее развеселившаяся, чем огорченная. С обезоруживающей улыбкой она посмотрела на Олджи Лоуренса: – Верно, я хотела играть вторую ведущую партию. Но я не убила бы Лесли или Пенни, чтобы получить ее.

– Вот уж спасибо, дорогая, – сказала Пенни с легким смехом.

– Но я серьезно! – обиделась Труди Энн.

– Я в этом уверен, – улыбнулся ей Лоуренс. – И вы – не единственная подозреваемая. Смерть Лесли запустила своего рода цепную реакцию, которая почти привела к аресту Майкла Трента.

– Что, – мстительно пояснил Герберт Виндзор, – вывели бы его из участников пьесы. Гм! Вы же – дублер Майкла, разве не так, Дуглас?

Дензил сердито вспыхнул:

– Послушайте... – но замолчал и заставил себя рассмеяться. Совершенно спокойно он заметил: – Все это смешно. Если продолжить логику, вы станете подозревать и моего дублера, а он вообще не фигурирует в деле.

Лоуренс дружелюбно сказал:

– Я просто предложил линию расследования. Но теперь мы можем оставить теорию и перейти к эксперименту. Давайте начнем работать.

Ответом ему был общий вздох облегчения. Касл исчез в кулисах. Виктор Фрайерн уселся в первом ряду партера. Виндзор хотел последовать за ним, но Лоуренс удержал его за руку:

– У меня есть для вас роль, – дружески предложил он.

– А? Я не актер.

– Не имеет значения. Идите со мной.

Лоуренс повел Виндзора из партера в коридор, ведущий к ложе у сцены на пультовой стороне.

– Это ложа, которую занимал Ричард Мервен.

– Мервен? Тот парень, который выстрелил в беднягу Лесли.

– Да. – Лоуренс открыл дверь. – Но он не попал в нее, а поразил медведя. Можете видеть, куда.

Виндзор вошел в ложу и уставился на сцену:

– Вижу, что у медведя из пасти торчит что-то вроде зубочистки.

Лоуренс улыбнулся:

– Мы вычислили угол полета пули и отметили траекторию бечевкой. Но сегодня вечером пришлось ее снять, чтобы актеры могли свободно ходить по сцене. Поэтому мы вставили прут, чтобы видеть место выстрела. Эта палочка представляет точный путь пули, как она вошла в голову медведя.

– О! – Виндзор задумался. – И что я, как предполагается, должен делать?

– Ничего. – Тон Лоуренса был абсолютно легкомысленным. – Мервен находится в тюрьме. Вы – его дублер.

– Что? Вы хотите, чтобы я выпалил отсюда в Пенни?

– В этом нет необходимости. Просто сидите здесь. И наблюдайте.

Он осторожно закрыл за собой дверь, оставив Виндзора одного, а затем взглянул вдоль коридора.

Спиной к выходным дверям стоял полицейский. Лоуренс сделал ему знак. Констебль понимающе кивнул и бесшумно двинулся к нему. Лоуренс поставил его на новый пост у дверей ложи.

Вернувшись в зал, Олджи увидел, что старший инспектор уже сидит в кресле, которое занимал в фатальный день. Лоуренс сел рядом:

– Вот мы и снова вместе, – пробормотал он.

– Жаль, что я не знаю, что у вас на уме, – проворчал Касл.

– Мне тоже.

Касл подавил недовольное восклицание. Громким голосом он скомандовал:

– Мистер Остин! Мы готовы.

Помощник режиссера нервно ломал пальцы. Но он быстро вошел в роль. Встав спиной к рампе (занавес не опускали), он оглядел сцену, в последний раз проверяя, все ли в порядке. Затем прошел к пульту.

Раздался его негромкий голос:

– Прошу посторонних очистить сцену!

Затем:

– Приготовиться!

И наконец:

– Занавес!

Последнее действие началось.

ГЛАВА 27

Лоуренс уныло смотрел на сцену. Он чувствовал смутное недовольство и страх. Словно он привел в движение силы, которые вышли из-под контроля. Тем не менее, он решительно заставил себя сосредоточиться на игре.

«Мы переводим часы назад на прошедшую субботу». Его же собственные слова вернулись с пугающей силой: он почти поверил, что так и произошло.

Надев точную копию костюма мертвой девушки, Пенни Валентайн вернула к жизни и Мэрилин, и Лесли. Каждое слово, каждый жест – были Лесли. Лоуренс знал, что это совершенно нормально: дублер всегда должен играть в стиле того, кого заменяет. Однако, иллюзия оказалась пугающей.

Он быстро взглянул направо от себя. Виктор Фрайерн наклонился вперед. Лицо директора было белым, а рука на колене сжалась в кулак. Дышал он порывисто и с трудом.

Действие продолжалось...

Труди Энн ушла за кулисы на противоположной стороне, оставив Майкла Трента на сцене одного.

Лоуренс напрягся. Наступал кульминационный момент.

Двойные двери открылись. Из «вестибюля» вышла Пенни с револьвером в руке.

Лоуренс почувствовал, как горло сжалось. Он смотрел на актеров, едва отваживаясь дышать.

В последнем диалоге Майкл и Пенни превзошли себя. Их игра была безупречна.

Мэрилин стала угрожать Регану револьвером. Тогда он захватил ее запястье, и началась борьба за оружие. Реган

вывернул ей руку, затем медленно отошел, направив на нее револьвер.

– А теперь моя очередь, крошка!

Она захныкала и отступила. Чучело медведя позади нее, казалось, гостеприимно развело лапы. Вновь Лоуренс, словно загипнотизированный, смотрел, как Трент взвел курок револьвера и тщательно прицелился.

Пятки Лесли уперлись в возвышение, и она, казалось, застыла почти в объятьях жуткого животного. Она смотрела на оружие в руке Трента.

– Нет... – прошептала она.

Лоуренс проследил ее взгляд. Трент натянуто улыбался. Его палец готов был нажать спусковой крючок...

Кто-то двинулся в ложе позади. Герберт Виндзор оперся кулаками на барьер. Его глаза горели зеленым светом, как у кошки.

Взгляд Лоуренса вернулся к девушке. Пруток в пасти медведя выступал слегка над головой Пенни и, как осуждающий перст, указывал на драматурга...

Сжатые кулаки разошлись. В ладони Виндзора блеснуло что-то металлическое...

Лоуренс приподнялся в кресле. Изо рта уже готов был сорваться предостерегающий крик, но его заглушил внезапный ужасный звук револьвера Трента.

Тело Пенни дернулось. Она качнулась сначала назад, а затем вперед... и упала на пол.

Медленно стал опускаться занавес...

– Олджи!

В голосе старшего инспектора слышалась тревога.

Не было никакого затемнения, и в свете рамп он увидел, как его молодой друг вскочил и бросился к ложе на пультовой стороне.

Лоуренс двигался машинально. Его гнал страх.

Он проскочил мимо Виктора Фрайерна и перелез через низкое ограждение оркестровой ямы. Еще шаг – и он уложи. Положив руки на барьер, Олджи подтянулся и перевалился внутрь. Он налетел на стул и упал.

Виндзор в испуге отскочил:

– Что такое?..

Ошеломленный действиями Лоуренса, он прижался спиной к стене. Металлический предмет выпал у него из руки на ковер.

Лоуренс быстро схватил его. По форме он напоминал миниатюрный пистолет...

Олджи поднялся на ноги, его грудь тяжело вздымалась.

Сзади раздался голос:

– Мистер Лоуренс! Что...

– Все в порядке, мистер Фрайерн, – устало ответил Олджи. – Все уже кончено.

Директор заглянул в ложу. Его пристальный взгляд остановился на кулаке Лоуренса.

– Ч-что это у вас в руке?

– Похоже на оружие, – ответил Олджи.

К Виндзору вернулось самообладание. В глазах появилось удивление и понимание. Он заговорил, растягивая слова:

– Да, по форме это – пистолет. Но его содержимое не смертельно. О, позвольте мне!

Он взял предмет из руки Лоуренса и нажал на курок... Из ствола выскочила сигарета.

Олджи тупо уставился на нее.

Виндзор улыбнулся:

– У меня слабость к таким игрушкам.

К Лоуренсу вернулся дар речи:

– И к мелодрамам.

Драматург улыбнулся еще шире:

– Я просто вошел в роль дублера Мервена. Портсигар оказался полезным. – Улыбка стала шире. – Однако, я не ожидал, что вы исполните свою роль с такой точностью. Вы же... играли? Или действительно поверили...

Он посмотрел на «оружие» и рассмеялся.

Лоуренс вспыхнул:

– Всё, со мной покончено!

Спокойный голос произнес его имя. Он повернулся.

Занавес вновь подняли. Пенни Валентайн, живая и невредимая, довольно улыбалась. Она взяла револьвер «Уэбли & Скотт» из рук Трента, подошла к краю сцены и протянула оружие:

– Возьмите, Олджи. Он вам понадобится. – Затем вполголоса быстро произнесла: – Приходите в мою уборную. И приводите старшего инспектора.

Лоуренс взглянул в ее сияющие глаза и понял, что эксперимент удался.

Когда они добрались до уборной, девушка уже переоделась в халат. Кроме того, она уже сняла большую часть грима. Кожа казалась почти прозрачной. Девушка светилась внутренним волнением и выглядела очень красивой.

Лоуренс серьезно посмотрел на нее. В ответ она счастливо улыбнулась:

– Пожалуйста, входите.

В комнате находилась Мэгги Бойд. Старший инспектор Касл взглядом указал на нее.

Пенни взяла из рук пухлой женщины маленькое полотенце и вежливо сказала:

– Спасибо, Мэгги. А теперь будь другом, оставь нас одних.

Мэгги подозрительно оглядела мужчин и фыркнула:

– Очень хорошо, моя дорогая. Но крикните меня, если понадобится.

Она вышла из комнаты, пожимая пухлыми плечами. Когда дверь закрылась, Лоуренс заговорил необычно формальным тоном:

– Ваша трактовка Мэрилин превосходна!

– Спасибо, – улыбнулась Пенни. – Но вы пришли сюда не для того, чтобы обсуждать мою игру.

– У вас есть что сказать нам? – с надеждой спросил Касл.

– Думаю, да. – Пенни бросила полотенце на туалетный столик и изучила себя в зеркале. – Но сначала вы должны ответить на несколько вопросов. Я...

Кто-то постучал в дверь. Она открылась и показался Майкл Трент.

Пенни повернулась к нему и улыбнулась:

– Входи, Майкл. Тебя это тоже касается.

Лоуренс и Касл обменялись взглядами. Рукой старший инспектор показал, что не возражает.

Трент пересек комнату и обнял плечи Пенни:

– Дорогая, ты была великолепна!

Она погладила его пальцы и рассмеялась:

– Садись, любовь моя. Это – серьезное дело. – Она успокоилась. – Оно может означать оправдание Джека.

Трое мужчин взглянули на нее с гораздо большим интересом. Лоуренс нарушил молчание:

– Продолжайте.

Пенни медленно произнесла:

– Вы видели, как Майкл и Лесли играли эту сцену. И вы видели, как мы играли ее сегодня. Действительно ли эти интерпретации тождественны?

Лоуренс согласно кивнул:

– Каждое движение, каждое действие было таким же.

– Хорошо. – Пенни казалась довольной. – А теперь подумайте о револьвере. Я взяла его со «стены» вестибюля...

Лоуренс спокойно продолжил:

– Вы угрожали Майклу. Он захватил ваше запястье и вывернул револьвер из вашей руки. Он отступил, взвел курок и выстрелил.

– Как в прошлую субботу?

– В точности.

Пенни глубоко вздохнула. Тон голоса изменился:

– А теперь подумайте хорошенько. Вспомните день, когда Лесли умерла. Можете ли вы поклясться...

Она замялась.

– Да? – подбодрил ее Лоуренс.

Она быстро закончила:

– ...поклясться, что револьвер, из которого он стрелял, был тем же самым, что он отнял у Лесли?

– Что!

– Если открытым текстом, – сказала девушка, – мог он спрятать револьвер, который взял у Лесли, и выстрелить вместо него из другого, заряженного боевыми патронами?

– Пенни! – В голосе Майкла слышалось удивление и укоризна.

– Доверься мне, Майкл. Пожалуйста... Ну, Олджи? Каков ваш ответ?

Лоуренс широко улыбнулся. Он переадресовал вопрос Каслу:

– Скажите ей, Стив.

Старший инспектор медленно обдумал вопрос. Затем печально покачал головой.

– Жаль, очень хотелось бы сказать «да»! Но не могу.

– Согласен, – кивнул Лоуренс. – Как и остальная часть зрительного зала, я внимательно наблюдал их борьбу. И теперь... да, вся картина у меня перед глазами. Майкл взял револьвер из руки Лесли и держал его на виду зрителей до момента выстрела. Он просто не мог ничего с ним сделать. И при этом он, конечно, не мог подменить револьвер.

Касл кивнул:

– Так или иначе, проворчал он, – эта теория полностью противоречит отчету баллистиков.

Пенни закрыла глаза. Радостным тоном она выпалила:

– Я это знала. Но должна была услышать от вас.

Лоуренс наклонился вперед:

– А теперь?

– А теперь, – спокойно сказала Пенни, – у меня есть кое-что для вас.

Она повернулась к старшему инспектору:

– В прошлую субботу я играла вторую героиню. Непосредственно перед тем, как Лесли умерла, я ушла со сцены.

Касл наклонил голову:

– Помню. Вы ушли, оставив Трента одного на сцене. Мисс Кристофер появилась из «вестибюля», и они сыграли заключительную сцену.

– Правильно. – Пенни говорила спокойно и уверенно. – Я вышла со стороны, противоположной пульту. Это означает, что для того, чтобы вернуться в уборную, я должна была пересечь сцену позади декорации и войти в коридор.

– Да?

– Когда шла мимо панелей, которые образуют «стену» вестибюля, я услышала какой-то звук. Не хочу казаться мелодраматичной, но... – Пенни замялась, – казалось, что кто-то всхлипнул от страха. – Девушка сделала краткую паузу и продолжила: – Я знала, что там должна быть Лесли, ожидая своего выхода. Мне стало любопытно. Я выглянула из-за панели в вестибюль. Лесли стояла около двойных дверей. В руке у нее был револьвер «Уэбли & Скотт». Она казалась измученной. Пока я смотрела, она раскрыла револьвер и извлекла патроны. Быстро просмотрела их, а затем...

– Затем? – эхом повторил Касл.

– Она вернула их в барабан.

– Но...

Пенни уверенно продолжала:

– Она казалась странно успокоенной. Я задавалась вопросом, что у нее на уме. Я, возможно, спросила бы ее, но, прежде чем смогла это сделать, она открыла двери и совершила последний выход – с револьвером, который только что исследовала.

Повисло молчание. И затем...

– О, Боже! – проревел старший инспектор. – Вы хоть понимаете, что это означает?

Лоуренс невесело рассмеялся.

– Конечно понимает, – ответил он. – Это означает, что нам предстоит раскрыть тайну еще одного преступления, которое никак невозможно было совершить!

ГЛАВА 28

– Это дело, – уныло пробормотал старший инспектор, – вероятно, сведет меня с ума.

Лоуренс улыбнулся.

Двое мужчин сидели одни в актерском фойе. Они ждали, когда Пенни закончит снимать грим.

Касл чувствовал себя совершенно разбитым. Он не мог найти каких-либо зацепок в показаниях девушки и, какой бы невозможной не казалась ему ее история, он вынужден был ей поверить.

– Хотя вам это не может нравиться, Стив, – заметил Лоуренс, – но рассказ Пенни звучит правдоподобно.

Касл хмуро кивнул. Его друг продолжил:

– Психологически Лесли Кристофер находилась на грани срыва. Она жила на нервах несколько недель. Ее роль выматывала эмоционально, она ревновала к таланту Пенни, поссорилась с Остином, и ее прошлое вновь угрожало ей. Присутствие Мервена в зале стало для нее шоком, а измена Майкла – окончательным ударом. Она чувствовала себя несчастной и одинокой, терзаемой ревностью и страхом. Она ждала в «вестибюле» своего выхода, держа револьвер в руке. А затем...

– А затем, – сказал старший инспектор, – она вспомнила, что сказал ей Дензил.

– Дуглас?

– Да. – Касл потер подбородок. Он медленно процитировал: «Лесли прошла мимо меня по дороге на сцену. Я сделал какое-то случайное замечание, она что-то пробормотала в ответ и вошла в «вестибюль», ожидая выхода». – Он задумался. – Это случайное замечание было важным.

– Гм-а?

– Да. Я расспросил Дензила. Он не может вспомнить точные слова, но признает, что это было... гм... шутовское предупреждение о револьвере.

– Конечно! – Лоуренс быстро провел рукой по светлым волосам. – Он только что видел, как Остин возится с револьвером. В уме его зародилось смутное подозрение. Не в его стиле действовать напрямую. Но он успокоил свою совесть...

– Если она у него есть, – проворчал Касл.

– ...намекнув Лесли, – с улыбкой закончил Олджи. – Это психологически верно, Стив! Лесли поссорилась с Остином, а теперь ее внимание привлекли к револьверу, который он зарядил. Она раскрыла револьвер и исследовала заряд. К своему облегчению, она выяснила, что это безопасные холостые патроны, и вернула их в барабан. А затем...

– Она умерла, – мрачно констатировал Касл, – с помощью черной магии.

– Да, это черная магия, – согласился Лоуренс. Его голос звучал уверенно. – Лесли знала, что оружие безопасно. Она сама принесла его на сцену. И с того момента оно постоянно было на виду у зрителей. И все же, когда Трент вырвал его из ее руки и выстрелил...

– Холостые патроны превратились в боевые, – пробормотал Касл. – И безопасные патроны внезапно стали смертельными... Но это невозможно! – закончил он испуганным шепотом.

– Однако это произошло! – закончил Лоуренс.

– Я готова! – Пенни Валентайн стояла на пороге открытой двери.

Майкл Трент был с ней. Он бережно сжал руку девушки, а затем, нахмурившись, посмотрел на старшего инспектора:

– Куда вы ее везете?

– В Ярд, – холодно ответил Касл. – Завтра я должен представить это чертово дело коронеру, и необходимо составить много документов. Мы должны оформить заявление мисс Валентайн надлежащим образом.

– Но...

– Не суетись, любимый. – Пенни нежно улыбнулась. – Иди домой. Я позвоню позже.

– Буду ждать. – Голос Майкла был нежен.

Они поцеловались.

Лоуренс отвел взгляд. Касл что-то проворчал. Он повернулся к другу:

– Поедете со мной, Олджи?

Лоуренс покачал головой:

– Проблема поставлена. Теперь я должен найти решение. Для этого необходимы раздумья и... табак. – Он слабо усмехнулся. – Могу с тем же успехом остаться здесь.

– Звоните, – проворчал его друг, – если появятся полезные мысли.

В голосе Касла не слышалось надежды. Инспектор направился из актерского фойе, сопровождаемый Трентом.

Лоуренс посмотрел на Пенни. Она улыбнулась в ответ:

– Да, Олджи?

– Хочу задать вам вопрос.

– Да? – Она закрыла дверь.

– Почему вы рассказали нам о Лесли и револьвере?

– Чтобы спасти Джека. – Голос Пенни звучал спокойно.

– Вы спасли Остину, – согласился Лоуренс. – Его история, как оказалось, была правдой. Но почему вы молчали раньше?

Глаза Пенни блеснули:

– Неужели не понимаете?

– Скажите, пожалуйста, сами. – Лоуренс внимательно смотрел на нее.

Она вздохнула:

– Я видела, как Лесли осматривала оружие. Я знала, что оно должно быть заряжено холостыми. А Майкл был единственным другим человеком, который прикасался к револьверу, прежде чем из него выстрелили.

Лоуренс осторожно кивнул. Вывод был ясен.

Пенни сжала руки:

– Сама я не сомневалась в Майкле. Понимаете? Я знала, что он невиновен. Но знала и то, что полицейские обязательно начнут подозревать его. Они предположили бы, что он мог вложить боевой патрон после того, как вырвал револьвер у Лесли...

Лоуренс рассмеялся:

– Совершенно исключено. Зрители следили за каждым его движением. Даже опытный иллюзионист не смог бы проделать подобный фокус.

Пенни слабо улыбнулась:

– Я тоже так считала. Но можно было предположить, что полицейские подумают по-другому.

– Они сказали бы, что Майкл подменил револьверы.

– Да. Но он должен был сделать это на сцене. А я хорошо знаю этот акт – там просто нет такой возможности. Но полиция... поверила бы она? Или, возможно...

Она закусила губу.

Лоуренс безо всякого упрека сказал:

– Вы не доверяли полицейским. Боялись, что они арестуют Майкла.

Пенни кивнула:

– Да, я опасалась. Считала, что лучше всего помалкивать. Но затем...

– Полицейские стали подозревать Остина.

– Да. И только мое свидетельство могло его оправдать. Но что произошло бы тогда с Майклом? Когда старший инспектор услышит мою историю, он будет просто обязан вновь подозревать его. – Ее рот задрожал: – Я видела

только один выход. Я должна заставить полицию признать, что Майкл никак не мог манипулировать оружием. Тогда... и только тогда я расскажу то, что знаю.

Лоуренс тяжело вздохнул:

– Понятно... Вы не оставили им шанса. Это оказалось, как вы доказали, невозможным преступлением. И вы заставили полицейских это признать.

Она кивнула:

– Я поставила сцену. Восстановила прошлое...

– И сформулировали проблему. – Лоуренс невесело улыбнулся. – Но не дали решения.

Она нежно рассмеялась:

– Я предоставляю это вам.

Она повернулась, чтобы уйти. Олджи расправил плечи. В его ленивых глазах был вопрос:

– Пенни...

– Да?

– Одно меня озадачивает. – Он вновь пригладил свои светлые волосы. – Вы знали, что Остин невиновен...

– Знала.

– Но вы не стали бы говорить, пока Майкл не оправдан полностью. Теперь предположим... только предположим, что ваш план не сработал. Предположим, что Касл ответил: «Да, Трент все-таки мог манипулировать револьвером».

Глаза Пенни затуманились. Лоуренс осторожно настоял:

– Вы сказали бы нам о Лесли в этом случае?

– Нет.

Лоуренс пристально посмотрел на нее:

– Но Остин невиновен. И только ваши показания могли спасти его от ареста!

Пенни замаялась. Затем четким голосом она заявила:

– Вы могли бы даже вести его на эшафот. Я и тогда промолчала бы.

Лоуренс отпрянул:

– Из любви к Майклу вы сделали бы даже это?

Она услышала в вопросе осуждение и с вызовом ответила:

– Это. И даже больше!

– О!

Лоуренс казался изумленным. Внезапно Пенни показалась ему совсем чужой. Затем она улыбнулась. Ее холодные пальцы мимолетно коснулись его щеки. Она прошептала:

– Бедный Олджи! Вы ужасно умны. Но вы плохо знаете женщин, не так ли?

И ушла, звонко смеясь.

С нижайшим почтением читателя просят
СДЕЛАТЬ ПАУЗУ И ПОРАЗМЫСЛИТЬ...
а потом ответить на главные вопросы этой
увлекательной игры:
КТО ЭТО СДЕЛАЛ? и КАК?

ЧАСТЬ III

ЗАНАВЕС ОПУСКАЕТСЯ

ГЛАВА 29

Театр был почти пуст.

Во всем зале лишь один человек развалился в кресле партера около прохода. Казалось, он спит, но глаза его были открыты. Пустые и безжизненные глаза – словно они служили лишь для того, чтобы отражать свет, падающий со сцены.

Наконец, человек зашевелился. Он достал серебряный портсигар и сунул сигарету между усталых губ. Вылетело пламя, и он глубоко затянулся. Над головой медленно поднялось синее облако дыма.

Немного погодя, он со вздохом раздавил сигарету в пепельнице, установленной в спинке кресла перед ним. Она была уже полной, и часть окурков упала на пол.

Лоуренс облизал пересохшие губы.

– Что же мне делать? – громко спросил он.

Он чувствовал себя больным и одиноким.

И он боялся...

Наконец, он знал правду.

– Привет, Олджи.

Он медленно повернул голову.

– Вы? – хрипло воскликнул он.

– Я, – кивнула Пенни Валентайн.

Мягкий ковер приглушил поступь девушки, и Олджи совершенно не слышал ее приближения.

– Как вы вошли? – спросил он.

– Это не имеет значения, – отмахнулась она. – Ее лицо было напряжено, глаза лихорадочно блестели.

Она внимательно огляделась. Поняв ее мысли, Лоуренс тихо сказал:

– Мы совершенно одни.

– Я рада.

Она села в следующем ряду позади него.

– Вы решили проблему, – утвердительно произнесла она.

Он недовольно посмотрел на сцену:

– Думаю, да.

Ее губы сжались. Пальцы вцепились в сумочку на коленях.

Затем, когда он повернулся, она взяла себя в руки и спокойно сказала:

– Я тоже решила.

Что-то промелькнуло в его глазах:

– В самом деле?

– Да.

Лоуренс развернулся, насколько смог:

– Расскажите мне.

Пенни с трудом произнесла:

– Есть только один способ объяснить это преступление...

– «Чудесное убийство». – Голос Олджи был тверд.

Пенни, казалось, собралась с силами. Ледяным тоном она объявила:

– Это не было убийством.

Лоуренс ничего не сказал, но продолжал пристально смотреть на нее.

Пенни продолжала:

– Вы не знали Лесли, а я знала. Она, возможно, считала, что любит Майкла. Но это была не любовь – эгоистичная страсть, которая могла немедленно превратиться в ненависть.

– Возможно.

Пенни заторопилась:

– Лесли приближалась к срыву так или иначе. Этот сумасшедший Мервен постоянной угрозал ее душевному

спокойствию. И она ревновала ко мне как к женщине и как к актрисе. А затем... – Она замялась.

– Она узнала про вас и Майкла, – подсказал Лоуренс.

Пенни кивнула:

– Должно быть, это стало последним ударом. Ей больше не для чего было жить.

– Вы имеете в виду...

– Она решила умереть. – Пенни быстро задышала. – Разве вы не видите? Это – единственное объяснение. Она сама положила патроны в револьвер.

– У нее, возможно, был мотив для самоубийства, – согласился Лоуренс. – Но зачем выбирать такой безумный способ?

– Она была ревнива и мстительна. – Пенни покраснела, и голос звучал взволнованно. – Ей мало было просто самоубийства. Она хотела забрать Майкла с собой.

– Майкла?

– Конечно! Это была бы прекрасная месть. Она хотела умереть от его руки и заклеить его как убийцу. И я должна была потерять его. Она могла отомстить нам обоим из могилы. – Пенни торжествующе замолчала.

Лоуренс задумался:

– Тайна смерти Лесли – не единственная проблема, которую мы должны решить. Вы не объяснили нападение на Бейли.

Пенни сжала кулаки:

– Это не имеет никакого отношения к стрельбе. Это Дуглас...

– Вы обвиняете Дензила? – Лоуренс казался удивленным.

– Да! Больше никому свидетельство о браке было не нужно. Только Дуглас мог воспользоваться им.

– Чтобы шантажировать вас... Гмм. – Лоуренс вновь задумался. – Это разумно. Но в теории самоубийства есть дыры.

Суставы пальцев Пенни побелели:

– Нет.

– Да, – мягко возразил Лоуренс. – Вспомните свое заявление. Вы видели, как Лесли раскрыла револьвер, извлекла холостые патроны, рассмотрела их и вернула в барабан.

Девушка с вызовом ответила:

– Я ошиблась. Я описала то, что думала, будто бы видела. Но теперь я понимаю, что, должно быть, она вставила боевые патроны.

– Она сразу же вышла на сцену, – возразил Олджи. – Как она избавилась от холостых патронов? Вы наблюдали за ней. Как она могла спрятать их в пожарном ведре?

Пенни прикусила губу:

– Должно быть, был способ. Я...

– Нет, Пенни. – Лоуренс был беспощаден. – Эта теория фантастична. Самоубийство не могло быть обдуманно заранее, но все средства оказались под рукой. Где Лесли могла найти боевые патроны? Она достала их из воздуха?

– Я... я... – несчастно повторяла девушка.

Лоуренс мрачно смотрел на нее. Губы Пенни дрожали.

– Очень хорошо, – прошептала она. – Теория фантастична, но она – последняя отчаянная попытка объяснить невозможное. Почему вам не смириться с этим? Полиция будет удовлетворена. Разве этого недостаточно?

– Нет.

– Что тогда? – Вопрос прозвучал как крик боли. – Если вы отбрасываете это объяснение, что остается?

– Правда, – печально сказал Лоуренс.

Тишина села как пыль.

Наконец, Пенни заговорила:

– Вы все знаете, – обреченно сказала она.

– Да.

Слово ударило как нож. Пенни закрыла глаза в судороге боли. Когда она вновь открыла их, в них стояли слезы.

– Еще не поздно, – прошептала она. Забудьте все!

– Не могу.

Она была прекрасна в своем отчаянии. Его сердце разрывалось от боли.

– Ради всего святого, не говорите им! – воскликнула она. – Если я для вас хоть чуть дорога...

– О, Боже! – Он больше не мог смотреть на нее. Резко отвернулся и вновь уставился на сцену. – Разве вы не видите, что мне так же трудно, как и вам? Думаете, я хочу причинить вам боль?

– Тогда, почему...

– Слушайте, Пенни. – Его голос звучал глухо. – Однажды я предупредил вас. Я не могу остановиться и пройду до конца. Я стою за правду, потому что правда превыше всего.

– Олджи...

– Бесполезно, Пенни. Слишком поздно. Хотелось бы мне никогда не приступать к этому делу. Мне очень жаль вас. – Его плечи резко опустились. – Поверьте. Но я не буду покрывать убийство. Ради вас... ради кого бы то ни было.

По щеке Пенни скатилась слеза. Губы что-то беззвучно прошептали.

Затем ее руки стали действовать словно сами по себе. Она открыла сумочку и запустила в нее руку...

– Вы не оставляете мне выбора, – сказала она чуть слышно.

Шеи Лоуренса коснулся ствол револьвера.

– Я должна убить вас... – безжизненным тоном сказала девушка.

В рту у него стало кисло. Возможно, это и есть вкус страха. Но голос звучал спокойно:

– Стреляйте, если должны. Вы заставите меня замолчать. Но погубите себя.

Он услышал ее рыдание:

– Тайну нужно сохранить.

– Касл узнает, почему я умер, – спокойно возразил он.

Ее голос дрожал:

– Вы еще ничего не сказали ему.

– Это правда. – Голова резко заболела, но он механически продолжал: – Но я ему больше не нужен. Вы уже дали ему ключ к проблеме. Ему останется лишь повернуть его. Как это сделал я.

С ужасной решимостью Пенни произнесла:

– Возможно, мне не спастись. Но это шанс, который я обязана использовать... Прощайте, Олджи... И простите!

Лоуренс закрыл глаза.

«Вот оно, – подумал он. – Вот как все заканчивается. Холодный поцелуй металла, грохот выстрела, невообразимая боль на мгновение. А затем...»

– Пенни! Стой!

– Майкл, назад! – Она сорвалась в крик.

Лоуренс больше не чувствовал прикосновения ствола к шее. Он рывком бросился вбок и на пол.

Никакого выстрела не последовало.

Послышался звук драки, но резко стих. Удар кулака в кость...

Оружие упало на пол.

Лоуренс встал и подобрал револьвер.

– Тридцать второй калибр, – пробормотал он. – Конечно.

Его пристальный взгляд сосредоточился на инициалах...

А затем впервые он посмотрел на человека, который вмешался в ситуацию.

Майкл Трент измученными глазами смотрел на девушку, которую любил. Пенни полулежала в кресле. На ее неподвижном лице застыло отчаяние.

На подбородке расползлся синяк.

– Мне пришлось ее ударить, – глухо сказал Трент.

Лоуренс провел рукой по пересохшим губам:

– Вы спасли мне жизнь, – пробормотал он.

Трент зло рассмеялся:

– И какая награда меня ждет?

Лоуренса передернуло:

– Веревка палача, – печально ответил он.

ГЛАВА 30

Все закончилось, как и началось, в камере Ричарда Мервена.

Олджи Лоуренс мрачно сказал:

– Если кто и имеет право узнать всю эту историю целиком, так это вы.

Мервен медленно кивнул.

Казалось, плоть на лице совершенно высохла, оставив только кожу, прилипшую к черепу, но глаза были живы и в них читался странный голод.

– Расскажите мне, – попросил он.

Лоуренс уставился в пол:

– Вам не нужно ничего говорить. Я хочу, чтобы вы только слушали. Это всё.

Мервен снова кивнул:

– Понимаю.

Повисла пауза. Затем Лоуренс заговорил приглушенным голосом:

– Майкл Трент был сторонником насилия. Бейли был одной из его жертв. Вы – другой.

Мервен сжал кулаки.

– Трент был тем бандитом, который сначала попытался ограбить вас на улице.

– Это был Трент, кто напал на меня? – Голос Мервена звучал хрипло.

– Да. Это было глупое и неумелое преступление, которое потерпело неудачу, как того и заслуживало. Но Лесли повернула ее себе на пользу. Вы ожидали награду за то,

что спасли деньги банка. Когда вы не получили ее, девушка сыграла на вашей обиде...

– Я не хочу говорить об этом, – с болью в голосе попросил Мервен.

– Очень хорошо. – Лоуренс сжал ладони. – Вы знаете, как Лесли заманила вас в ловушку. План Трента закончился неудачей. Но схемы Лесли были более тонкими, и они преуспели. Трент был не прочь подчиняться ее приказам.

Суставы пальцев Мервена побелели:

– Я думаю о той схватке на улице. Я видел лицо грабителя. Почему я не узнал Трента, когда увидел его снова?

– Трент был актером, – пояснил Лоуренс. – Возможно, он был в гриме.

– Да. – Мервен облегченно вздохнул. – Он мог нанести седую пудру на волосы, отрастить щетину на подбородке... – Он задумался. – Это может быть правдой. Но как вы об этом узнали?

– Трент рассказал мне многое.

Лоуренс замолчал, вспоминая последний мрачный разговор в полутемном театре. Трент лишился последнего шанса на спасение. Он спас Пенни от того, чтобы она стала убийцей. Но это будет стоить ему жизни. Олджи пояснил:

– У него больше не было причин молчать.

Глаза Мервена стали стеклянными:

– Но вы уже знали, что Трент убил свою жену?

– Я знал, как было совершено преступление. Тренту ничего не нужно было рассказывать мне об убийстве. – Лоуренс уставился в пол. Очень тихо он продолжил: – Я уже понял свою ошибку. Я смотрел на дело через искажающую линзу. Трент, казалось, был орудием убийцы: невинный человек, которого обманом втянули в убийство жены. Но Пенни убрала эту линзу, и картина радикально изменилась. – Он поднял взгляд: – Майкл Трент был сообщником

убийцы. И он будет повешен. Но он не убивал Лесли Кристофер.

Что-то заклокотало в горле Мервена.

Лоуренс с любопытством уставился на него:

– Это вы застрелили ее, Мервен... – отчетливо произнес он.

Внутри камеры повисла тишина. Она была вязкой, угнетающей, удушающей...

Наконец, Мервен заговорил:

– Это смешно!

Лоуренс покачал головой:

– Жаль, что это не так. – Его лицо потемнело. – Касл пытался спасти вас несколько лет назад. Но вы не позволили ему. А теперь вы погубили себя.

Подбородок Мервена напрягся:

– Продолжайте.

Лоуренс отвел взгляд:

– Когда-то вы любили Лесли. Но она обманула и предала вас. Любви больше не было, осталась только ненависть. Вы хотели отомстить.

– Мне нужна была месть, как другим людям нужен воздух, чтобы дышать.

Лоуренс вздохнул:

– Вы отбывали наказание, лелея свою ненависть. Лесли должна умереть от вашей руки. Но суть вашего плана состояла в том, чтобы обмануть палача... Вы ждали. Освободились. Начали искать Лесли. И нашли ее в «Янусе».

– Кто-то прислал мне журнал с ее фотографией... – начал Мервен.

Лоуренс покачал головой:

– Это неправда. Вы солгали, чтобы направить нас по ложному следу... Никто не помог вам найти Лесли. Вы выслеживали ее сами. И с нею нашли... другого. – Лоуренс сделал паузу, затем продолжил: – Вы встретили Майкла Трента. Узнали в нем человека, который напал на вас на улице.

Кроме того, вы узнали в нем сообщника Лесли. Вы, должно быть, мельком увидели его, прежде, чем он оглушил вас в ее квартире... Итак, вы узнали его. Но вы не ненавидели его так, как ненавидели девушку. Вы, вероятно, думали о нем, как о простофиле, попавшем на удочку Лесли, как и вы сами. Поэтому вы решили не убивать его. Но захотели использовать.

Лоуренс печально улыбнулся:

– Вы тайно связались с Трентом. Рассказали, что знаете о его участии в ограблении банка. Обещали не сообщать полиции, если...

– Если? – повторил Мервен.

– Если он согласится помочь вам убить свою жену.

Лоуренс продолжил:

– Трент согласился. Он ни в коем случае не действовал из-под палки. Он любил Пенни и хотел жениться на ней. Но не осмеливался порвать с Лесли. В ревнивом гневе она могла забыть об осторожности. Могла даже пойти в полицию и выдать их обоих.

С Трентом вам повезло. Он был готов сделать все, что угодно, чтобы сохранить свое положение в театре и избежать наказания за прошлые грехи. Он хотел Пенни и новую, чистую жизнь. Вы показали ему такую возможность.

Лоуренс опустил плечи:

– Основной план был ваш. Трент внес в него знание театра изнутри и людей в нем. Вы готовили преступление вместе. Это не должно было быть «чудесным убийством» – вам нужно было лишь надежное алиби. Но... – он развел руками и продолжил: – Теперь мы знаем, что у Трента был доступ в «Янус» в любое время. Он завел себе друга – Перретта, сторожа – и сделал дубликат ключа к наружной двери. Он мог войти в театр, когда желал, даже тайно от Перретта. Тем временем вы использовали контакты в преступном мире, которые завели в тюрьме. Вы уже достали

самозарядный пистолет двадцать пятого калибра. Затем достали револьвер «Уэбли & Скотт» тридцать второго калибра. Трент показал вам револьвер, который использовался в пьесе. Вы тщательно изучили его, а затем приступили к превращению вашего собственного револьвера в точную копию театрального. Вы спилили номер, выбили инициалы «Г.В.» на ручке и скопировали с оригинала царапину на стволе. Наконец, вы были удовлетворены. Подделка могла выдержать осмотр. Только нарезка в стволе могла выдать дубликат.

Лоуренс потер щеку:

– Наконец, наступил день убийства. Лесли должна была умереть в середине дня. Но глубокой ночью нужно было сделать еще массу работы. Накануне вечером Трент зашел к Перретту. Он вручил ему бутылку пива – обычный подарок, который старый Том принял без всяких подозрений. Он считал артиста другом и привык к подобным маленьким дарам. Ночь субботы. В час сторож совершает обход. Затем, как всегда, удаляется в свою будку промочить горло. Он выпил пиво и... заснул.

Глаза Мервена смотрели настороженно.

Лоуренс продолжал:

– Вы пришли с Трентом в театр. Майкл прокрался к будке Перретта и нашел его в отключке. Если и оставалось еще пиво со снотворным, Трент, должно быть, вылил его. Он не хотел, чтобы его потом нашли. Но никакой реальной опасности не было. Старый Том мог бы вспомнить, что от пива стал необычайно сонным; но вряд ли понял бы, что его опоили... Трент сообщил, что все в порядке. Как говорится, «берег чист». Вы принимаетесь за работу. На вас, вероятно, были резиновые перчатки. Револьвер калибра 32 висел на своем обычном месте на «стене» вестибюля. Стараясь не стереть имеющиеся отпечатки пальцев, вы открыли барабан и вытащили пять неиспользованных и

один стреляный холостой патрон, перенеся их в револьвер-двойник, который подготовили. Пришло время сделать замену. Вы поместили второй револьвер «Уэбли & Скотт» на колышки. Оригинальный револьвер в спектакле участвовать не будет. Ему предстоит выполнить более смертоносную работу.

Лоуренс сделал паузу, а затем спокойно продолжил:

– У вас был собственный «Кольт» калибра 25. Вы вошли в ложу, которую заказали на спектакль, нацелили пистолет на чучело медведя и загнали пулю в пасть животного.

В тишине, которая последовала, Лоуренс опустил голову. Он устал:

– Вам не нужен был глушитель. В здании никого нет. А сторож спит. Никакой опасности. Но это была тонкая работа. Вам понадобилось все умение стрелка. Вы должны были сделать точный выстрел. Его следы не должны быть обнаружены до окончания убийства. Пулевое отверстие должно быть невидимым: то есть не заметным для беглого взгляда. Ошибка вынудила бы вас отказаться от плана. Но... – Лоуренс открыл ладонь, а затем вновь закрыл. – Вы не ошиблись. Судьба Лесли была решена. Можно было бы сказать, что она умерла именно тогда – за несколько часов до того, как вы ее застрелили.

Он сделал паузу и затем продолжил:

– Ночная работа была закончена... Вы удалили все следы своего пребывания. Этот пистолет калибра 25 был самозарядным, так называемым автоматическим. Вы выстрелили, и вылетела гильза. Вы подняли пустую гильзу и спрятали. Последнее совещание с Трентом, и вы покинули театр. Вы взяли с собой и ваш «Кольт» и оригинальный «Уэбли & Скотт». Дубликат «Уэбли» остался висеть на колышках. Виск, Остин, сама Лесли – все они держали в руках этот дубликат и ничего не заподозрили. Казалось, это был тот же самый револьвер, которым они пользовались

каждый день, пока шел этот спектакль. Но, конечно, оригинальный револьвер теперь был у вас. И когда вы вернулись с ним в театр, в барабане было шесть боевых патронов.

Лоуренс прикрыл глаза и с горечью сказал:

– И еще вам нужен был некий болван.¹² Вы выбрали Стивена Касла. Трент уже получил два билета из агентства: вы послали их в Скотланд-Ярд. Расставили сети с загадочным сообщением. Кто придумал «Паддингтонскую ярмарку»? Наверное, Трент. Он просматривал старую подшивку в актерском фойе и случайно наткнулся на описание казни тезки помощника режиссера. Это было удачное совпадение, которое могло послужить отвлекающим маневром. И сами сообщения были достаточно красноречивы. Лесли будет публично казнена... Вы отправили карточки в пятницу вечером. Одна была адресована Каслу. Другая – Лесли.

Лоуренс вздохнул:

– Сцена была поставлена. Трент подготовил себе алиби. Он избегал театра, а затем пришел к спектаклю с опозданием. Притворился пьяным. Он хотел привлечь внимание, чтобы все следили за его перемещениями. План сработал прекрасно. Бен Котол, костюмер, стал его второй тенью. И все остальные внимательно следили за Трентом. Он смог отчитаться за каждую секунду, которую провел в театре. И полиция вынуждена была признать, что он не мог манипулировать револьвером.

Мервен невесело улыбнулся. Лицо Лоуренса посуровело:

– Все было готово к убийству. Вы пришли в театр с двумя стволами и пустой гильзой. Бросили стреляную гиль-

---

12 Болван – Условный партнёр в некоторых карточных играх. В литературном языке слово *болван* используется в переносном смысле для обозначения человека, пассивно наблюдающего за происходящим, не имеющего возможности вмешаться или как-то повлиять на события.

зу на пол ложи. Достали из кармана «Кольт» и положили рядом на стул. Поднялся занавес в третьем акте. Вы достали из другого кармана «Уэбли». Взяли курок. И стали ждать.

Глаза Мервена засверкали. Пальцы впились в колени, как когти.

Лоуренс отвел взгляд:

– Трент выстрелил из своего револьвера «Уэбли & Скотт» – двойника, который вы так тщательно подготовили. Там были безопасные холостые патроны. Но одновременно вы выстрелили из оригинального револьвера и послали пулю тридцать второго калибра прямо в сердце Лесли.

Из горла Мервена вырвался крик. Затем он прохрипел:

– Продолжайте, черт бы вас побрал! Продолжайте.

Лоуренс был мрачен:

– Сцена закончилась затемнением. Когда упал занавес, вы бросили револьвер на сцену. Цилиндр не поворачивался, курок не был взведен. Была только пустая гильза в гнезде под бойком, поэтому опасности случайного выстрела не существовало. Бросив револьвер, вы безумно расхотались. Вы хотели замаскировать звук падения револьвера. И стремились привлечь внимание к себе: хотели, чтобы вас поймали. Вы надеялись, что старший инспектор арестует вас. Вы схватили пистолет калибра 25 и повернулись к двери ложи. Вы не пытались убежать. Вы ждали Касла или какого-нибудь другого безрассудного зрителя, который попытается схватить вас. – Лоуренс криво усмехнулся. – Прибежал я. Вы выстрелили из «Кольта». Вы не пытались ранить меня: выстрел и должен был пройти мимо.

– Тогда, зачем я стрелял?

Лоуренс криво улыбнулся:

– Оружие было холодным. Обычный тест показал бы, что из него в тот день не стреляли. Но вы выстрелили снова,

и тогда уже стало невозможно доказать, что первая пуля в голову медведя фактически была выпущена ночью.

Мервен закусил губу.

Лоуренс равнодушно продолжал:

– Тем временем Трент прекрасно играл свою роль. Он выстрелил холостым патроном из револьвера-дублера. То оружие нужно было срочно спрятать. Как только свет погас, он запахнул «Уэбли» в карман. Вы бросили орудие убийства на сцену к его ногам. Он нагнулся, чтобы поднять его. Должно быть, это был критический момент. Было абсолютно темно: он ничего не мог видеть. Могу представить, как он шарит рукой в темноте, борясь с возрастающей паникой. Наконец, он нащупывает револьвер, сжимает рукоятку и кричит, чтобы зажгли свет... Помреж мог зажечь свет раньше, чем Трент нашел оружие. Но Майкл, возможно, стал бы утверждать, что выронил револьвер от испуга... Его безумный бег через сцену к телу Лесли был, вероятно, прикрытием для решения другой задачи. Из холостого патрона вылетел пыж – его следовало найти и спрятать. Он последовал за револьвером-двойником. Оригинальный револьвер «Уэбли» оставался в его руке. Вы обращались с оружием осторожно. На нем все еще сохранились некоторые отпечатки Лесли. Вы носили перчатки, которые оставили лишь неидентифицируемые отпечатки. Трент закрыл их собственными отпечатками, а затем передал оружие Остину. Не было ничего, доказывающего, что револьвер когда-либо был у вас.

Рано или поздно револьвер должны идентифицировать как орудие убийства. Тем временем Трент смог воспользоваться задержкой. Он должен был избавиться от револьвера-двойника. Никто не должен знать про то, что было у него кармане. Именно поэтому он с проклятием оттолкнул своего костюмера. И именно поэтому заперся в своей

уборной и притворился больным. Временно он спрятал револьвер у себя в уборной. Это было достаточно безопасно. Но он должен был избежать тщательного обыска. Именно поэтому он положил шесть холостых патронов в пожарное ведро. Трент, возможно, перестраховался, но он рассуждал так: полицейские будут думать, что холостые патроны вытащены из «Уэбли», чтобы вложить туда боевые. Поэтому они будут искать холостые в надежде найти их у убийцы. И этот поиск, если продлится долго, может выявить спрятанное оружие. Таким образом, нужно, чтобы недостающие холостые патроны нашлись быстро. Он спрятал шесть штук в пожарном ведре. Не было необходимости вынимать их из револьвера. Он мог давно взять их из реквизиторской, а положить в ведро утром.

Но ему все еще необходимо было избавиться от оружия. Он не осмелился вынести его под носом у полиции. Поэтому решил вернуться в театр в ближайшую ночь. Это казалось вполне безопасным. Но его постигла неудача. Он взял оружие из своей уборной, но его заметил человек, которого мы оставили в помощь сторожу. Чтобы не дать себя узнать, Трент ударил Бейли револьвером. Но он понял новую опасность. Полицейские предположат, что убийца возвращался в театр. Они начнут искать мотив. Трент должен был не дать нашим подозрениям повернуться в правильном направлении. Он симпровизировал блестяще. Трент знал, что его жена прятала свидетельство о браке в своей уборной позади его фотографии. Он разбил рамку и сознательно оставил обрывок документа. Остальная часть свидетельства должна была попасть к нам окольным путем. Понимаете, ему вовсе не было нужно держать свой брак в тайне от полиции. Любые наши подозрения не имели значения, лишь бы мы не нашли связь между ним и вами. Трента защищало идеальное алиби. Он пошел в квартиру

Дензила и опустил свидетельство в почтовый ящик. Это было очень умно.

Лоуренс потер щеку:

– Следующая проблема состояла в том, чтобы избавиться от оружия и ключа к театру. Трент не знал, что уронил расческу у тела Бейли, но ожидал, что в любой момент его квартиру могут обыскать. Он не осмелился скрывать такие улики дома. Нужно было найти другое место.

Молодой человек вздохнул:

– У него была другая... тайная квартира. Они с Пенни были любовниками, и он снял эту квартиру для встреч с ней. Но они больше не пользовались этим местом: пришлось прекратить тайные встречи... Квартира стояла заброшенной. Трент пошел туда, чтобы спрятать револьвер и ключ. После этого он вернулся домой, где его ждал полицейский, чтобы отвести в Ярд. Тренту нужно было всего лишь играть роль невинного человека, загнанного в ловушку. И куча дурачков: Пенни, Дензил и я – бросилась на его спасение.

Лоуренс мрачно рассмеялся:

– Дуглас считал, что действует против Майкла. Но невольно играл на руку Тренту... Дензил немного задержал расследование своей неуклюжей попыткой шантажировать Пенни, но в конечном счете свидетельство о браке попало к нам, как Трент и хотел. Проникновение в театр «объяснилось», а Дензил попал под подозрение. Трент был доволен. Его алиби скоро докажут, а тем временем он может завоевать мое доверие откровенностью. – Голос Лоуренса был тверд. – Он мог позволить себе быть абсолютно откровенным в деле о старом ограблении банка. Больше никаких доказательств против него не было. И никаких свидетелей: Лесли мертва, вы храните молчание.

Он посмотрел в лицо Мервену. Оно напоминало маску. Лоуренс продолжал:

– Вместе вы подготовили убийство. Это было почти идеальное преступление. Вы вызвали подозрение на себя, чтобы его рассеять. Сами детективы установили ваши алиби.

Он резко рассмеялся:

– Трент остался бы безнаказанным. Что касается вас...

Мервен пошевелился.

– Да, что касается меня? – прохрипел он.

Лоуренс пожал плечами:

– Вы совершили бы месть. И избегли виселицы. Вас не волновало, сколько времени вы пробудете в тюрьме на этот раз. Это было самое безопасное убежище в мире.

Он сделал паузу, и продолжил:

– И, конечно, однажды вы снова стали бы свободны. Но...

– Но? – эхом донесся шепот.

– Вас погубила случайность. Случайность и великодушные девушки. – Лоуренс сделал паузу, а затем продолжил более оживленно: – Вы не собирались подставлять Джека Остина. Но он попал под подозрение. И только Пенни Валентайн могла его спасти. Но Пенни не стала говорить, пока не была уверена в безопасности Майкла. Она верила, что он невиновен, и хотела это доказать. Именно поэтому она убедила меня организовать реконструкцию преступления. И как только полиция вынуждена была признать, что Майкл не мог быть преступником, она была готова спасти Остина. Но она сделала трагическую ошибку. Невольно, она предала своего возлюбленного.

Лоуренс прикусил губу и помрачнел:

– Как только проблема была четко сформулирована, я был обязан найти решение. И сама Пенни дала мне важнейший ключ к разгадке.

Лоуренс покачал головой. В тоне его слышалось сожаление:

– Я должен был догадаться раньше. Я должен был задаться вопросом, почему вы все еще находились у двери

ложи. Вы могли убежать за несколько минут до этого – под покровом затемнения – через соседний выход на улицу. И человек, который разбирается в дзюдо, должен был суметь встретить мое нападение. Я должен был понять, что вы хотели, чтобы вас схватили!

Мервен слабо улыбнулся. Лоуренс продолжал:

– И ничто не могло объяснить чудовищного совпадения двух независимых покушений на жизнь Лесли. О, я попытался это осмыслить – как вы и планировали мою роль. Я изобрел призрачного кукловода-вдохновителя. – Он усмехнулся. – Я рассказывал о таком человеке Каслу вчера вечером по дороге в театр. И я думал о Викторе Фрайерне: он мог увидеть вас в билетной кассе из своего кабинета, когда вы покупали билеты в ложу. Ну да ладно! – Он с сожалением вздохнул и продолжил: – От этой теории скоро пришлось отказаться. Пенни сама подсказала мне правду. Во время реконструкции она заняла место Лесли. Я смотрел, как она пятится от револьвера Трента. Как и Лесли, она встала спиной к чучелу медведя, почти в объятиях животного. Пруток, который отмечал вход пули двадцать пятого калибра в пасть медведя, был чуть выше головы Пенни... И это было главной подсказкой! Рост Пенни пять футов и три дюйма. В убитой было пять футов семь дюймов. Лесли просто не могла стоять перед медведем, когда вы выстрелили из «Кольта». Те дополнительные дюймы поставили бы ее на пути пули. Вместо того, чтобы пройти над ее головой, пуля врезалась бы в череп.

На лице Мервена было написано поражение. Он закрыл глаза. Лоуренс печально сказал:

– Как только я понял это, все преступление стало понятным. Сидя в пустом театре, глядя на пустую сцену, я наполнил здание фантомами. Вы, Трент и Лесли – вы все играли свои роли.

Как ни странно, Мервен улыбнулся:

– Представление в присутствии монарха. – Он задумался: – Эта девушка Валентайн – что заставило ее вернуться?

– Она тоже узнала правду, – ответил Лоуренс.

– Но, ради Бога, как?

Лоуренс вздохнул:

– У Майкла была еще одна квартира, я вам уже говорил. У Пенни, конечно же, был от нее ключ. Она вышла из театра и пошла в их квартиру. Позвонила Майклу. Была безумно счастлива. Ждала возлюбленного. А затем...

– Да?

– Она нашла ключ от театра. Патроны. И револьвер «Уэбли & Скотт» тридцать второго калибра.

Голос его дрогнул:

– Не хочу даже думать про этот момент. Для Пенни весь мир рухнул. Она, наконец, увидела правду. Майкл – убийца. А она надела ему веревку на шею. Она опасалась, прежде всего, меня. Знала, что я неизбежно обнаружу правду. Но решила попытаться спасти Майкла любыми средствами. Она вставила несколько патронов в револьвер и поспешила назад в театр. Отчаянно попыталась убедить меня, что Лесли совершила самоубийство – единственное другое возможное решение. Ей это не удалось. Когда она поняла, что я знаю правду, она попыталась использовать последний шанс спасти возлюбленного – убить меня.

Лоуренс прикрыл глаза:

– Я не могу обвинять ее в этом. Она любила его, понимаете!

Он поднял голову. Голос его окреп:

– Но Майкл тоже ее любил. И он не позволил ей рисковать жизнью или свободой... Трент появился в квартире и обнаружил, что девушка ушла. Револьвер пропал, как и ключ от театра. Он предположил, что она пошла в «Янус», и направился туда. Сознаюсь, я восхищаюсь им. Пенни со-

биралась послать пулю, перебив мне шею. Майкл, должно быть, понял, почему она хочет это сделать. И он не позволил ей уничтожить себя ради него. Он выбил револьвер из ее руки.

Лоуренс поднял плечи:

– Вот и всё.

Губы Мервена изогнулись в подобии улыбки:

– Вы должны все же доказать свою теорию, – равнодушно заметил он.

Лоуренс снова пожал плечами:

– Я оставляю это полицейским. У них есть второй револьвер. И Трент, вероятно, признается, чтобы защитить Пенни. Про ее попытку убить меня ничего сказано не будет. Я за этим прослежу.

Голос Мервена был все так же лишен жизни:

– И Трент втянет меня.

Лоуренс грустно улыбнулся:

– И у нас уже есть ваше собственное признание. Там неверны некоторые детали. Но по сути-то все правильно.

Мервен оскалил зубы в усмешке:

– Это будет интересный суд.

Лоуренс развел руками:

– Вот и все. Теперь я могу идти. – Но он не сделал никакого движения.

Ричард Мервен медленно произнес:

– Полагаю, я должен вас ненавидеть. Но чувствую лишь умеренное любопытство.

Он пристально поглядел на Лоуренса:

– Ведь это неофициальный визит, который нарушает все правила. Вы же не приехали сюда, чтобы заманить меня в ловушку и заставить признаться?

– Нет.

– Тогда зачем?

Лоуренс облизнул губы:

– Есть кое-что... Я хотел бы знать... – Его голос замер. – Я подумал, возможно... вы могли бы мне сказать...

– Да?

– Что заставляет убийцу убивать? – прошептал Лоуренс.

Лицо Мервена напоминало маску. Он пробормотал:

– Дух убийства спит в сердце каждого. А проснувшись... – Он махнул рукой: – Могу сказать вам. Я уничтожил себя, прежде чем убил.

В камере стало темнеть. Голос Мервена напоминал мерцающее пламя:

– Я должен был отомстить. Но затем я остался... с пустотой. Я больше не был человеком. Так, пустая раковина.

Он глухо добавил:

– Мсть вовсе не сладка. Это все тщета!

И добавил странным тоном:

– Запомните это.

Лоуренс склонил голову. Он медленно встал, расправляя затекшие конечности. Подошел к двери и вызвал надзирателя.

Затем, не оглядываясь, вышел из камеры.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ХИДЕТОШИ МОРИ О ДЕРЕКЕ СМИТЕ

Впервые я встретил Дерека Смита в июне 1994 года на ярмарке антикварных книг, проводимой в отеле «Рассел» в Лондоне. Я разговаривал с букинистом, специализирующимся на детективах, и он рассказал мне о Дерекe, который живет в Лондоне и придет на ярмарку позже. Он представил нас, и мы с Дерекoм за кофе обсуждали нашу любимую тему – тайну запертой комнаты. Когда я сказал ему, что мне очень понравился его роман в этом жанре («Вызвать дьявола» (*Whistle Up the Devil* 1953)), он сообщил, что существует еще один роман с Олджи Лоуренсом, до сих пор не изданный: «Приходи на Паддингтонскую ярмарку» (*Come to Paddington Fair*).

Для меня стало традицией посещать эту книжную ярмарку ежегодно до 1997 года включительно. Затем моя рабочая нагрузка в Японии возрасла, и с тех пор я больше не был за границей и сомневаюсь, что когда-нибудь буду (я обязан прочитывать и рецензировать более 200 книг в год для различных журналов). Кажется, в 1996 году Дерек дал мне отскеренную копию «Приходи на Паддингтонскую ярмарку», а также копию «Модели убийства» [Имеются разночтения в названии *Model Murder* или *Model for Murder* – примечание английского редактора] – романа о Секстоне Блейке, который также никогда не издавался. Он выразил надежду, что «Ярмарку» когда-нибудь можно будет издать. После того, как я вернулся в Японию, я прочитал рукопись и решил, что это шедевр и даже лучше, чем его первая книга. Я написал Дереку, что хотел бы издать роман в Японии, если он не сможет найти издателя в Англии или США. Таким образом, книга была издана весной 1997 года Сузуму Кобаяши, который отредактировал текст и создал макет, и мной. Тираж ограничился 80 экземплярами, потому что затраты на издание в Токио очень велики. 45 экземпляров мы послали Дереку (который раздал их друзьям и коллегам-коллекционерам, а 35 экземпля-

ров остались в Японии (они разошлись среди местных поклонников невозможных преступлений).

К концу мая того же года он прислал мне письмо, в котором были такие слова: «Вы и Ваш друг С. Кобаяши заслуживаете самой высокой похвалы за то, как издали мою книгу. Это – почти в точности то, что я видел в мечтах о публикации за эти сорок лет: стиль тридцатых годов, но с современными усовершенствованиями: немного больший формат, чем обычная книжка в мягкой обложке, но она легкая и ее приятно взять в руки. Бумага превосходная, прошивка надежная, а размер шрифта великолепен для приятного легкого чтения. Количество страниц (270) – в самый раз, обложка прекрасно сидит и имеет интригующий вид, а Ваша суперобложка замечательно выполнена в мотиве «Занавеса». В целом – роскошная вещица. Могу только надеяться, что читателей история захватит». Я сам создавал суперобложку, о которой он упомянул, и был счастлив услышать, что она ему понравилась.

После того, как книга была издана, Дерек напомнил, что я предложил сделать вызов читателю, и сожалел, что не вставил его в конце второй части. Он предложил, чтобы этот вызов выглядел так: «С нижайшим почтением читателя просят СДЕЛАТЬ ПАУЗУ И ПОРАЗМЫСЛИТЬ... а потом ответить на главные вопросы этой увлекательной игры: КТО ЭТО СДЕЛАЛ? и КАК?»

Читатели могут задаться вопросом, почему мы не издали «Модель убийства» одновременно с «Приходи на Паддингтонскую ярмарку». Да просто потому, что роман основан на персонаже, не созданном Дерекком Смитом! Хотя было бы довольно легко получить разрешение на издание от Дерека, мы не были уверены, имеем ли право издать роман, основанный на персонаже, не созданном автором (Попробуйте вообразить ситуацию, что сегодня кто-то напишет пародию или пастиш с участием Шерлока Холмса или Эркюля Пуаро).

Хидетоши Мори
Токио, июнь 2014

ТОНИ МЕДАВАР О ДЕРЕКЕ СМИТЕ

Я встретил Дерек Хоу Смита на Баучерконе XXI¹³ в Лондоне в 1990 году, где наш общий друг, Боб Эйди, был почетным гостем. Дерек был прекрасным компаньоном, полным анекдотов о многих известных авторах детективов, с которыми он переписывался или встречался, и одаренным способностью помнить в деталях множество книг, прочитанных им, но мало известных остальным. Хотя у нас была разница в возрасте приблизительно 40 лет, мы быстро пришли к согласию по поводу Джона Диксона Карра, американского писателя, очень точно названного «Королем ложного направления» никем иным, как Агатой Кристи, и Дерек сказал, что ему повезло в военное время увидеть оригинальную постановку одной из пьес Карра «Инспектор Сайленс поднимается в воздух» (*Inspector Silence Takes the Air*). Как раз недавно я обнаружил подлинник этой и трех других пьес Карра в архиве Британской библиотеки, поэтому смог вручить Дереку текст подлинника пьесы, о которой, как он сказал мне, он думал «в течение почти пятидесяти лет». Именно Дерек предложил собрать все эти оригиналы вместе и издать, что в конечном счете и было сделано компанией Дугласа Грина «Криппен и Ландрю». Печально, что Дерек не дожил, чтобы увидеть, как тепло проект был принят многими поклонниками Карра (а он в этом и не сомневался).

Дерек был страшно рад возможности вновь прочесть текст пьесы «Инспектор Сайленс поднимается в воздух», а взамен он великодушно подарил мне экземпляр первого выпуска собственного романа «Вызвать дьявола», изобретательную тайну запертой комнаты, посвященную Дереком нашему любимому писателю. Будучи перфекционистом, Дерек, давая мне роман, указал на неясность, возникшую при объяснении

---

13 Баучеркон – ежегодный съезд питателей и поклонников детективного жанра, проводимый в память Энтони Баучера.

одного из аспектов решения, – она приводила к неоднозначности. То же самое он сделал несколько лет спустя, вручая мне экземпляр первого издания его романа «Приходи на Паддингтонскую ярмарку», в котором исправил несколько незначительных опечаток и добавил «Вызов читателю» в стиле Эллери Квина. Интерес Дерекa к разработке сюжетов сделал его идеальным собеседником, и в середине 1990-х он посоветовал мне, как обращаться с главным элементом сюжета о тайне запертой комнаты в книге, которую я тогда писал... да и сейчас пишу. Как у многих поклонников детективной беллетристики, у меня в голове множество сюжетов – действительно красивые задачки с еще более красивыми решениями. Но, как и многие поклонники детективной беллетристики, я еще не записал ни одного из этих замечательных шедевров. Нужно быть благодарными Дереку: он смог сделать то, что так многие из нас считают самым трудным, а не просто придумал восхитительные проблемы, мечтая о Золотом веке, и нашел время, чтобы превратить мысли в слова, так что в итоге сегодня, спустя многие годы после его смерти, Дерек Смит все еще в состоянии бросить нам вызов, предлагая сыграть «в эту увлекательную игру: КТО ЭТО СДЕЛАЛ? и КАК?».

Тони Медавар
Лондон, июнь 2014

---

14 *Примечание английского редактора:*

В посвящении Тони Медавару в экземпляре «Приходи на Паддингтонскую ярмарку» написано:

Тони Медавару – несравненному искателю потерянных сокровищ, этому выжившему реликту исчезнувшего мира ранних 1950-х, от такого же поклонника Мастера

(Подпись) Дерек Смит

НАЙДЖЕЛ МОСС О ДЕРЕКЕ СМИТЕ

Впервые меня представил Дереку на книжной ярмарке в Лондоне в конце 1990-х Мори-сан, видный японский коллекционер. Примерно в это время Мори впервые издал «Приходи на Паддингтонскую ярмарку» в частном японском издательстве. Ниже привожу письмо Дерекы ко мне, датированное сентябрем 1998 года:

Дорогой Найджел Мосс.

Надеюсь, Вы простите мне, что я долго не отвечал на Ваши письма. У меня нет никакого реального оправдания – это просто моя зимняя хандра, которая продлилась и на лето, и я забросил все.

Однако вот, наконец, кое-что, чтобы добавить к Вашему экземпляру «Приходи на Паддингтонскую ярмарку». В западном полушарии есть лишь тридцать-сорок экземпляров этой книги – кто знает, все они могут стать коллекционными! Я буду вечно благодарен мистеру Мори и его другу С. Кобаяши за то, что они смогли извлечь из мрака этот роман.

Я персонифицировал все экземпляры, которые прошли через мои руки: все подписаны и большинство с отдельными посвящениями. Вложенное в этом письме призвано сделать то же для Вашего экземпляра:

(первое) титульный лист нужно вставить перед посвящением Джону Диксону Карру;

(второе) страницу посвящения поместить напротив списка оглавления, со специально написанными стишками, которые, я надеюсь, вас развлекают; и

(третье) вежливый «вызов читателю» должен идти перед Частью III, страница 252.

Этим я ставлю жирную точку в этой части книги в стиле ДДК в его самых ранних романах.

С некоторым колебанием прилагаю еще один фрагмент из опытов моей юности: работу 1948 года, отпечатанную на моей первой пишущей машинке, когда я счастливо барабанил на ней любую историю, которая возникала в голове, просто ради удовольствия. Само собой разумеется, ни одна не была издана и большинство пропало, хотя иногда фрагменты всплывают в моих старых личных бумагах, главным образом наброски, которые, как я думал, можно было бы отредактировать или расширить. Как ни парадоксально, этот сохранился почти в исходном состоянии, потому что, наверное, я посчитал его слишком слабым, чтобы хоть куда-то послать! Я подумал, что эта вещица может вас развлечь как древность – копии давно выцвели, поэтому эта вещица, хоть и ужасна, но, по крайней мере, уникальна.

С наилучшими пожеланиями,

(Подпись) Дерек Смит

P.S. Я внимательно отслеживаю список книг, которые вас интересуют, но пока без успеха. Буду продолжать искать. Д.С.

Найджел Мосс

Лондон, январь 2014

---

15 *Примечание редактора:*

«Фрагмент», на который ссылается в письме Дерек Смит, является рассказом «Несовершенное преступление», который издан в сборнике на странице 617. 1 Посвящение в экземпляре «Приходи на Паддингтонскую ярмарку» гласит:

Найджелу Моссу – масса благодарностей за его благожелательный интерес к моим историям.

(Подпись) Дерек Смит

*Коварный план убийца сплел,
И сыщик наш с ума сошел.
Закрыло тайну много туч,
Но поверни скорее ключ –
И бесовщины больше нет:
Ночь – наваждение, Разум – свет!*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть I. Занавес поднимается

Глава 1.....	9
Глава 2.....	18

Часть II Сцена подготовлена

Глава 3.....	31
Глава 4.....	42
Глава 5.....	53
Глава 6.....	63
Глава 7.....	73
Глава 8.....	82
Глава 9.....	89
Глава 10.....	99
Глава 11.....	110
Глава 12.....	119
Глава 13.....	131
Глава 14.....	140
Глава 15.....	150
Глава 16.....	165
Глава 17.....	176
Глава 18.....	185
Глава 19.....	196
Глава 20.....	209
Глава 21.....	221
Глава 22.....	235
Глава 23.....	247
Глава 24.....	259
Глава 25.....	267
Глава 26.....	275
Глава 27.....	289
Глава 28.....	297

Часть III Занавес опускается

Глава 29.....	305
Глава 30.....	311

ПРИЛОЖЕНИЕ

Хидетоши Мори о Дерекe Смите.....	328
Тони Медавар о Дерекe Смите.....	330
Найджел Мосс о Дерекe Смите.....	332

Литературно-художественное издание

16+

Дерек Смит

Приходи на Паддингтонскую ярмарку

Гарнитура Cambria

© Перевод. Николай Баженов, 2021